

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

ВОЙКОДАВ

ПРАВО НА ПОЕДИНОК

Он вернулся.
Он прошёл сквозь Врата иного мира,
чтобы продолжить свой поединок со злом.

Мария Васильевна Семёнова

Право на поединок

Серия «Волкодав», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119931

Волкодав. Право на поединок: Азбука-классика; СПб; 2006

ISBN 978-5-389-04248-3

Аннотация

Он вернулся. Он прошёл сквозь Врата иного мира, чтобы продолжить свой поединок со злом. Холодная сталь берегла его днём, собачья шерсть – ночью. Он был последним в роду, но, пока он был жив, Серые Псы не потеряли своё право на поединок.

Цикл Марии Семёновой о Волкодаве давно стал классикой современной российской фэнтези. Книга «Право на поединок» рассказывает о приключениях последнего воина из рода Серого Пса после событий, произошедших в романе «Волкодав».

Содержание

1. Бортник и его сын	8
2. Сломанные крылья	46
3. На третью ночь	83
4. Дом у дороги	125
5. Младший брат	169
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Мария Семенова
Волкодав. Право
на поединок

МАРИЯ СЕМЁНОВА

ВОЛКОДАВ

ПРАВО НА ПОЕДИНОК

АВТОР СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИТ

своих родителей, имевших терпение всё это выслушивать, а также фантаста Павла Вячеславовича Молитвина, врача Павла Львовича Калмыкова, старшего парамедика Андрея Леонидовича Мартьянова, сэнсэя Владимира Тагировича Тагирова и всех своих товарищей по татами, мастера Вадима Вадимовича Шлахтера, бывалого человека «Медведя» и инженера по компьютерам Хокана Норелиуса (Швеция) за ценнейшие соображения и бескорыстную помощь!

Ты – всё за книгой, в чистом и высоком,
А я привык тереться меж людьми.
Тебя тревожат глупость и жестокость,
А я – мне что! Меня поди пройми.

Различие наше – в чём-то самом главном.
Я хмур и зол. Ты – светоч доброты.
Тебе не стать как я, а мне подавно,
Мой славный друг, не сделаться как ты.

Твою учёность превзойдут едва ли,
А дело к драке – тут меня держись.

И, может статья, Боги не дремали,
Таких несхожих выпуская в жизнь?...

1. Бортник и его сын

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Бледный свет скользил по пушистым еловым ветвям, окутывал мерцающей дымкой круглые холмы предгорий и сообщал чеканную ясность далёким вершинам Засечного кряжа. Вдоль говорливой протоки, в которой полоскала белые кисти только что расцветшая черёмуха, шагали, направляясь в сторону гор, двое путешественников. Один был стройный молодой аррант с красивой шапкой тугих золотистых кудрей и тонкими, изысканными чертами лица. Такие лица нередки в знатных коренных семьях Аррантиады. Он и одет был, по обычаю своей страны, в льняную рубашку, плащ и сандалии. Юноша улыбался, с видимым удовольствием вдыхая ночной холодок. Так смотрит вперёд человек весёлый и смелый. Будь кругом посветлее, на пальцах у него обнаружили бы следы чернил.

Второй мужчина был на полголовы выше арранта и заметно шире в плечах. В отличие от спутника, он не был похож на точёную старинную статую, зато двигался, по давней привычке, совершенно бесшумно. Он шагал босиком, неся на плече мягкие кожаные сапоги, связанные тесёмками. Лунный свет метил резкой тенью длинный шрам на левой щеке. Шрам тянулся от века до челюсти, пропадая нижним концом в короткой густой бороде. И смотрел этот человек вперёд со-

всем не так, как аррант. В светлых глазах не было ни улыбки, ни предвкушения. Он привык рассчитывать на худшее и ждать любых пакостей от судьбы. И судьба ни в коем случае не могла бы похвастаться, что он эти её пакости безропотно принимал.

– Скоро придём, – сообщил он своему спутнику. Сам он был из племени веннов, но по-аррантски изъяснялся без акцента, со столичным изысканным выговором; учитель в своё время попался уж больно хороший. Кудрявый парень обернулся на ходу, вопросительно посмотрел на него, и венн пояснил: – Дымом пахнет.

Аррант потянул носом и ничего не почувствовал, но на всякий случай кивнул. Говорит – пахнет, значит, действительно пахнет. Сейчас ещё скажет, что там варят на ужин. Аррант был гораздо образованней и учёней своего сотоварища, но некоторые поступки и качества венна трудно было измерить убогими человеческими мерками. Например, его нюх. Или способность видеть в темноте почти так же хорошо, как днём. Когда приличные люди не могли различить ни зги, он способен был собирать иголки, раскиданные в траве. Хватало и иных странностей. У венна даже не было порядочного человеческого имени, только прозвище: Волкодав. Оно, впрочем, удивительно ему подходило. И он однажды обмолвился, будто предок его рода в самом деле был Псом-оборотнем, спасшим Праматерь племени от лютых волков... Молодой учёный про себя полагал подобные рассказы че-

пухой, досужими выдумками варварского племени. Но бывали моменты, когда...

А впрочем, по большому-то счёту, какое это всё имело значение? Да никакого.

Венн шёл следом за аррантом, в трёх шагах, и не без некоторого раздражения думал о том, что они ещё недостаточно удалились от Врат. А значит, непременное желание Эвриха провести эту ночь под жилой крышей было, мягко говоря, порядочной придурью. Пару лет назад Волкодав успел-таки с избытком наследить в здешних местах. И вовсе не рвался зря мозолить глаза.

Эврих честно объяснил ему причину своего желания. Всякий раз, проходя Вратами в этот мир, он до урчания в животе боялся самой первой встречи с его обитателями. Ну, а от того, чего боишься, следует либо по возможности бегать – в чём немного достоинства, да и получается не всегда, – либо набраться смелости и шагнуть навстречу, а там будь что будет. Так он и теперь хотел поступить, и в этом Волкодав был с ним совершенно согласен. Другое дело, мог бы грамотей обождать с утверждением духа и до той стороны перевалов. Где некому будет узнать одиноких странников, озлиться и устроить погоню... Так нет же, вздумалось доказывать свою храбрость прямо сейчас. До дела дойдёт – кому, спрашивается, отдуваться придётся?...

Волкодав ворчал про себя, шагая вперёд, но вслух не го-

ворил ничего. Милосердные Боги привесили ему язык не тем концом, который требовался для красноречия. Дешевле будет не связываться и заглянуть-таки на дымивший поблизости двор. Не сплошь же разбойники здесь живут. Хотя и не подарок, конечно, – сегваны. Давние переселенцы, выжитые со своих северных островов нашествием Ледяных Великанов. Эти великаны жили и разрастались в горных долинах. Временами они высовывали оттуда грязно-белые пятки и сталкивали с земли всё, что попадалось: дом – так дом, огород – значит, огород. Оттого островные сегваны уже не первое поколение семьями переправлялись на материк. Иногда они забывали, что едут не на дикое место. О том, чем в таких случаях порою кончалось дело, Волкодав вспоминать не любил. Потому что тогда у него начинали чесаться шрамы от кандалов на шее и на запястьях и хотелось, как когда-то, задушить первого попавшегося под руку сегвана. А это было плохо и недостойно потомка Серого Пса.

Ещё Волкодав видел, что хозяин близкого уже двора был бортником. Венну несколько раз попадались на глаза дуплистые липы, отмеченные особым знаменем: тремя вертикальными полосами, перечёркнутыми косым крестом. Волкодав про себя отметил, что человек, наносивший знамёна, чтит Правду лесную и не обижал доброе дерево, приютившее медоносный рой. Бортник не ранил коры, чертил знаки как подобало, кистью и краской. Может, и вправду с ним можно дело иметь...

Потом мужчины вышли на обширную поляну, и венн поблагодарил Лешего за тропинку. Воистину жаль было бы топтать спящие цветы, покрывавшие поляну от края до края. В северном конце виднелись ульи, сплетённые, как было принято у сегванов, из толстого соломенного жгута.

Скоро между деревьями показался и двор, обнесённый высоким, крепким забором. По ту сторону забора сейчас же в несколько голосов залились псы.

Бортник Бранох с чадами и домочадцами собирались уже ложиться спать, когда снаружи встрепонулись собаки. Люди в предгорьях, бывало, шатались всякие, а потому в дополнение к охотничьим лайкам Бранох год назад привёз с галирадского торга суку и кобеля знаменитой сольвеннской породы. Это были поджарые, остроухие, зубастые псы, исходящие бешеной злобой при малейшем признаке чужаков. И чуть не от рождения знающие, как поступать, если замахиваются ножом.

К прочной дощатой калитке извне было приделано кованое кольцо. Пока Бранох переглядывался с сыновьями, за это кольцо взялась решительная рука и громко постучала в гулкие доски. Делать нечего, мужчины вооружились копьями и пошли разбираться.

Сольвенские сторожа неистово хрипели в ошейниках и поднимались на задние лапы, натягивая цепи. Лайки вертелись и гавкали перед калиткой, но за забор не совались.

– Кто там? – не слишком ласково осведомился Бранох, раздвигая сапогами пушистые собачьи бока. – Кого Хёгг среди ночи по лесу носит?...

– Пусти до утра, добрый хозяин! – долетел снаружи звонкий молодой голос. – Мы мирные странники, людям никаких обид не чиним!

Бранох недовольно нахмурился. Ему не нравилась явная молодость говорившего. Да и в мирные намерения стоявших по ту сторону тына он, Хёгг проглотил, не больно-то верил. То есть, лучше сказать, не верил совсем.

– Идите-ка вы своей дорогой, перехожие люди, – посоветовал он незванным гостям. – А то как бы у меня злые собаки привязь не оборвали.

Двух ночей ещё не минуло с той поры, как такие же ночные пришельцы пожаловали к кострам пастухов, присматривавших за скотиной богатого соседа, сыродела. Сыр, сметану и знатное масло соседа уважали в стольном Галираде, не брезговал отведать и сам кнес, Глузд Несмеянович. Однако пришельцы никакого вежества не понимали. Нахально водворились к огню и потребовали, чтобы работники сейчас же зарезали им на ужин корову. Да не какую-нибудь старую и жилистую, а молодую, нежную и жирную. Висельников было числом семеро, пастухов больше, и пастухи затеяли было дать отпор. Однако нарвались на отъявленных вояк, наёмников, зарабатывавших на жизнь беспощадным умением драться... В общем, кончилось дело выбитыми зубами и

сломанными рёбрами. Благодарение Храпну хоть за то, что никого не убили. Зато, словно в насмешку, прирезали самую лучшую молочную корову соседа, от которой добрый сыродел думал в этом году дожждаться ещё и телёночка. Остальных коров, разбежавшихся по лесу, пастухи и нынче ещё собрали не всех. Бортник тихо подозревал, что сосед, горько плакавший над искромсанной тушей любимицы, предпочёл бы похоронить вместо неё одного-двух разинь, не сумевших отстоять хозяйского стада. У самого Браноха работников не было, только сыновья, невестки да внуки. Пустишь чужаков в дом, ведь не оберёшься беды. А не пустишь – как разойдутся ещё улыи-то поджигать... Не-ет, надо гнать сразу и так, чтобы обратную дорогу забыли. Тем более что младший сынишка, Асгвайр, уже принял острым молодым глазом к нарочно пробуравленному отверстию и обнадѣжил:

– Их там, батюшка, всего-то двое и есть.

Бранох отстранил меньшого и посмотрел сам. Если бы перед калиткой переминалось двое беззащитных горбатых калек, почтенного сегвана, вероятно, уколола бы совесть. Но на вытоптанной плеши стояли два крепких плечистых парня, по виду – сами кого хочешь сожрут. Особенно не понравился Браноху тот, что был повыше. У него, ко всему прочему, ещё и серебрился над правым плечом безошибочно узнаваемый черен меча, и бортник понял: Хёгг вывел к его подворью отставших приятелей тех семерых.

– Спускай Волчка! – велел он младшему сыну.

Ошейник лютого кобеля был пристёгнут к цепи особым хитрым устройством, за которое Бранох заплатил мастеру кузнецу два горшка лучшего цветочного мёда. Как ни рвись пёс, защёлка держала надёжно. Зато спустить мохнатого зверя легко могла даже маленькая внучка, не говоря уж про семнадцатилетнего сына. Не надо возиться, расстёгивать непослушную пряжку. Надави двумя пальцами – и пёс полетел...

...И пёс полетел. Бурой молнией через двор, оставив свирепую подругу беситься и подвывать на цепи. Потом, без задержки, в нарочно для него устроенный лаз под калиткой. Лайки звонким горохом выкатились вслед жожаку. За тыном испуганно вскрикнули. Сыновья бортника захохотали и полезли смотреть через забор. Самому хозяину вскакивать на приступок было вроде как не по достоинству, но и он не утерпел, вспрыгнул.

И очень вовремя.

Потому что глухой кровожадный рык Волчка вдруг сменился виноватым, просительным поскуливанием. Бранох воздел голову над забором и увидел, что грозный пёс протирал брюхом землю, ласкаясь к присевшему на корточки рослому незнакомцу. Кобель даже не то чтобы вилял хвостом – прямо-таки извивался всем задом, словно восторженный щенок. Остроухие лайки вертелись тут же, умильно визжали, почтительно обнюхивали бродягу, норовили лизнуть. Ну прямо родич любимый в гости пожаловал.

Бранох что-то не припоминал таких радостей, даже ко-

гда он сам, вскормивший хозяин, возвращался домой после долгой отлучки. Бортник почти суеверно подумал о том, что псы, кажется, в один миг успели возлюбить пришлеца, точно родного. И пожалуй, убежали бы следом за ним, вздумай только он их поманить. Мелькнуло и совсем тревожное: а вознамерься он их натравить на обитателей дома...

Между тем собачий родственник выпрямился. Луна светила ярко, и Бранох, без того жестоко ошарашенный поведением верных псов, загоревал окончательно. Волосы незнакомца были заплетены в две косы и перетянуты ремешками. Венн!... Только этого племени ему тут ещё не хватало!...

Бранох вполголоса помянул трёхгранный кремень Туннворна и украдкой оглянулся на сыновей. Сыновья творили охранные знаки могучего Храмна, Отца Премудрости, и Роданы, Подательницы Потомства. Все знают, что псы никогда не лают на колдунов. И ещё – на Богов, когда Они решают почтить людей Своим посещением. Но чтобы порядочный сегванский Бог явился в облике венна?... Ясное дело – колдун!

Тем временем венн обозрел головы бортникова семейства, торчавшие над тыном, и впервые подал голос:

– Может, пустишь собачек обратно во двор, хозяин? Да и нас с ними заодно...

Сказано это было безо всякой угрозы, но Бранох отчётливо понял: лучше пустить. Потому что венн, если пожелает, войдёт всё равно. И не помешает ему ни крепкий тын, ни

четверо сыновей. Уж не поминая о внуках.

Бортник поднял из ушек крепкий брус и обречённо отворил калитку. Венн неторопливо двинулся внутрь. Свора преданно повизгивала, заглядывала ему в глаза. Его спутник, молодой красивый аррант, шёл рядом. Бранох отметил, что он взирал на происходившее с любопытством, но без особого удивления.

Пока хозяин двора и его сыновья растерянно соображали, как же поступать дальше, из дому вышла хозяйка, почтенная Радегона. И тотчас показала, что только женщина по-настоящему достойна править домом и вести племя. Она спокойно пошла навстречу жутковатым гостям, держа в руках большую свежую лепёшку, поджаренную по-сегвански, с луком и гусиными шкварками:

– Отведайте, добрые гости.

У Браноха сразу отвалился камень от сердца. Венн, а за ним и аррант низко поклонились женщине, оторвали по куску лепёшки и отправили в рот. Значит, вправду не держат за душой зла. Бортник с сыновьями подошли разделить трапезу, и только тут Бранох припомнил, что венн *заговорил* с ним, пока стоял перед калиткой. Не будь старый сегван настолько поражён изменой собак, он уже тогда сообразил бы, что можно не опасаться беды. Венны считали бесчестьем убивать тех, с кем довелось разговаривать. По их вере, слово накладывало узы не менее прочные и святые, чем совместно съеденный хлеб.

А впрочем, сказал себе Бранох, даже и венны, бывает, меняются, если подолгу не живут дома. И вообще, чего только не дождёшься от людей в нынешние времена...

– Посели, Асгвайр, гостей в клеть, – велел он младшему сыну. Асгвайром паренька звали на улице и во дворе. Под родной крышей, в ближнем кругу родни, жило совсем другое имя, и его случайным прохожим знать было незачем. И уж к домашнему очагу их, само собой, пускать тоже не стоило.

– Я странствующий учёный из благословенной Аррантияды, люди так и называют меня – Собиратель Премудрости, – представился спутник венна. – А это мой слуга и телохранитель. Я зову его Зимогором.

Бранох только кивнул, в свою очередь называя себя и семью. Он ничуть не сомневался, что имена гостей тоже имели весьма слабое отношение к истинным.

Двор внутри тына оказался устроен примерно так же, как и большинство сегванских дворов, виденных до сих пор Волкодавом. Посередине – длинный дом с единственной дверью, обращённой на юг. Дом напоминал продолговатую насыпь, снизу доверху заросшую травой и цветами; лишь в двух местах зелёный покров нарушали отверстия дымогонов. Волкодав знал, что внутри скрывался уютный бревенчатый сруб, очаги в полу, широкие лавки вдоль стен и спальные клетушки по числу малых семей. Снаружи стены и крыша дома были толсто засыпаны камнями и землёй и выстланы дёрном.

Переселившись с голого острова на материк, в изобильные лесом места, сегваны упрямо продолжали строить жильё по прародительскому завету. Только рубленые клетки, видневшиеся поблизости, были точно такими, какие ставили у себя коренные местные жители. Ну да клеть – это не дом с очагом, святости в ней немного.

Асгвайр отворил для гостей дверь, зажёл лучину, вставленную в кованый железный светец, и предложил стелить постели на опрятном берестяном полу. Пахло в клетки хорошо: мёдом и хлебом. Асгвайр уже собрался прочь и прикрывал за собой дверь, когда в смыкавшуюся щель, беззвучно извернувшись в полёте, проскользнула снаружи большущая, с голубя, летучая мышь. Пока сын бортника испуганно соображал, как будет выпроваживать ночного охотника вон, ушастый зверёк деловито облетел покойчик кругом, а потом вспорхнул на плечо венну – и устроился там, словно на привычном насесте.

Выкатываясь за порог, Асгвайр всё же уступил жгучему любопытству и обернулся. И увидел, как Зимогор поднял руку и дружески погладил маленького летуна. А тот ласково потёрся мордочкой о его шею. Асгвайр чуть не споткнулся о собак, расположившихся у крыльца, и побежал в дом. Всё-таки колдуны!... Во имя волосатых ляжек Туннворна, колдуны!...

– Ну вот! – сказал Эврих, когда за юным сегваном бухнула дверь. – Как сейчас заложат с той стороны да подпалят,

чтобы какой ворожбы не сотворили...

Венн хмыкнул:

– Ты под крышей ночевать рвался, не я.

Он не стал напоминать Эвриху о законе разделённого хлеба, чтимом, насколько ему было известно, простыми сегванами свято. В просвещённой Аррантиаде этот закон, как и многие другие незыблемые древние установления, был почти позабыт. Арранты по-прежнему встречали приезжих людей угощением, но уже немногие доподлинно знали, почему так. Вот пускай Эврих и боится. Впредь на пользу пойдёт.

Через некоторое время в дверь заскреблись. Волкодав, как полагалось «слуге и телохранителю», её отворил. Оказывается, это Асгвайр принёс позднюю вечерю гостям.

Волкодав принял деревянное блюдо, поблагодарил юношу и сказал:

– Отведай с нами угощения, сын славных родителей.

В таких случаях у сегванов упоминалось лишь об отце, но венн, выросший на том, что в семье правила мать, побороть себя не умел. Асгвайр осторожно присел на высокий, в локоть, порог. Мыш немедленно снялся с деревянного гвоздя, на котором висел, подлетел к хозяйскому сыну, сел рядом на толстое бревно и принялся любознательно обнюхивать его руку. Волкодав отметил про себя, что насторожившийся паренёк руки не отдёрнул.

На блюде лежало обычное сегванское угощение: ячменные лепёшки, жареная рыба, творог и мёд. И жбан с сыво-

роткой, которой это племя запивало почти всякую пищу. И ещё печёная в сметане прошлогодняя тыква, сохранять и готовить которую переселенцев научили местные сольвенны.

Асгвайр во все глаза смотрел на двоих чужаков. Он несколько не сомневался, что аррант слукавил, назвавшись странствующим учёным. Дураку ясно, что не бывает учёных таких молодых, загорелых и широкоплечих. Учёные – это длиннобородые старцы, измождённые и высохшие за книгами. И если они путешествуют, то с целыми караванами стражи и слуг. А вовсе не с единственным телохранителем.

Заметив внимательный взгляд юноши, мнимый учёный обратился к нему:

– Медоносны ли пчёлы твоего батюшки, друг мой?

– Милостью Храмна, не жалуемся, – с готовностью ответил Асгвайр. Начало беседе было положено, и он отважился спросить: – Не в обиду будь сказано, куда ты держишь путь отсюда, почтенный? Наверное, в Галирад, на праздник?

Волкодав уже вытащил из заплечного мешка небольшую чашку, покрошил в неё хлеба, рыбы, тыквы и творога и залил всё сывороткой – для Мыша. При этих словах Асгвайра он мысленно пробежал в уме все сольвенские праздники и удивился, не припомнив подходящего. Эврих, видимо, подумал о том же.

– Прости моё невежество, отпрыск славного батюшки, – медленно проговорил аррант. – Я давно не бывал в здешних местах. Какому празднику нынче радуются в сольвенской

державе?

– Ну как же! – в свою очередь удивился Асгвайр. – Государыня кнесинка подарила государю наследницу. Неужели ты не слыхал?

Эврих, не утерпев, оглянулся на Волкодава.

– Я действительно давно не бывал здесь, – сказал он затем. – Больше двух лет. Когда я прошлый раз приезжал в Галирад, городом правил кнес Глузд Несмеянович, и он, к несчастью, был вдов. Как раз тогда он выдавал замуж дочь, но она, сколь я знаю, так и не доехала до жениха... пропала где-то в горах. Это было большое горе. Возможно ли, чтобы кнесинка Елень...

– Да нет! – тряхнул головой Асгвайр, так что за плечами мотнулся длинный хвост русых волос, связанных шнурком на затылке. – Храму было угодно, чтобы государыня Елень Глуздовна так и не возвратилась. Глузд Несмеянович, храни его наши и сольвеннские Боги, по-прежнему вождь и правит мудро и справедливо. Только теперь он снова женился, и жена родила ему девочку. То есть мы, сегваны, считаем, что лучше бы мальчишку, но по их Правде женщина тоже может наследовать...

Боязливая застенчивость понемногу оставляла его, он разговорился и был очень рад, что может чем-то удивить бывалых путешественников.

– Сколько я помню, кнес много зим скорбел по жене, – сказал Эврих задумчиво. – Кто же та, что сумела так счаст-

ливо утолить его скорбь?

– Она родом вельхинка, – ответил Асгвайр. – Вельхи, они и так гордые, а теперь вовсе зазнаются. Особенно ключинские, – слышал, может, это те, что на Сивуре живут. Теперешняя государыня раньше была воительницей и служила кнесинке Елень, когда ту везли к жениху. Я слышал, она вправду здорово дерётся и спуску никому не даёт. Она сражалась у Трёх Холмов и ещё потом, когда сопровождала дочь кнеса. Люди говорят, она ничего не боится. Ещё говорят, будто она очень красивая, хотя и черноволосая. Её зовут Эртан, дочь Мохты Быстрых Ног. Забавные имена у этих вельхов, правда?

Волкодав невольно отвернулся, пряча глаза. Он понял, о ком шла речь, сразу, как только услышал, что новая кнесинка была родом из вельхов. Эртан!... Венн вспомнил гордую голову в короне чёрных кудрей, бесстрашный взгляд серых глаз, маленькие руки, легко управлявшиеся и с тяжёлым мечом, и с поводьями стремительной колесницы... Полуобнажённое, залитое кровью тело и длинный нож, торчавший у левой груди... Госпожа кнесинка Эртан определённо найдёт, о чём рассказать маленькой дочери, когда та подрастёт и захочет стать воительницей, как мать.

– Как люди зовут девочку? – неожиданно для себя самого спросил он Асгвайра. И услышал в ответ:

– Любимой. По первой жене государя.

Эврих заговорщицки воздел палец, потом порылся в ко-

жаной сумке, вытащил глиняную бутылочку и налил понемногу в три кружки:

– Да продлят Боги Небесной Горы дни доброго кнеса и молодой кнесинки и да оградят Они безгрешную малышку от всякого зла!

Асгвайр искренне присоединился. Они выпили по глотку чудесного виноградного вина, привезённого с родины Эвриха. Ласковый жар тотчас разбежался внутри, помогая отвлечься от забот и насладиться беседой.

– Так ты, почтенный учёный, в Галирад направляешься? – снова спросил Асгвайр.

– Нет, – ответил аррант. – Мы теперь через горы, в Нарлак. Волкодав про себя только pokrивился. И что за нужда была вот так вываливать чужому парню свои истинные намерения?... Нарвёшься на разбойного подсыла, а то вовсе на дурной глаз! Эврих, однако, был воспитан иначе. За что время от времени и платился.

А у Асгвайра уже разгорелись глаза:

– В Нарлак!... Значит, не ошибся отец, и вы в самом деле друзья тем семерым?...

– Каким семерым?...

Асгвайр стал рассказывать о похождениях семёрки наёмников, наведшей страху на соседа-сыродела и его трусливых подпасков.

– Вот это люди!... – восхищённо смаковал он драку с работниками. – Таким никто не указ! Захотели – и взяли, что

приглянулось! Так всегда поступают герои. Пастухов было двенадцать, но они разбежались, как крысы!

Всё то, что самого Браноха приводило в ужас и возмущение, у его младшего сына вызывало восторг. Волкодав заподозрил, что у мальчика были крепкие нелады с кем-то из упомянутых пастухов и что выяснение отношений вряд ли обходилось без ссадин.

– Как я понял, среди той семёрки были сегваны, – продолжал Асгвайр. – Наши, островные. Значит, не все ещё к земле приросли, не у всех вместо крови такая вот сыворотка потекла...

Волкодав сказал ему:

– Жалко, что они проходили не через ваш двор.

Он-то слишком хорошо знал, что наёмники вполне могли не только слопать корову и разметать улья, но ещё и начать ловить за волосы пригожих сестрёнок Асгвайра. Однако тот не заметил насмешки.

– Ты прав: жалко! – вздохнул юный сорвиголова. – Я попросился бы с ними! Что мне здесь, дома? Я четвёртый сын у отца. Я надеюсь, Храмн в Своей мудрости ещё долго не станет призывать нашего батюшку, но дойдёт ведь когда-нибудь и до наследства! И что мне достанется? Рой, вылетевший из улья?... Вот уж спасибо. А наёмники... Им щедро платит тот, к кому они нанимаются. И ещё они берут добычу. Что взял оружием, то и своё, ни на кого не надо оглядываться! Их все девушки любят! А если они погибают, то погибают в

бою, с мечами в руках, и Длиннобородый берёт их на небо, сражаться и пировать в Дружинном Чертоге!

Волкодав про себя полагал, что сегванский Небесный Вождь таких вот наёмников если куда и отправлял, то разве в чернейшую преисподнюю, клацать зубами на вековечном морозе. Какому Богу любезны насильники и убийцы?...

– Ваши друзья наверняка идут в Нарлак по тропе, проложенной мимо Утёса Сломанных Крыльев, – блестя глазами, продолжал юный сегван. – Они тоже были пешком: горы у нас тут не очень высокие, только на лошади всё одно не проедешь...

Волкодав это знал. Здешний кряж потому и назывался Засечным, что нашествия из Нарлака можно было не опасаться.

– ...Но если вы возьмёте меня с собой, я покажу вам короткий путь. Там почти всё время надо лезть, но зато мы нагнали бы тех семерых ещё до Утёса...

– Они нам не друзья, – хмуро сказал Волкодав. – И мы тебя с собой не возьмём, даже если твой отец разрешит.

У мальчишки расцвели на щеках горячие малиновые пятна:

– Мне семнадцать зим, я взрослый мужчина! Такому, как я, в старину уже подарили бы боевой корабль, чтобы стал кунсом и славу себе завоёвывал! У меня и меч есть, вот! Я его в земле нашёл, вычистил!

Он даже забыл удивиться тому, что, когда дошло до са-

мого интересного, речи неожиданно повёл слуга, а господин замолчал.

– И никакие они не герои, – точно не слыша, безжалостно приговорил Волкодав. – Ворьё и разбойники. А ты научился мечом владеть, ну и молодец. Может, пригодится дом защитить.

Он видел, что Асгвайр оскорбился. Юный сегван так и заёрзал на месте и не наговорил резкостей только потому, что помнил о гостеприимстве. Терпи всё, что делает гость. Ибо почём тебе знать, кто перешагнул твой порог? Человек вроде тебя самого или дух лесной, похитивший людское обличье? Могущественный волшебник? Или вовсе Бог, надумавший проведать и испытать Своих чад на земле?... Легенды немало рассказывали, что случается с теми, кто обижает гостей.

Вот и Асгвайр – задушил бы этого Зимогора за оклеветанную мечту!... – вежливо посидел в клетке ещё какое-то время, рассуждая о вещах, никоим образом не касавшихся наёмников и воинской славы. Потом забрал опустевшее блюдо, пожелал добрых снов и ушёл.

Проводив его, Эврих не без некоторой торжественности раскрыл свою сумку, вынул из неё непроницаемый для сырости чехол и долго распутывал туго стянутые завязки. Наконец лучина, ронявшая угольки в корытце с водой, озарила пачку чистых пергаментных листов, чернильницу с навинченной крышкой и перо для письма, составлявшее предмет

особой гордости грамотея. Это перо сотворил его добрый друг и учитель Тилорн, знавший многое, неведомое лучшим умам Верхней Аррантиады, не говоря уж о Нижней. Дивное писало могло сразу принять в себя изрядную толику чернил и потом отдавать их строка за строкой, не требуя постоянно-го обмакивания в сосуд с «кровью учёности».

Удобно разложив всё на полу, Эврих снял с пера нако-нечник и на некоторое время замер в задумчивости. Потом глубоко вздохнул, сосредоточиваясь, точно жрец перед бо-жественной службой, помедлил ещё немного и наконец кал-лиграфически вывел на нетронутом гладком листе:

ДОПОЛНЕНИЯ

к Описаниям стран и земель,
многими премудрыми мужами,
в особенности же
Салегрином Достопочтенным,
доныне созданным,
Эврихом из Феда
скромно составленные.

Увы, рядом не было человека, способного разделить вдох-новенный трепет творца, стоящего при начале нового заме-чательного труда. Труда, который, быть может, станет одной из жемчужин великой библиотеки немеркнувшего Силиона. Одна книга Эвриха уже там хранилась, и это предъявляло

к его новой работе особые требования. Аррант полюбовался заглавием, одновременно скромным и полным несуетного достоинства, и начал писать. Первые слова, открывающие книгу и потому особенно важные, были придуманы давным-давно.

Волкодав оставил его трудиться и вышел наружу. Небо было ясное, и он попытался разыскать на нём знакомую звезду. Звезду Тилорна. Ничего не получилось: мешала ярко разгоревшаяся луна.

«Как учит твоя вера о звёздах, друг Волкодав?» – спросил его однажды пепельноволосый мудрец. Дело было в Беловодье, вскоре после того, как они попали туда, кувырком вывалившись из Врат. Волкодав ещё с трудом двигался, медленно оправляясь от ран. Если бы расспрашивать его взялся Эврих, он бы, наверное, на всякий случай совсем не стал отвечать. С Эврихом держи ухо востро. Недорого возьмёт, посмеётся. Да ещё и варваром обзовёт. Тилорн тоже временами бывает хорош, но хоть нарочно издеваться не станет. И Волкодав ответил ему:

«У нас верят, что это глаза души, глядящих с седьмого неба. Там Остров Жизни. Праведные души отдыхают на нём, ожидая новых рождений».

Тогда тоже стояла ночь, и над головами ярко горели негасимые лампы небес.

«А у нас, – сказал Тилорн, – полагают, что это просвечи-

вают сквозь все небеса другие Вселенные. И каждая звезда – огромный огненный шар, светило иных миров».

Волкодав не стал возражать. Спорить он не любил. И потом, ему встречались верования ещё заумней. Даже такие, что вовсе не находили в мироздании места Богам. Ну мало ли какой зримый облик могли принять души, ожидавшие нового воплощения? Огненные шары были ничуть не хуже прочего...

«Видишь звёздочку во-он там, возле копыта Лосихи?» – спросил Тилорн.

«Вижу».

«Это мой дом, – грустно проговорил мудрец. – Я родился в мире, где светит эта звезда».

Как ни дико звучали его слова, Волкодав поверил сразу. Лгать Тилорн попросту не умел. Он был способен молчать даже умирая под пытками, но способностью ко лжи Хозяйка Судеб его обделила начисто.

«Ты, наверное, хочешь вернуться туда?» – только и спросил венн.

Тилорн вздохнул.

«А можешь?»

Тилорн снова вздохнул:

«Теоретически...»

Что такое теоретически, Волкодав уже знал. Это вроде того, что на самом деле голый и безоружный человек может кулаком свалить мономатанского тигра. Но вот по-

ди-ка совершии это в жизни!

«В чём загвоздка-то? – спросил Волкодав. – Колдовать разучился?»

«Можно выразиться и так», – кротко ответил Тилорн. Обычно он яростно отрицал всякую причастность к колдовству, упорно объясняя свои многочисленные лекарские и иные подвиги всего лишь наукой.

«Если, – продолжал Тилорн, – твоя лодка разобьётся на пустынном берегу, где нет ни единого дерева, лишь голый камень, ты ведь не сможешь её починить и возвратиться домой...»

«Почему не смогу? – удивился Волкодав. – Я добуду морского зверя или большую рыбину и кожей залатаю пробоину...»

Тилорн с печальной улыбкой посмотрел на него.

«А если лодка разбита в щепы? Ты сейчас скажешь, обломки можно поджечь и дать знать проходящему кораблю. Но мои кремьень с кресалом затерялись там же, где и всё остальное».

Венны славились непроходимым упрямством, и Волкодав только пожал плечами:

«Всё, что затерялось, можно отыскать снова».

*«Вот тут ты прав, друг мой, – сказал Тилорн. – Тем более что я хорошо знаю, где искать. Мне кажется, я смогу подать весть о себе, если заполучу одну-единственную ве-
щицу...»*

«И далеко она разбилась, твоя небесная лодка?» — начиная соображать, что к чему, спросил Волкодав.

«Далеко... на острове у западного берега Озёрного Края. С некоторых пор я вынашиваю мысль побывать там. Могу ли я надеяться, друг мой, что ты пожелаешь сопровождать меня в путешествии?...»

«А вот об этом ты и говорить не можешь! — мгновенно расвирепев, с неожиданной яростью зарычал Волкодав. — Ты по нашему миру уже разок погулял!... Я тебя лучше прямо здесь своими руками придушу!... Сам пойду, коли надо, и всё принесу! Чего выдумал!... Давно ни у какого Людоеда в клетке не сидел?...»

Для него это была необыкновенно длинная речь, и Тилорн сразу понял, что венн не шутил. Волкодав, впрочем, шутить вообще почти не умел. Пришелец со звезды растерянно попытался увещевать:

«Там требуются познания особого рода...»

«А ты растолкуй!» — мрачно посоветовал Волкодав.

«И надо уметь говорить и читать на моём языке...»

«Научишь!»

Эврих, наверное, не зря считал его самодуром. Невеждой, неотёсанным варваром, вздумавшим указывать чудесному мудрецу. Ну и пускай считает сколько угодно. Пока Волкодав жив, ничья жадность или жестокость более не заставит Тилорна страдать. Всё. А прочие могут удавиться, если не смогут.

«Как называется твоя звезда?» – спросил он пепельноволосого. Тот мгновение помедлил, потом грустно произнёс короткое слово. Так произносят только имена, исполненные величайшего священного смысла.

«Что это значит по-нашему?» – прислушался Волкодав.

«Солнце...»

А происходило это более двух лет назад.

Утро занялось тёплое и солнечное: следовало ждать полетнему жаркого дня. Босой, в одних потрёпанных кожаных штанах, Волкодав умывался возле колодезя, когда к нему подошёл хозяин двора.

Только теперь, при ясном солнечном свете, Бранох во всех подробностях рассмотрел своего странного гостя. И то, что он увидел, ему весьма не понравилось. Венн выглядел законченным висельником. Браноха считали домоседом, но в молодости он погулял по свету и кое-что повидал. И потому, в отличие от сыновей, сразу понял, что означали две широкие, скверно зажившие полосы на запястьях и третья такая же – на шее. Полосам было немало лет, но они не разглаживались. Такие бывают только от кандалов.

За что его отправили на каторгу, этого Зимогора?... Что успел натворить? И как вырвался?... Сплошное беспокойство.

Но на ремешке, стянувшем одну из кос, висела, радужно переливаясь на солнце, крупная хрустальная бусина. Значит,

где-то любила и ждала Зимогора невеста либо жена, и это вселяло надежду. Глядишь, поймёт отца, испугавшегося за сына...

Из клетки чёрным клоком вылетел Мыш, коснулся влажного плеча венна, но передумал и уселся у колодезя на обрубок бревна. Бранох впервые видел ночного летуна, совсем не боящегося солнца. Венн, потянувшийся было за полотенцем, усмехнулся, вновь поднял ведро и окатил Мыша остатками холодной воды. Зверька сбило с бревна, он заверещал, барахтаясь в мокрой траве, потом вылез обратно на деревяшку и с удовольствием начал отряхиваться. Перепонку на одном крыле рассекала узкая полоска безволосой розовой кожи.

Зимогор улыбнулся, и тут Бранох окончательно сообразил, кого напоминал ему этот человек. Вот именно – собаку. Волкодава славной веннской породы, невозмутимого, нелаящего, невероятно свирепого. Внешне эти псы были схожи с волками. И люто их ненавидели. И были знамениты тем, что даже от целой стаи не пускались в бегство, отстаивая тех, кому верно служили.

Зимогор поклонился подошедшему бортнику и стал вытираться.

– Не добром ты, достойный гость, платишь мне за ночлег... – сказал Бранох.

Венн вскинул голову, руки с полотенцем остановились.

– Что случилось, хозяин? – проговорил он медленно.

– Что вы наплели вчера моему младшему сыну? – вопро-

сом на вопрос ответил Бранох. — Как посидел вечер с вами в клетки, так и носится, точно курица с отрезанной головой. Меч, в лесу найденный, вытащил, сидит точит, из дому за-
теял идти...

На словесные рассуждения Волкодав никогда не был горазд. Да и что ответить Браноху? Что они со спутником тут ни при чём и нечего валить с больной головы на здоровую?... Выручил Эврих, только что проснувшийся после учёных трудов.

— Вчера твой сын посчитал нас друзьями каких-то наёмников, почтенный, — пояснил молодой аррант. — Он, мне кажется, позавидовал смелости этих людей и решил попытаться счастья в воинском деле. Мы, как умели, отговаривали его...

В это время бухнула дверь, и во дворе появился сам Асгвайр. Мальчишка был одет, как в дорогу, и на поясе у него висел в самодельных ножнах длинный меч. Асгвайр нёс кожаную заплечную сумку; следом спешила Радегона и пыталась эту сумку у него отобрать.

— О, — сказал Эврих, — я вижу, наших слов оказалось недостаточно для убеждения...

Когда-то давно, когда Волкодав был маленьким мальчиком и счастливо жил дома, он, по неразумной малости лет, с завистливым любопытством приглядывался к путешественникам, забредавшим порою в жилище его рода. Он во все глаза смотрел на проезжих людей, слушал их рассказы и мечтал посмотреть мир, как они. Теперь он, сирота, вот уже ко-

торый год неприкаянно болтался по свету и завидовал тем, у кого был дом и в доме семья. Юному сегвану только ещё предстояло это постичь.

Асгвайр направился мимо венна к воротам, еле кивнув. Ни на отца, ни на братьев, ни тем более на плачущую мать он не смотрел. Станешь смотреть, кабы не отбежала решимость. Уж лучше воображать себя юным героем из сегванских сказаний. Те ведь тоже отправлялись на подвиги, не слушая увещаний матери и отца. А потом возвращались домой во главе дружин, с добычей и славой, удостоенные песен. И, смеясь, вспоминали, как их когда-то пытались не отпустить со двора... Сказания умалчивали лишь про то, сколько сгинуло не то что без славы, но даже и без вести.

Пригрози Бранох с Радегоной проклятием, может, и сумели бы удержать сына. Но к этому последнему средству прибегать они не спешили. То ли слишком любили своенравного младшенького... то ли не надеялись, что даже это его остановит. Мыш почувствовал напряжение между людьми, развернул крылья и встревоженно зашипел... Волкодав посмотрел на зверька и решил отплатить Браноху за гостеприимство.

Асгвайр чуть не налетел на него. Венн, которого парень вроде бы успел миновать, как из воздуха возник между ним и воротами.

– Сражаться решил? – негромко спросил Волкодав. – Ну, сражайся. Начни с меня...

Его меч, в знак большого доверия к хозяину, висел в кле-

ти, на деревянном гвозде.

Асгвайр ошарашенно замер, силясь сообразить, как же это вот прямо так – и сражаться... Ладонь Волкодава тут же соприкоснулась с его челюстью в нежном юношеском пуху. Не больно, но очень обидно. Сын бортника отдёргнул голову и зло посмотрел венну в глаза. Лучше бы он этого не делал. Зеленовато-серые глаза смотрели куда-то сквозь него и были совершенно спокойными. Ни гнева, ни жалости, не говоря уже о боязни... то есть вообще ничего. Асгвайру вдруг сделалось необъяснимо страшно, и мысль о том, что дома тоже вроде неплохо, впервые посетила его... Нет! Он который год дрался с соседскими парнями, ходил даже на нож и гордился тем, что никогда не бегал от драки. Не побежит и теперь. Уж будто этот венн настолько сильнее того подгулявшего мельника на торгу, которого Асгвайр заставил целовать пыль!...

Дальнейшее быстро показало, в чём разница.

Юнец наскочил на Волкодава, точно неразумный щенок на взрослого пса. Он был поменьше ростом, но ненамного, и целился венну в скулу кулаком. Волкодав не стал уворачиваться, даже не отмахнулся. Просто шагнул вперёд. Совсем ненамного. Из всех, кто смотрел, один Эврих обладал достаточно намётанным взглядом, чтобы увидеть, как он всем телом скользнул под удар, повернулся и резко присел, а потом разогнулся, сделав что-то руками.

Асгвайр беспомощно повис у него на крестце и стал судорожно цепляться за одежду венна, чтобы не свалиться вниз

головой и не свернуть себе шею. Он даже не замечал, что его держат с надёжностью деревянных тисков.

Усмехаясь в усы, Волкодав неторопливо прошагал по заросшему ромашкой двору в угол забора. Почтенная Радегона ахнула и дёрнулась оборонять младшенького, но Бранох удержал её за руку. Он-то видел, что венн направлялся к куче соломы, приготовленной для устилания пола. Туда Асгвайр и полетел вверх тормашками, как в перину.

Когда он поднялся, его трясло от ярости и унижения.

– Ты – гость! – выкрикнул он, сметая с волос и одежды сухие былинки и нашаривая сбившиеся за спину ножны. – Ты – гость и только потому ещё жив!...

– Гости разные бывают, – сказал Волкодав. – А за меч лучше не берись – порежешься ненароком...

Как и следовало ожидать, Асгвайр тотчас рванул из ножен клинок и устремился прорубать путь на свободу.

...С тем же успехом. Когда он выпутался из кучи соломы и снова встал на ноги, венн держал отобранный меч на ладонях, рассматривая длинное лезвие.

– Жаль, – сказал он. – Дураку достался.

Асгвайр помнил только неожиданную боль, вывернувшую запястья, и то, как помертвевшие пальцы разжались сами собой. Позднее он сообразит, что венн мог без большой натуги смахнуть ему голову с плеч его же мечом. Но пока было не до того.

– Отдай!... – взвился он, в третий раз бросаясь на Волко-

дава.

Тот едва обернулся навстречу. Рука, метнувшаяся к мечу, была поймана за мизинец. И Асгвайр заплясал на цыпочках, судорожно хватая ртом воздух. Когда Великая Мать, Вечно Сущая Вовне, создавала боль, Она наделила её свойством остужать самый яростный норов.

– Уймись! – сказал Волкодав, осторожно укладывая бортника сына в траву. – Не в том счастье!

Он положил отнятый меч и выпустил Асгвайра. Мальчишка мгновенно вскочил, подхватил оружие, бегом промчался через двор и скрылся за домом. Волкодав досадливо покачал головой и подумал о том, что рановато выпустил парня. Он хотел кое-что посоветовать непоседе. Но теперь не ловить же его.

– Всё-таки ты был не прав, – сказал ему Эврих, когда они уже шли лесом, забираясь всё выше в предгорья. Каменистая крутая тропа, по которой даже в самом начале трудно было бы проехать, вилась берегом речки. Речка называлась по-сольвенски, просто и понятно: Бурлянка.

Я у тебя, подумал венн, никогда прав не бываю. Вслух он этого говорить, конечно, не стал, а Эврих продолжал свою мысль:

– Ты унизил его, и разве он стерпит? Теперь он точно из дому побежит, чтобы всем доказать. Нет, друг варвар, кулаками – это не вразумление.

– А ты где был, умный? – огрызнулся Волкодав. Он не терпел, когда аррант называл его варваром. К тому же и кулаков он в ход не пускал. Уж Эврих-то мог бы заметить. Однако в словах арранта содержалась толика правды, и это особенно злило. – Вот и объяснил бы ему, коли я не умею!

– А то стал бы он меня слушать, – хмыкнул Эврих. – Он же с вечера только на тебя и смотрел.

Волкодав промолчал. Возражать смысла не было. Если Асгвайр не вовсе дурак, он обдумает случившееся и сам всё поймёт. И останется дома. Потому что это очень плохо, когда внуки умирают не там, где умерли деды. И втройне плохо – идти искать славы, покупая её убийством людей. Если уж так не сидится на месте и душа жаждет воинского служения – Галирад стольный под боком и кнес с дружиной, иди в отроки попросись. Может, возьмут... Спутаться с наёмниками – наверняка себя погубить. Скверно, если он даже и такой простой вещи внушить юнцу не сумел...

И что грызёт? С чего он вообще взял, будто его каким-то боком касались дела Асгвайра и его семьи?... Мало ли с кем на день-два сводила жизнь, чтобы тут же разлучить навсегда!

За горами лежал нарлакский город Кондар. Там тоже был морской порт, хотя и не такой большой, как в Галираде. Посуху через Засечный кряж ходили налегке и пешком. Те, кто путешествовал с имуществом и товарами, предпочитали трёхдневное плавание по морю. Тропа лезла вверх по ка-

менному склону, одетому шишковатой бронёй пёстрых от лишайника валунов. Между валунами вгрызались корнями в твердь двадцатисаженные ели. Сквозь опавшую хвою по сторонам тропинки пробивалась кислица.

Выбравшись на гребень самого первого склона, Волкодав остановился подождать Эвриха и обернулся назад. Холмы предгорий катились вдаль, точно мягкие зелёные волны. Среди сплошных лесов блестели озёра, струились, бурлили протоки. Волкодав нашёл глазами озерко, возле которого стоял бортников двор, но ни дома, ни тына не видеть было под густой сенью деревьев. А далеко-далеко за озёрами и лесами изгибалась широкая отсвечивающая полоса. Великая Светынь, Мать-река всего веннского рода. Волкодав поклонился ей, простёршейся у самого горизонта, потом посмотрел на запад. Там, за непроходимой прибрежной грядой, раскинулось тускло-голубое море, сплошь усеянное островами. Утёсистый кряж, окутанный дымкой, закрывал устье Светыни и город, раскинувшийся на берегу. Волкодав рассмотрел только видимый с огромного расстояния ровный каменный голец, воздетый в синеву, точно перст подземного чудища. Величественная башня, изваянная Богами. Туманная Скала.

Волкодав вздохнул и посмотрел туда, куда теперь лежал их с Эврихом путь. Круча подпирала кручу, одна обрывистей другой. Лес и камень, камень и лес – синевато-зелёные частоколы остроконечных хвойных вершин... В двух местах

неслись вниз водопады, окутанные облаками переливчатых брызг... Восточнее, залитые ослепительным солнцем, возносились к небесам исполинские заснеженные хребты. Облачка, гулявшие над головой Волкодава, плыли в ту сторону и стайками собирались у колен великанов. Выше, словно растекаясь по невидимой тверди, струились, кутали ледяные плечи гор призрачные серебристые перья...

— Красота-то какая! — выдохнул Эврих, взобравшись наконец на гребень следом за венном. — До чего хорошо! Давай постоим немного, друг Волкодав!

Зрелище определённо стоило упоминания в только что начатых «Дополнениях». Как-нибудь так: «...на границе же сольвеннской и нарлакской держав находится большой горный край, именуемый Засечным кряжем. Он не обжит людьми и посещается только охотниками. Но путешественник, дерзнувший...»

Волкодав пробурчал нечто невразумительное, сел наземь и принялся рыться в заплечном мешке. Эврих укоризненно покосился на «варвара», отказываясь понимать, как можно оставаться глухим к чудесам и красотам Божьего мира. Зрелище заснеженных каменных громад должно было, по его мнению, возвышать и очищать душу, сообщая ей мысли о великом и вечном... Если, конечно, она душа не вовсе обделена тонкостью и чувством прекрасного...

Знать бы тебе, что делается в этих горах, думал между тем Волкодав. Там, дальше к югу, где их называют Само-

цветными за драгоценные жилы, выпущенные к самой поверхности по явному недосмотру Богов!... Волкодав, спроси его кто, сказал бы, что хуже гор места на свете быть не могло. И причины для такого суждения у него были самые веские. Он не очень-то рассказывал Эвриху о семилетней вечности, проведённой в каменных недрах, на самой страшной каторге населённого мира. Он вообще рассказывать о себе не любил. Тем более что и хвастаться в прожитой жизни было особенно нечем...

Учёный аррант вдруг воздел руки и торжественно продекламировал:

Снежные пики Земли, озарённые солнца лучами,
Суть отраженья Горы, что воздвигли бессмертные Боги
Славным седалищем Света при самом начале творенья, -
Неба вершины, духовным провидимой оком!

Чтение предназначалось грубому варвару, чей разум Эврих не терял надежду облагородить. Волкодав не собирался ему говорить, что мог бы наизусть продолжить классическую поэму. Он запомнил её там же, на руднике. Её очень любил его напарник, с которым они, прикованные к одному рычагу, крутили в подземелье ворот.

Волкодав стянул кожаные завязки мешка, поднялся на ноги и хмуро буркнул:

– Пошли!

Я – меч. Прославленный кузнец
Меня любовно закалял.
Огонь Творящий – мой Отец.
А Мать – глубокая Земля.

Вспорю кольчугу, как листок,
Чертя свистящую дугу.
Пушинка ляжет на клинок -
И распадётся на лету.

И всё ж не этим я силён.
Иным судьба моя горда:
Я Божьей Правдой наделён
И неподкупностью суда.

Когда исчерпаны слова
И никакой надежды нет
Понять, кто прав, кто виноват, -
Спроси меня! Я дам ответ.

Суров мой краткий приговор:
Всему на свете есть цена!
Огнём горит стальной узор -
Священной вязи письма.

Закон небесный и земной
Навеки вплёл в себя мой нрав...
И потому хозяин мой
Непобедим, покуда прав.

2. Сломанные крылья

– А ты знаешь, друг Волкодав, почему он так называется? – спросил Эврих.

Крутая каменная тропа, по которой местами приходилось взбираться на четвереньках, вывела их на гребень очередного обрывистого края, поросшего великолепными елями. Здесь, наверху, обнаружилась небольшая площадка. За нею вздымался к небесам очередной взлобок – почти голое нагромождение чугунно-серого камня, лишь кое-где украшенного зеленью да жёлтыми и малиновыми пятнышками цветущих кустов. Кряж обрывался на площадку отвесной стеной, отполированной дождями и ветром до тёмного блеска. Так блестит неподвластный ржавчине старинный металл.

– Так ты знаешь, откуда у него такое имя? – кивая в сторону утёса, повторил Эврих.

– Ну?... – спросил Волкодав больше для того, чтобы ар-рант наконец выговорился и умолк.

– В книге Салегрина Достопочтенного «Описание стран и земель» приводится легенда о том, что когда-то в древности здесь обитало племя крылатых людей. Так вот, когда эти люди чувствовали приближение смерти или по какой-то причине утрачивали способность летать, они приходили на этот утёс и бросались с него вниз. Потому-то он и называется Утёсом Сломанных Крыльев. Прекрасная легенда, не прав-

да ли?

– Правда, правда, – пробурчал Волкодав, размышляя про себя, почему это у книжечеев вроде Эвриха что ни легенда, то обязательно прекрасная. Даже какая-нибудь непроходимая гадость вроде предания о том, как саккаремский шад застукал свою дочь с конюхом и велел её утопить, привязав к ногам полный мешок золота.

А Эврих в который раз огорчённо подумал о том, что варвар всё-таки неспособен был внимать высокой поэзии.

И вот тут-то Волкодаву разом стало не до него. И уж во все не до бредней какого-то давно умершего Салегрина. Ибо Мыш, только что мирно дремавший на жёсткой ремённой петельке, пришитой к ножнам меча нарочно ради него, вдруг проснулся, выполз на плечо Волкодаву и обеспокоенно зашипел. А потом развернул чёрные крылья и свечой взвился вверх!

Как все летучие мыши, он предпочитал бодрствовать по ночам. Но жизнь с Волкодавом давно приучила зверька просыпаться и действовать в любое время суток, когда было необходимо.

Венн проводил взглядом стремительно возносившееся пятнышко... и острые глаза внезапно различили какое-то шевеление высоко наверху, за самой кромкой обрыва. Волкодав напряг зрение. К отвесной круче медленно, с трудом подползал человек. Вот появилась голова, вот свесились длинные волосы, вот напряглись тонкие руки, цеплявшиеся

за выступления камня. Сейчас они сделают последнее усилие и...

Эврих испуганно шарахнулся прочь: Волкодав молча швырнул наземь заплечный мешок и сломя голову кинулся через площадку вперёд. Молодой аррант сообразил, что к чему, только когда сверху вниз мимо ржаво-серой скалы заскользил, переворачиваясь в воздухе, лёгкий человеческий силуэт.

Что до Волкодава, – венну казалось, будто тело падало очень медленно, паря возле каменной стены, словно комок невесомого пуха. Он знал, отчего так происходило. Внешнее время всегда замедляло для него свой ход, когда он выкладывался до конца, а сейчас был именно такой случай. Волкодав успел оказаться как раз там, где должно было грянуть-ся оземь валившееся из поднебесья тело, и вскинуть руки навстречу. Он успел заметить, что тело было женским, что на изорванной одежде запеклись багровые пятна... успел даже разглядеть обезображенное побоями лицо с закрытыми глазами и прикушенной нижней губой. Коснувшись его ладоней, тело сразу перестало быть невесомым. Страшной силы удар опрокинул венна на камни. Валясь навзничь, он ещё подумал, что, кажется, всё-таки смягчил падение неведомой женщины. Потом он ударился виском, и сознание кануло в темноту.

Что бы там ни плёл этот Салегрин Достопочтенный, крылатых людей всё-таки не бывает...

Когда Волкодав пришёл в себя, первым звуком, достучавшимся до его слуха, был жалкий стонущий плач. Мыш?... Нет, не Мыш. Что-то твёрдое упиралось в левый висок, и там свила гнездо грызущая боль. Волкодав слегка отстранил голову, потом открыл глаза. Он увидел над собой острое каменное ребро, украшенное длинной полосой крови. И понял, что Незваная Гостья в который раз с ним разминулась, промазав на полную. Волкодав приподнялся на локтях и посмотрел в ту сторону, откуда слышался плач.

Эврих сидел на земле, прислонившись спиной к откосу, и баюкал на руках существо, спасённое благодаря чуду Богов и вмешательству Волкодава. Молодой аррант повернул голову и посмотрел на венна с выражением потустороннего ужаса. Увидел, что Волкодав зашевелился, и ужас в глазах сменился неопишуемым облегчением. Волкодав поднялся и подошёл, осторожно ощупывая рассечённый висок и пытаясь пристроить на место лоскут кожи с волосами, содранный о камень.

Та, что лежала на коленях у Эвриха, на первый взгляд казалась девочкой-подростком. Изящное, хрупкое тело, поптычьи лёгкие в кости. Изодранная одежда и кровавые синяки, уродовавшие почти обнажённую плоть...

И ведь, наверное, ещё жило и сыто радовалось собственной силе похотливое животное, по недосмотру Богов именовавшееся человеком. Мужчиной...

Эврих, кажется, успел убедить несчастную прыгунью, что

она наконец попала к друзьям. Она не пыталась высвободиться из его рук. Наоборот, хваталась слабыми, совсем детскими пальцами за полотняный рукав и, надрываясь беспомощным плачем, что-то лопотала на странном свистящем наречии. Если этот посвист и щёлканье вообще можно было назвать речью. Эвриху не удавалось разобрать ни единого знакомого слова.

– Я обращался к ней на всех языках, которые знаю, – тихо пожаловался он Волкодаву. – Не понимает, хоть тресни. Только свиристит, как синица.

Венн, не отвечая, опустил рядом на колени. Взял девушку за руку, зажмурился... И, к полному изумлению Эвриха, принялся посвистывать и цокать, совсем как она.

Ещё одно чудо состояло в том, что девушка встrepенулась, с трудом приоткрыла заплывшие кровоподтёками глаза и начала отвечать. Она давилась слезами и дрожала в жестокоем ознобе. Эврих запоздало расстегнул на себе пряжку, стащил тёплый плащ и закутал её. Он посматривал на Волкодава, и то, что он видел, пугало его всё больше. Обычно лицо у венна было не выразительнее соснового пня. Когда на подобном лице вдруг проявляется хладнокровная неотвратимость убийства, это кое-что значит.

– Она вилла, – выпустив руки девушки, сказал наконец Волкодав. – Из племени Детей Утреннего Тумана.

Эврих молча кивнул, сдерживая не к месту пробудившееся любопытство. *Виллы!... Именно так назывался мифи-*

ческий крылатый народ, о котором упоминал в своей книге добродетельный учёный предшественник. При других обстоятельствах аррант непременно пустился бы в расспросы и, пожалуй, составил бы неплохую главу в свои «Дополнения»... Но не теперь.

– Помнишь наёмников, – про них мальчишка Браноха всё говорил?... – продолжал венн. – Так вот, она увидела их нынче утром, когда возвращалась после ночного дождя. Это был её первый дождь. Люди шли без дороги, она спустилась узнать, не заблудились ли, не терпят ли какого несчастья. Они подстрелили её симурана...

Волкодав скрипнул зубами и замолчал. В том, что произошло дальше, никакого сомнения быть не могло.

– Плохо дело! – сказал он затем.

Эврих с бесконечным участием гладил ладонью грязный колтун, в который чья-то жестокая воля превратила некогда роскошные светлые пряди. Он вздохнул и хмуро согласился:

– Чего уж хорошего.

– Сюда летит её племя, – сказал Волкодав.

Эврих поспешно завертел головой... И глазам его представало великолепное зрелище, любоваться которым доводилось не всякому земному владыке. Из-за высокого каменного гольца – родного брата Туманной Скалы, украшенного белой бармицей снежника, – один за другим выплывали в небо могучие крылатые звери. Легендарные симураны были гораздо крупнее орлов, даже крупнее знаменитых саккарем-

ских беркутов, с которыми тамошние охотники травят волков. Издали небесные летуны напоминали больших поджарых собак, снабжённых от Божьих щедрот ещё и широчеными перепончатыми крыльями. У каждого на спине, касаясь коленями перепонок, сидел всадник.

Волкодав встал с земли и приветственно поднял правую руку. Мыш повис в воздухе у него над головой.

Симураны быстро снижались, и скоро стало заметно, что всадники были так же хрупки и невелики ростом, как и девушка, лежавшая под мягким шерстяным плащом.

Честно молвить, у Эвриха ёкнуло сердце, когда передний симуран, буровато-чёрный вожак, погнал крыльями вихрь, величественно опускаясь на каменную площадку. Мыш поспешно вцепился в плечо Волкодаву: маленького зверька едва не унесло прочь. Со спины симурана соскочил поджарый, крепкий седовласый мужчина. Гордое лицо, властная осанка – вождь! И кому какое дело, что ростом этот вождь был Волкодаву до середины груди. Венн поклонился ему, как младший старшему. И просвистел нечто, по мнению Эвриха, весьма отдалённо напоминавшее связную речь.

Другие симураны касались цепкими когтями угловатых камней. С мохнатых спин скатывались маленькие наездники, все – мужчины, – и спешили к арранту и его подопечной. Первым подбежал коренастый светловолосый крепыш в лёгкой шубке из пушистого, точно перья, белого меха. Если Эврик ещё не ослеп, он приходился девчонке родным отцом.

С ним подоспел рыжий парнишка, вооружённый небольшим самострелом, приспособленным в чехле за спиной. Брат? Жених?... Парень плакал, даже не пытаясь скрыть слёзы ярости и отчаяния.

Вождь поклонился Волкодаву, как равный равному. И вдруг вполне прилично выговорил по-веннски:

– Дети Утреннего Тумана рады приветствовать Брата Крылатых, идущего под сенью наших небес.

Нет такого народа, у которого не считалось бы вежливым в присутствии гостя разговаривать на его языке. И радостно приветствовать его, каким бы чудовищным ни было горе, совпавшее с его появлением.

Много позже Эврих замучит Волкодава вопросами, откуда мог впервые встреченный виллинский вождь знать его самого и разуместь речь его племени. И венн неохотно расскажет ему, что когда-то имел дело с вилами Самоцветных гор. И постиг там их язык, а они – его. А то, что знал хоть кто-то из вилл, рано или поздно становилось достоянием всех.

– Мы почувствовали, что наша сестра попала в беду, и поспешили на поиски, – продолжал вождь. – Мы были рядом, но она ослабела и лишилась симурана. Ты помог ей позвать нас. Спасибо тебе.

– Она напоролась на выроdkов, не заслуживших называться людьми, – сказал Волкодав. – Я не успел защитить её, Отец Мужей.

– Там, откуда они пришли, отныне будут только суховеи

и град!... – давясь болью и бешенством, выкрикнул рыжеволосый. Сдёрнул со спины самострел и потряс им над головой: – И ни один из Бескрылых более не переступит границ нашей земли!...

– А залогом тому, – со смертельным спокойствием поддержал парня светлородый отец, – станут шкуры злодеев, подвешенные у входов на тропы. Я рад буду погибнуть, чтобы совершить эту месть... Поторопимся! Они не успели уйти далеко!

Виллины одобрительно засвистели. Взволнованные симураны били крыльями, издавая отрывистый лающий клёкот.

Вождь молчал, поглядывая то на разгневанных братьев, то на изувеченную сестру. Тому, кого по достоинству называют Отцом Мужей, всегда бывает нелегко принять страшное решение о мести и кровавой вражде.

– Государь мой, – тихо сказал Волкодав. Оказывается, он успел вытащить из поясного кармашка короткозубый костяной гребешок и теперь не спеша распускал ремешки, стягивавшие его косы. – Государь, – повторил Волкодав. – У порога твоих гор живут добрые люди, никоим образом не повинные в случившемся непотребстве. Скажу тебе даже так, Отец Мужей: сольвенны и сегваны, чтящие Правду, рады были бы сами переловить мерзких насильников и совершить над ними справедливость!

Обычно из него каждое слово нужно было чуть не клещами тянуть. Эврих знал: венн принимался говорить длинно

и складно только в исключительных случаях. После чего от-
малчивался по две седмицы. До сих пор Эврих видел его в
подобном состоянии всего раз или два.

– Это так! – горячо поддержал он спутника. – Прошлой
ночью мы гостили у славного бортника, сегвана Браноха.
Бранох рассказал нам, как пострадал от мимохожих злодеев
его почтенный сосед. Может статься, это были те самые чу-
жаки? Тогда за что наказывать мирный народ?

Об Асгвайре, восхищённо блесевшем глазами при слове
«наёмники», он благоразумно старался даже не думать.

– Что же ваши добрые люди не остановили тех, кто вершит
зло?... – выкрикнул рыжий.

– Брат Крылатых хочет защитить живущих вместе с ним
на равнине, – сказал вождь. – Это достойно. Я знаю, у каж-
дого племени своя Правда. Но я знаю и то, что ни одна из
них не учит оставлять зло безнаказанным...

– Святые слова молвит Отец Мужей, – торжественно кив-
нул Волкодав. Он расчесал волосы, и длинная седеющая гри-
ва легла на плечи и спину, покрыв её до лопаток. Эврих вдруг
вспомнил, *зачем* распускали свои косы веннские воины. Он
мгновенно сообразил, что было на уме у его товарища, и ему
сделалось жутко.

– Наша Правда, которую никто не называет мягкосердеч-
ной к душегубам, велит, чтобы злодея, если это возможно,
карал его собственный род, – продолжал Волкодав. – Над ва-
шей сестрой надругались ублюдки без роду и племени. Но

они люди. И я человек. Ты зовёшь меня Братом Крылатых, но по рождению я Бескрылый. Я поймаю насильников, и у вас не будет причин для вражды с жителями предгорий, не сумевших запереть им дорогу сюда.

Виллины смолкли по одному, глядя на него во все глаза. Эврих передал девушку жениху и отцу и вполголоса проговорил:

– Я с тобой, Волкодав.

– Нет, – сказал венн. – Останешься здесь.

Когда они готовились к путешествию, он учил Эвриха обороняться, но воитель из арранта был, как из него самого – книжник. То есть молодец против овец, но против опытных наёмников... Бой предстоял вовсе не шуточный. Волкодав знал, на что шёл, и не особенно обольщался. Всякое ведь случается. Утешало то, что они с Эврихом, кажется, одинаково хорошо знали и дорогу, и то, что им предстояло проделать, добравшись до цели...

– Ты лекарь, – сказал Волкодав. – Поможешь девчонке.

Эврих оглянулся на девушку, сглотнул, нахмурился и кивнул.

– Твои сёстры и братья однажды сохранили мне жизнь, – обращаясь к вождю, сказал Волкодав. – Нелюди должны заплатить за то, что опозорили перед вами людей. Разреши мне потребовать с них эту плату, Отец Мужей.

Вождь посмотрел ему в глаза, потом медленно наклонил голову.

– Как мы сумеем помочь тебе?

– Пошли кого-нибудь из своих сыновей выслеживать их, – сказал Волкодав. – Ты ведь знаешь, кто достаточно хладнокровен и не поддастся искушению мести, не станет попусту подставлять себя под стрелу...

– Я сам сделаю это, – сказал вождь.

Волкодав повязал лоб куском широкой льняной тесьмы, чтобы волосы не лезли в глаза. Тесьма сразу пропиталась кровью из раны на виске. Он подошёл к поруганной вилле и снова опустился перед ней на колени.

– Прости, маленькая сестра, – шепнул он, накрывая её руки своими. – Покажи мне тех, кто тебя оскорбил.

Он знал, что тем самым причинит ей новую муку. Но другого выхода не было. Вилла вздрогнула, напряглась худеньким телом, сделала над собой зримое усилие... и он их увидел.

Между собою и с теми, кто *понимал*, виллы разговаривали совсем не так, как люди равнин. Они умели соприкасаться разумами, подобно Тилорну и Ниилит. А щебет и свист, который слышало ухо, лишь помогал должному истечению мысли.

...И Волкодав их увидел. Так отчётливо, словно сам стоял на коленях в траве, тщетно пытаясь помочь смертельно раненному симурану. Вот только мужчин оказалось не семеро, как он ожидал. Их было восемь. И восьмым... Волкодав застонал про себя. Восьмым был не кто иной, как Асгвайр,

сын бортника Браноха.

Так значит, мальчишка всё же успел пробежать одному ему известной тропой и настигнуть странствующий отряд, как сулился, ещё до Утёса Сломанных Крыльев. Успел... себе на беду. Волкодав так и похолодел, представив Асгвайра насильником, но ужас длился мгновение. Асгвайр всё-таки не посрамил рода людского. Он пытался заступиться за пленницу. Он – и ещё один парень, тоже сегван, только другого племени, из береговых. Его лицо показалось Волкодаву смутно знакомым, но припоминать было некогда. Что с ними сделали? Этого вилла не знала. Убили, наверное: драка вышла жестокая...

Несколько симуранов уже разбегались по площадке, чтобы затем, прыжком уйдя с крутизны, мощными взмахами крыльев помчать своих всадников к злополучной поляне. Благо все виллины увидели то же, что и Волкодав. И даже Эврих озадаченно хмурился, улавливая обрывки смысла и хмурия от напряжения лоб.

Шесть рож, отмеченных похотливой жестокостью, пронеслись перед венном, как одна короткая вспышка страдания. Обессиленная вилла закрыла глаза, из-под век потекли слёзы, её опять затрясло.

Они больше никому не причинят зла, маленькая сестра, молча пообещал венн. Коснулся ладонью нежной, испятнанной синяками щеки и ненадолго задержал руку. Они больше никому не причинят зла.

Волкодав не видел Отца Мужей, кружившего в холодной синеве где-то над головой, да не очень и старался его разглядеть. Виллы, когда хотели, великолепно умели оставаться незримыми. Наверное, крылатый вожак парил теперь в лучах слепящего солнца, держась достаточно высоко, чтобы не отбрасывать тени. Или, наоборот, опустился на каменную вершину и слился с бурыми скалами в дымчато-белых снежных плащах... Волкодав не видел вождя, но чувствовал прикосновение его воли. Отец Мужей без труда отыскал содеявших непотребство. И теперь вёл к ним венна. Вёл безошибочно, кратчайшим путём. Волкодав двигался быстро, хотя приходилось почти всё время карабкаться вверх. Когда ему было девятнадцать лет, симураны однажды подняли его в воздух. Он тогда только вышел из каторжного подземелья и состоял из одних жил и костей, но всё равно понадобилось согласное усилие двух могучих зверей, чтобы оторвать его от земли. Веса взрослого мужчины они выдержать не могли.

Бабушка рассказывала маленькому внуку, что самый первый симуран был обыкновенной собакой. Славный пёс преданно стерёг поля и урожайные огороды, звонким лаем прогонял в лес оленей и кабанов, охочих до капусты и репы. Одна беда: не видел верный страж иных наград от людей, кроме ругани да сердитых пинков. Вечно путался лохматый под ногами, не ко времени совал всюду ласковый нос, и псиной от него пахло.

«Те люди не были веннами, — поучала бабушка внука. — А если и веннами, то не нашего рода».

Однажды весной неразумное племя накликало себе лихо. Ведь как от пращуров заповедано? Репу сеять должны одни женщины, да притом нагие: так они делятся с Матерью Землёй своей силой деторождения. Ибо, не дав ничего взамен, разве можно надеяться на семена и плоды?...

Так вот, в тот давний год молодые мужчины, которым положено было держаться подальше от огородов, всё же подкрались полюбоваться женской красой. Осердился на них справедливый Бог Грозы, начал воздвигать над виноватыми головами громоносные тучи... и всё-таки поначалу не дал воли Своему гневу, удержал карающую золотую секиру. Но когда парни загоготали и вышли, погнались за девками, начали затевать лукавые игры... тут уж Бог не стерпел! Грянул страшный гром, двинулся через поля и луга чудовищный вихрь!

И вот тогда-то с лесной опушки, с самой дальней пожоги подал голос Пёс. Полетел с отчаянным лаем навстречу Божьему вихрю, загородил дорогу: не пропущу! Пока жив, не дам хозяев в обиду!...

И понял Хозяин Громов, что не сумеет иначе покарать бездумный народ, кроме как сперва истребив неповинного, поразив безгрешного защитника блудодеев. И отступил гневный Бог перед смелостью преданной твари. Удовольствовался тем, что в золу и пепел сжѣг праведными молни-

ями кусты, где развесили свою одежду неумеренно лихие мужчины. Пришлось им в чём мать родила бежать под дождём до самой деревни, выслушивать ядовитые поношения.

А Пса, сумевшего остановить Его гнев, Бог Грозы приблизил к Себе. Наградил летучими крыльями и назвал Симураном. Стал Симуран реять между Землёю и Небом, стал возносить в светлый ирий молитвы и просьбы достойных людей. И верили люди: если ранней весной взмахнёт он крылами над полем, будет поле родить, щедрой мерой откликнется на заботу и ласку. Он же, Симуран, стал провожать отлежавшие души, помогать на Звёздном Мосту тем, кто успел натворить в этой жизни не только добра...

«Не кричи “горе”, – повторяла бабушка столетнюю веннскую мудрость. – Погоди, куда увидишь мёртвого симурана...»

Весенними ночами женичины рода распускали длинные волосы, растёгивали створчатые браслеты, коими удерживались крылатые рукава, и водили под ясной луной священные хороводы. Творился молитвенный танец более душою, нежели телом. Женичины звали своих дальних сестёр – вилл, Дев-Птиц, что летели с гор на равнину, гоня над людскими посевами благодатные дожденосные облака... Наделённые светлым зрением иногда видели их высоко над землёй: прекрасных маленьких всадниц верхом на больших летучих зверях. Виллы умели остановить град, умерить сухой зной тёплым дождём. Только грозовые тучи были им неподвластны,

ибо в них являл Себя людям сам Бог Грозы.

«И ещё, – говорила бабушка, – виллы никогда не прилетают зимой, потому что зимой Светлые Боги удаляются от-дыхать на Острове Жизни, а из Железных гор дышит в наш мир Морана Смерть...»

Они оказались точно такими, какими вилла дала увидеть их Волкодаву. Только теперь их лица не были искажены похотливым желанием и палаческой безнаказанностью. Просто шестеро мужчин. Сильных, здоровых. И, на взгляд стороннего человека, наверное, красивых. Волкодав не сумел бы найти в них никакой красоты, даже если бы постарался. Они сидели вокруг затухавшего костра, на котором готовили себе трапезу. И чему-то заразительно, до упаду смеялись, не торопясь продолжать свой путь на юг. Похоже, они особенно никуда и не спешили. Волкодав расслышал название города: Тин-Вилена. И ещё что-то о наставнике, умеющем сделать воинов непобедимыми. Ему некогда было прислушиваться.

Наёмники расположились на солнечной уютной лужайке, загороженной скалами от холодного ветра, задувавшего с близких снегов. Волкодав поднялся к ним по расселине. Подтянувшись, выбрался на луговину, встал во весь рост и, не задерживаясь и не пытаясь скрываться, пошёл прямо к костру. Шестеро не видели и не слышали, как он лез узкой каменной щелью, и заметили его, только когда он встал наверху. Идти было шагов двадцать.

Кого другого всё это лазанье и бег по горам утомили бы до дрожи в коленках. Волкодав никакой усталости не чувствовал. Может, потом она навалится многократно, однако пока была только грозная готовность хорошо размятого тела.

Шестеро оглянулись, увидели его и дружно заржали. Так бывает к исходу славного веселья: покажи палец, и гости с ног валятся от хохота.

– Ещё один охотник идёт...

– Э, братцы, да никак венн припожаловал!

– Только венна нам не хватало...

Волкодав шёл вперёд. Главарь, которого он определил сразу и безошибочно, был сольвенном. Могутный широколицый малый с рыжевато-русой бородой и такими же волосами, полуобернувшись, взирал на него безмятежными голубыми глазами. Взгляд был отсутствующим и наивным, точно у грудного младенца. Когда смотришь в такие глаза, всегда кажется, будто они мечтательно устремлены не на тебя, а сквозь тебя или вовсе мимо. И видят там нечто доступное только им, какой-то свой мир.

Наверное, кого-то это обманывало. Наверное, кому-то сольвенн казался добродушным богатырём, смахивающим на ручного медведя. Небось, нравился девкам. Волкодав знал, каким отразился он в зрачках той, которую первым швырнул в бездну боли, ужаса и унижения.

Предводители воинов не бывают глупцами. Не был глупцом и сольвенн. Он, конечно, мигом сообразил, что незва-

ный пришелец завернул на огонёк не случайно. Да Волкодав свои намерения не слишком и скрывал. Он шёл так, как к дружескому костру обычно не ходят. А ещё предводители воинов бывают осмотрительны и осторожны. И потому главарь, не торопясь хватать из ножен оружие, на всякий случай окликнул подходившего венна:

— К нам идёшь, удалец, или мимо ноги несут?

Волкодав молча остановился в десятке шагов. Вытянул перед собой руку, и дуновение ветра покачнуло залубеневший от крови клочок белой шерстяной ткани. Признали они или нет обрывок плаща, но утреннее происшествие вспомнилось всем. Одним сразу, другим чуть погодя, с некоторым усилием. У таких, как они, чужое страдание в памяти не залёживается.

Свободная ладонь Волкодава без большой спешки потянулась за плечо, легла на серебряную рукоять, и меч с тихим шипением выполз вон из кожаных ножен. Два с лишним года он вытаскивал оружие только затем, чтобы не отвыкала рука.

— Что, венн, обижаешься, — не поделились девчонкой? — хмыкнул главарь. Волкодав никак не отозвался на оскорбление, хоть и были эти слова едва ли не худшим, что мог услышать о себе мужчина его племени. Он бросил тряпочку и сомкнул обе руки на рукояти. А потом снова пошёл вперёд. Не очень быстро, но так, что сделалось ясно: вскакивай и защищайся, не то зарубит сидящими.

Шестеро и вскочили все разом, с руганью хватаясь за нож-

ны. Чуть-чуть зазевался только один молодой парень, галирадский сольвенн, знать, большого опыта не было.

– Тихо! – перекрывая гвалт, рывкнул вожак. – Один справлюсь, без вас!

Он вытащил длинный, добротный меч (на лезвии мелькнуло знакомое клеймо оружейного мастера), отстегнул и отбросил опустевшие ножны. Вождь, он на то и вождь, чтобы защищать свой отряд и первым встречать любую угрозу. Волкодав, впрочем, подозревал, что наёмник успел по достоинству оценить великолепный древний клинок, поблёскивавший у него в руках. И вознамерился сам им завладеть.

– В кучку я таких, как ты, складывал!... – зарычал он на Волкодава.

Венн не ответил. Он очень не любил нападать первым. Кроме прочего, ещё и потому, что нападающий волей-неволей обнаруживает свои сильные и слабые стороны и даёт сопернику преимущество...

Если, конечно, тот в достаточной степени мастер, чтобы ими воспользоваться...

– Ну, веннская гнида!...

Главарь наёмников устремился вперёд. Он мастером не был. Мастаком – да, пожалуй. Иначе эти люди навряд ли стали бы его слушаться. Но мастером – ни в коем случае. Уже потому, что в каждом мече, даже плохоньком, живёт мера божественного Огня. А она никогда не станет охотно повиноваться злодею, не даст ему истинного искусства...

То есть таких складных мыслей Волкодаву на ум не приходило. Он вообще ни о чём особо не думал. Ни ненависти, ни презрения, ни гнева. Всё это осталось на каменистой поляне под Утёсом Сломанных Крыльев. Его чувства вбирали свежий холодок близких снегов, солнечное тепло, запахи молодых трав и дымок курившегося костра. Безбрежная живая вселенная сообщала своей малой частице тысячелетнее спокойствие моря и гор, чистоту прозрачного воздуха и безмятежность небес. А вот *они* здесь были чужими, словно созревший нарыв. Их намерения представляли его внутреннему взору языками и стрелами красноватого света. Эти люди сеяли зло, и зло следовало пресечь. Вместе с нитями их жизней. Всё. Стать перстом Хозяйки Судеб, Её справедливым орудием. При чём тут гнев? Или такая мелочь, как страх за свою жизнь?...

Слепящий луч отразился в узорчатом буро-серебристом клинке. Волкодав вроде неторопливо шагнул навстречу наёмнику... и вдруг оказался совсем рядом с ним. Сольвенн смутно понял – что-то случилось! – но всё же заученным движением попытался сделать то, к чему привык. Отбросить идущий вниз вражеский меч, а когда нападающий посунется в землю, на миг потеряв равновесие, – прыгнуть встречь и наотмашь снести незадачливому воителю голову... Он всё сделал быстро и хорошо, а главное, с силой. Своей силой он по праву гордился, она не раз его выручала. Вот только нынче уловка почему-то не сработала. Венна просто не оказалось

там, где просвистел клинок главаря. Меч наёмника искал его справа и спереди, а он возник у левого бока и уже уходил ему за спину. Что-то неосяземо коснулось плоти сольвенна и тотчас убралось... а мгновением позже снизу тела ударила чудовищная, ни с чем не сравнимая боль. В полах нарядной вышитой свиты пониже ремня открылась длинная щель, тотчас обросшая бахромой щедро льющейся крови. Меч Волкодава вспорол одежду и кожу под ней, рассёк мышцы и сухожилия, добрался до бедренных костей и резанул по обеим. И начисто смахнул то, что составляло звериную силу сольвенна, его гордость самца.

Наёмник завыл так, что в ближних утёсах откликнулось эхо. Он выронил меч, переломился в поясе и упал. И стал корчиться, силясь подтянуть к животу ставшие непослушными ноги. Тело ещё жило и ещё могло бы бороться, но что-то более древнее и более властное, чем разум, уже осознало присутствие Государыни Смерти.

Волкодав спокойно и по-прежнему неторопливо развернулся к остальным. И особым движением отряхнул меч: лезвие коротко дрогнуло, считанные капли сорвались с него и яркими горошинами упали в траву, оставив чистую сталь.

Теперь их было пятеро.

Попытаются взять в кольцо?... Не попытались.

Красноватых стрел сделалось меньше – двое мгновенно побелели от ужаса и кинулись наутёк. Видно, смекнули, что в следующий раз летящие красные капли окажутся вынуты из

их собственных жил. Один из двоих был тот безусый мальчишка: он удирал босиком, покинув у костра сапоги. Волкодав не стал провожать глазами беглецов. Всё равно никуда не денутся. Ими он займётся потом; всадник, кружащийся высоко вверху на вожаке-симуране, нипочём не позволит им затеряться на кручах.

Трое, не пожелавшие удирать, разошлись полукругом. И вознамерились зажать одинокого противника в клещи. Волкодав не стал ждать, пока клещи сомкнутся. Он только взял на заметку, что один малый держался особняком и всё поглядывал на товарищей с таким превосходством. Словно знал нечто недоступное и Волкодаву, и остальным, и это тайное знание должно было неминуемо принести ему победу. Вени положил себе не спускать с него глаз – и, точно в танце, развернулся навстречу воину, заходившему слева.

Это был белокурый красавец вельх, загорелый, горбоносый, длинные усы так и мели по широченной груди. На мускулистых руках, обнажённых по плечи, горели серебряные браслеты. И меч у него был вельхский, остроконечный, плавно суженный посередине. Этот меч описал великолепнейшую дугу, целя Волкодаву в горло... и долго ещё кувыркался в воздухе, унося с собой правую кисть, крепко стиснувшую черен. Пальцы разжались только от удара о камень далеко внизу, за краем лужайки. Вельх рухнул на колени, крича от боли и бешенства, здоровой рукой попытался перехватить хлынувший багровым током обрубок... оставил его, дёрнул

из ножен боевой нож... снова потянулся пережать кровь... но не возмог ни того, ни другого: левая рука, подрубленная в локте, повисла на лоскуте кожи.

Парень, подбиравшийся справа, запоздало бросился на выручку погибавшему, но искалеченный вельх пребывал уже за гранью спасения. Он отползал прочь, жутко дёргаясь и заливая кровью траву...

Волкодав миновал его широким скользящим шагом, не поворачиваясь спиной, и всё тем же страшным движением воина, довершившего отнятие жизни, отряхнул меч, сбрасывая немногие капли, задержавшиеся на стремительном лезвии.

Алые брызги ещё дробились в полёте, а тело, взгляд и руки с мечом уже обратились к третьему нападавшему.

Тому потребовалось мгновение, чтобы осознать: защищать приятеля было поздно, осталось в лучшем случае за него отомстить.

Ещё через мгновение он понял, что и с мстью ничего не получится. Доведётся только умереть на той же поляне, где выпускал дух его друг. Потому что он успел посмотреть Волкодаву в глаза. И не увидел в них ни ярости, ни жажды убийства. Ни одного чувства из тех, что багровой пеленой затуманивают зрение и делают воина уязвимым. Сумасшедший венн, явившийся неведомо откуда, попросту приговорил шестерых насильников к смерти. И не отступится ни перед чем, кроме Божьего грома, да и тогда отступится ли, неизвест-

но. Друг вельха завопил, словно его вздёргивали на дыбу, и устремился вперёд. Он размахивал мечом, как дубиной, безо всякого толку и смысла. Он уже понимал, что обречён. Венн с лёгкостью танцовщицы убрался в сторону, пропустил его мимо себя, разворачиваясь на носках, и концом меча вроде бы несильно достал пробежавшего наёмника по загривку, где начинается шея.

Тот начал падать и, ещё не достигнув земли, перестал чувствовать собственное тело. Он хотел заорать от ужаса, но обнаружил, что не способен даже дышать. Перед лицом возникла трава, совсем близко ползали и копошились букашки. Какие-то мгновения он ещё разевал рот, хватая воздух и тщетно силясь протолкнуть его в грудь, из глаз текли слёзы. Он лежал, уткнувшись в землю, и не мог повернуть головы. Он успел проклясть родителей, давших ему жизнь, и злую судьбу, эту жизнь отнимавшую. Потом смерть, охватившая его тело ниже шеи, распространилась и выше.

Четвёртый наёмник держался в сторонке, не торопясь нападать. Вид у него был такой, как будто всё случившееся только предвещало его победное торжество.

– Иди сюда, венн! – позвал он насмешливо, когда они с Волкодавом остались один на один. – Теперь я знаю, на что ты способен. Ты неплохо разделал этих простофиль, но со мной тебе не совладать. Ну, иди сюда, если не трусишь!

Волкодав молча пошёл навстречу, не очень задумываясь, каким таким заветным оружием наёмник собирался с ним

поквитаться. Исход боя вручён был Хозяйке Судеб. Она и рассудит обо всём по Правде Богов...

Враг ждал его, держа наготове поднятый меч. Потом Волкодав увидел, как он двинул ногами, и всё понял. Его собирались встретить одним из приёмов кан-киро, приспособленных для вооружённой руки.

«Кан-киро веддаарди лургва – Именем Богини, да правит миром Любовь, – вразумляла Волкодава его Наставница, седовласая жрица Кан-Кендарат. – Нет зла, если кто-то сумеет остановить и отбросить задиру. Учи людей, если хочешь, но всегда помни, малыши: Искусство, способное убивать и калечить, не должно стать достоянием оскверняющих землю...»

Узорчатый меч запел свою грозную песнь, рассекая прозрачные струи горного воздуха. Чужой клинок взметнулся навстречу... Как всё в кан-киро, этот приём был смертоносен и неодолим, но только если не наделать ошибок. Наёмник же действовал так, словно насмотрелся у кого-то, кто сам толком не понимал что к чему. Он шагнул недостаточно широко и не с той ноги, слишком рано начал вскидывать руки, да ещё и принялся ловить вражеский меч... Волкодав мог бы поклясться, что самоуверенный малый ни разу не пробовал «лососся на перекате» в безжалостной схватке, – только в потешной, когда за неловкость платят самое большее синяком. В настоящем бою цену спрашивают иную... Волкодав проломил его оборону, точно соломенную плетёнку. Его меч

прошёл мимо лохматой головы парня, скользнул ниже и высвободился, косо раскроив грудную кость. Наёмник запрокинулся и стал падать – молча и неуклюже, выпучив стекленеющие глаза. Было видно, как в распоротой груди натянулась какая-то сизая плёнка, натянулась и лопнула, обнажив шевелящийся тёмный комок. Комок трепыхнулся в последний раз, выбросил кровавую волну и затих. В памяти Волкодава оплыло свечным огарком и погасло отражение ещё одного лица, искажённого торжествующей похотью. Венн сбросил с меча кровь четвёртого наёмника и огляделся.

На поляне было тихо. Два тела, вельх и главарь, ещё трепетали последними остатками жизни, но скоро замрут и они. И никакой лекарь их уже не спасёт. Даже если милосердно склонится над ними прямо сейчас.

Как бы ты поступила с ними, Мать Кендарат?... Неужели пыталась бы достучаться, надеясь, что осознают непотребство прожитой жизни и захотят изменить её?... Неужели сочла бы, что им ещё следует жить?... После того, что они сотворили над чужой беспомощной жизнью?...

Волкодав отошёл в незатоптанный угол поляны, тщательно вытер меч пучком чистой травы, потом насухо тряпочкой. От рукояти до кончика лезвия струились, переплетаясь, косматые солнца неповторимого внутреннего узора. Меч, стоявший гораздо больше своего веса в золоте, сам перешёл к Волкодаву в бою, бросив прежнего своего владельца, разбойника, не по праву носившего благородный клинок. И пообе-

щал, явившись во сне, что не покинет Волкодава, пока тот будет достоин им обладать...

Ну что, Солнечный Пламень? – мысленно обратился к мечу венн. – *Не надумал ещё оставить меня?*...

Имя меча пришло совсем недавно, когда они жили в Беловодье и уже собирались сюда. Волкодав его не придумывал. Просто открыл однажды утром глаза, и первым, что явилось на ум, были именно эти слова. Никаких сновидений венн припомнить не смог и про себя решил, что меч сам шепнул ему своё назвище. Значит, полностью уверился в нём и надумал быть с ним ещё долго. Обидно было бы после этого его оскорбить в самом начале дальнего странствия. Да. Случись заново прожить нынешний день, Волкодав не изменил бы ни одного своего поступка. Ни одного...

Он спрятал Солнечный Пламень в ножны, висевшие за правым плечом, и двинулся в сторону скал, покидая поляну. В живых оставалось ещё двое наёмников.

Один из беглецов, мальчишка, ровесник Асгвайра, даже не успел отрастить какие следует усы. Жуткая расправа, которую пришлый венн учинил над многоопытным главарём, непобедимым кумиром юнца, потрясла его до мокрого пятна на штанах. Убежал он далеко. Зрением Отца Мужей Волкодав видел его, скорчившегося среди валунов над краем непомерного, в сотни саженей, голого каменного обрыва. Стена Великанов – вот как назывался этот откос. Ужас загнал маль-

чишку в тупик, выбраться из которого можно было, только вернувшись. На это беглец не отваживался. Он просидит там до завтра, трепеща и надеясь, что его не разыщут. Волкодав решил сперва заняться вторым, благо тот устроился ближе.

Этот второй одолел свой испуг в полутора стрелищах от места сражения. Он, видно, сообразил, что бой, начавшийся так странно и страшно, закончится отнюдь не победой наёмников. А может, он даже рассчитывал, отсидевшись, вернуться и поискать, не останется ли на поживу какого имущества. Отец Мужей и Волкодав почти одновременно разглядели его в густой чаще шиповника. Коренастый сольвенн облюбовал удобный каменный карниз, растянулся на животе и приготовил заряженный самострел: поди подойди!...

По мнению венна, достать его можно было тридцатью тремя способами. Незаметно обойти засаду и сверху прыгнуть на плечи стрелку. Подкрасться сбоку и закидать камнями, выгоняя вон из укрытия...

Волкодав пошёл прямо к кустам, не прячась и не петляя. Посмотрим, каков стрелок. И особенно как он будет взводить после выстрела тетиву, лёжа в чаще цепких кустов. Волкодаву случалось видеть, как иные стрельцы в таких случаях бросали оружие и, струсив, пускались бежать. Тут забоишься, если тот, в кого целишься, спокойно идёт на тебя. И смотрит в глаза.

Волкодав был готов уворачиваться от стрелы, но не пришлось. Всё дело испортил Мыш. Возникнув как тень, чёр-

ный летун бесшумно скользнул мимо плеча, пронёсся вперёд и юркнул в кусты. Кудрявая зелень шиповника издали казалась сплошной малахитовой глыбой, но проворный Мыш легко нашёл среди колючих стеблей простор для полёта. Что там дальше случилось, оставалось только предполагать. Раздался крик, щёлкнула тетива, но стрела прошла далеко стороной. Наёмник вскочил как ошпаренный и бросился из кустов. Длинные цепкие ветви с громким треском царапали его одежду и тело. Выпутавшись из зарослей, он быстро побежал прочь, оглядываясь и размахивая руками. Мыш с криком мчался за ним, норовя вцепиться в затылок.

Это был уже немолодой, лысеющий мужик с козлиной растрёпанной бородой. Его шея казалась несоразмерно короткой: то ли по природе, то ли оттого, что он с испугу пытался втянуть голову в плечи. Такому, если до сих пор не выбился в вожаки, давно бы уже следовало столкнуться с какой-нибудь добросердечной вдовой и мирно осесть, завести, скажем, харчевню. Может, лысый малый именно так и намерен был поступить, да попутала нелёгкая снарядиться в самый последний поход, ещё разок попытать счастья и прикопить немножко добычи. Тогда-то зажил бы со своей вдовушкой тихо-спокойно, стал уважаемым человеком в деревне или на городской улице, чего доброго, ещё и деток родил...

Вот только ничего этого ему больше не будет.

Волкодав шёл за ним беззвучными стелющимися скачка-

ми: большой серый пёс, настигающий облезлого волка со стёршимися зубами. Наёмник то и дело оступался даже не от страха – от осязания близкого конца, мертвившего тело. Он упал на колени, вскрикнул, начал поворачиваться к Волкодаву лицом.

– Это я упросил Зубаря, чтобы её не приканчивали!... Я...

Он ещё говорил, а в глазах отражалось отчётливое понимание: пощады не будет. Волкодав не стал пачкать оружия. Просто взял его одной рукой за подбородок, другой за макушку и коротко повернул вверх. И ухнула в стылую бездну уютная маленькая корчма, и тёплая пухлолицая вдовушка, и зимние вечера у огня, с пивом в кружке и разговорами о былом удалестве. Ещё одна никчёмная душонка вылетела из тела, упавшего в густую траву бесформенной кучей. Волкодав подобрал самострел, взял из колчана убитого две стрелы и двинулся дальше.

Он легко выследил бы шестого даже один, без помощи Отца Мужей, смотревшего из поднебесья. Примятая трава, лишайник, сорванный с камня, – ясные знаки, указывавшие путь... А пожалуй что управился бы и без них: след – не запах, не звук, что-то иное – витал над землёй, словно поло-са сгоревшего воздуха. Юный наёмник сдуру убежал в ущелье, проточенное водой в утёсистом гребне. Карабкаться оттуда наверх Волкодав не пожелал бы и врагу. А другой конец

теснины выходил прямо в щель Стены Великанов, и внизу можно было разглядеть птиц и медленно плывшие облака. В середине лета, когда солнце пригревало как следует и начинали подтаивать ледники, здесь мчался косматый поток. Он бешено вылетал в щель и дробился в воздухе, падая с чудовищной высоты. Однако до летней жары было ещё далеко, и теснина оставалась сухой.

Молодой наёмник, веснушчатый, русоволосый, старался забиться как можно глубже в нору между камнями, но его было видно, и он сам это понимал. Избавление от страха, когда он готов был поверить, что спрятался и спасся, оказалось лишь временным. Волкодав приблизился, прыгая с валуна на валун, и остановился в десятке шагов. Поймал взгляд парня и указал самострелом на пространство перед собой.

Выходи, умрёшь как мужчина.

Юноша вылез, двигаясь, точно в дурном сне, лицо было зелёное. То, что совершалось прямо здесь и сейчас, не могло, не имело права происходить. Не с ним. Не наяву. Что-нибудь непременно вмешается. Предотвратит. Защитит...

Вот и она так думала, молча сказал ему Волкодав.

Боги не вмешивались. Венн не таял в воздухе и не проваливался сквозь землю. Стоял, и в опущенной руке не дрожал самострел со взведённой тетивой, готовой бросить стрелу. Парень почти решился упасть перед ним на колени, даже вроде как дёрнулся вперёд, но остановился. Пошарил у пояса, вытащил длинный кинжал и обхватил потными ладонями

рукоять, готовясь обороняться. Не вздумает же венн просто так всадить болт в человека, у которого нет ни лука, ни самострела! Пусть-ка подойдёт поближе и...

Ростом и сложением парень ничуть не уступал Волкодаву, но был ещё по-мальчишески рыхловат, тяготы и труды не успели его обтесать, наделить опасной и хищной воинской статью. Венн смотрел поверх его головы и молча ждал, чтобы он сделал движение. Если у лысого это наверняка был последний поход, то сопляк нанялся явно впервые. Он и кинжал-то держать ещё толком не научился. Кто же цепляется за рукоять, словно тонущий за протянутое весло?... У опытного бойца нож невесомо порхает из ладони в ладонь, пляшет между пальцами, поди угадай, когда и откуда ужалит... У недоноска все его намерения читались и на лице, и во взгляде, и в напряжении тела. Когда стало совсем ясно, что вот сейчас он завопит от ужаса и бросится в драку, правая рука Волкодава мягко качнулась вверх. Щёлкнула спущенная тетива, и толстая короткая стрела-болт воткнулась парню в колено.

Венн не жаловал самострелов, предпочитая лук, куда более мощный и быстрый. Самострел – оружие горожанина, человека несильного и необученного. Однако воин и нелюбимым оружием обязан владеть, как родным.

...Юнец, не без успеха притворявшийся взрослым мужчиной, вмиг превратился в на смерть перепуганного, зарёванного мальчонку. Рана была не смертельной, но страшно бо-

лезненной. Если ему суждено будет остаться в живых, вряд ли он даже к старости избавится от хромоты.

Это, конечно, не Зубарь, способный забавы ради выстрелить в симурана. И не трое его дружков, у которых давным-давно сгнило внутри всё, что от рождения было доброго и хорошего. Просто деревенский балбес, возмечтавший, как Асгвайр, разбогатеть и прославиться. *Но ведь Асгвайр бросился на защиту девчонки, а ты?... Почему двое отбивались от шестерых, а не трое от пятерых? Почему?...*

Волкодав не торопясь отводил рычаг, вновь натягивая тетиву самострела.

– Я не трогал её!... – закричал молодой наёмник, пытаясь задом наперёд отползти как можно дальше от Волкодава и тихо подвывая: уж верно, боль в колене была сумасшедшая. То-то нога у него отнялась до самого паха. – Я не трогал её!... Я только держал!...

Я только держал, повторил про себя Волкодав. *Я только держал.*

«Пощади, – умолял взгляд широко распахнутых, бесцветных от ужаса глаз. – Ты же видишь, я ранен. Мне больно. Я ослаб, я не могу сопротивляться. Я только держал её. Ты достаточно меня наказал. Я, может, даже отсюда выползти не смогу, когда ты уйдёшь. Неужели ты убьёшь беззащитного? Бесспособного, покалеченного, страдающего?...»

Ещё как убью, так же молча ответил ему Волкодав. Его руки тем временем вкладывали стрелу в желобок и подни-

мали оружие. Ещё как убью. Это теперь ты покалеченный, слабенький и несчастный. И просишь, чтобы тебя пожалели. А ты её пожалел? Когда был крепким и сильным перед несчастной девчонкой? Или она о жалости не просила?...

Парень увидел смерть, направленную в глаза, отчаянно вскинул ладони, и стрела пригвоздила его руки ко лбу. За десять шагов не спас бы и клёпанный шлем на добром подшлемнике. Волкодав бросил самострел, глядя, как стихает биение жизни, как некогда красивое молодое тело превращается в обыкновенную падаль. Потом повернулся и пошёл прочь.

Шагал я пешком
И крался ползком,
Нащупывал носом путь.
А встретился лес,
На дерево влез -
Вокруг с высоты взглянуть.

Свой собственный след
За несколько лет
Я вмиг оттоль рассмотрел!
И понял, каких,
Беспутен и лих,
Успел накрутить петель!

А что впереди?

Неисповедим
Всевышний разум Богов!
Под солнцем искрясь,
Гора вознеслась
В короне белых снегов!

И понял я: вот
С каких бы высот
Земной увидеть предел!
Я ногти срывал.
Валился со скал.
Я сам, как снег, поседел.

Но всё же достиг!
Взобрался на пик.
Открылся такой простор!...
Вблизи и вдали
Все страны земли
Нашёл любопытный взор.

Куда же теперь?...
И снова я вверх
Гляжу, мечтой уязвлён.
Там синь высока.
И в ней облака.
И солнца сизый огонь.

Там Правды престол...
Но Божий орёл
Пронёсся рядом со мной:
«Мой друг, не тянись
В запретную высь,
Коль нету крыл за спиной!

Немногим из вас
Та тропка далась;
Тебе они не чета.
Мой друг, ты и так
Душой не бедняк.
О большем – и не мечтай!...»

Я спорить не стал.
Я попросту встал,
Не жалуясь и не кляня,
И прыгнул вперёд...
Паденье? Полет?...
Пусть Небо судит меня.

3. На третью ночь

Когда Волкодав покинул ущелье и шёл назад, он почувствовал приближение Отца Мужей и оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть его.

Кого другого, менее знакомого с повадками вилл, подобное зрелище могло напугать не на шутку. Желтоглазый зверь с мордой пса и крыльями летучей мыши беззвучно плыл в прозрачном воздухе прямо на него, в полураскрытой пасти влажно блестели клыки. Седовласый всадник сидел выпрямившись, поток встречного воздуха разглаживал длинный мех шубы. Он не стал окликать Волкодава, не помахал ему рукой. Оба были мужчинами, а значит, умели обходиться без жестов и слов. Соплеменницы Волкодава могли бы ещё посмеяться и добавить, что мужское немногословие происходило в основном от неумения обращаться со словами и заставляло их складно выражать мысли... *Да, подумал венн. Дома любили посмеяться и пошутить...*

Мышь сорвался с его плеча и бросился догонять дальнего родственника. Он, наверное, не преодолел бы расстояний, которые легко покрывал симуран, но в коротком рывке не собирався уступать никому.

Небесный всадник легко скользнул над самой землёй, отворачивая мимо лужайки, где происходило сражение. Волкодав последовал за вождём. Ему всяко не хотелось возвра-

щаться к мёртвым телам. Его народ полагал, что о павшем враге следовало позаботиться: расстегнуть одежду и пояс, позволяя душе вылететь без помех, завалить останки камнями, чтобы не добралось зверьё... Пренебреги этим, и мёртвые не скоро обретут покой, начнут вставать из могил, шагать ночами в поисках погубителя... А и пусть себе встают и приходят. Шестеро убитых не заслуживали того, чтобы называться врагами. Волкодав не чтил и не боялся их ни живыми, ни мёртвыми.

Следуя за Отцом Мужей, он долго лез на откосы, спускался с обрывов и прыгал с камня на камень. Возбуждение битвы неотвратимо рассеивалось, накатывала усталость, хотелось лечь и заснуть. Спустя время виллинский вождь привёл его на берег ручья, бежавшего с ледников и прыгавшего водопадом в подставленные ладони скалы. В озёрке плескался большой симуран, а его хозяин сидел на берегу, присматривая за троими людьми. Один из троих был совершенно гол и, судя по всему, зверски избит. В чём, в чём, а в побоях Волкодав понимал толк. *Наверное, решил он, это и есть тот парень из наёмников, что пытался заступиться за виллу.* Похоже, молодой воин дрался отчаянно и умело, но против шестерых всё же не выстоял. Люди, которых он считал своими соратниками, в конце концов свалили его наземь и жестоко били ногами. Чтоб сдох или впредь жил как все и поменьше кричал о какой-то дурацкой воинской чести...

Второй парень, в котором Волкодав сразу узнал Асгвайра,

особого сопротивления явно оказать не сумел. А посему и отделался легко: ему всего лишь сломали правую руку. На руке белела повязка. Виллы вправили кости и полечили молодого севана взглядом и прикосновением, как это умели только они... да ещё звёздный бродяга Тилорн. Через две седмицы рука будет как новая.

При виде Волкодава Асгвайр поднялся на ноги, хотел пойти навстречу, но почти сразу как-то присмирел и остановился. А потом вдруг поклонился ему. Волкодав невольно задумался, с чего бы такое почтение. Сделал ещё шаг и сообразил: Асгвайр уже прослышал о его расправе над шестерыми. И про себя сопоставил её со вчерашней дружеской вознёй во дворе. Тогда он чувствовал себя оскорблённым. Теперь ему оставалось только почтительно кланяться...

Подле избитого сидел Эврих и держал его за руку, прижимая пальцами живчик: выслушивал сердце. Солнце проливало живительное тепло на распластанное лягушачье-бледное тело. Парень почти не шевелился, только время от времени облизывал губы. В углах рта при дыхании пузырилась кровь. *Крепкий мальй*, решил про себя Волкодав. *Может, и не помрёт.*

Первым долгом он подошёл к виллину и негромко посвистел, спрашивая на его языке:

«Как там маленькая сестра?»

Вместо ответа виллин показал ему каменные домики, казавшиеся игрушечными на цветущем склоне горы. Волкодав

хорошо помнил почти точно такие же, только стоявшие за сотни вёрст к югу. Он увидел дверь, возле которой, хмуро насупившись, сидел и с самострелом в руках от кого-то стерёг жилище рыжий жених. Венн смог бы пройти в эту дверь, только согнувшись в три погибели. Внутри дома, на широкой лавке, спала, свернувшись калачиком, светловолосая девушка. Волкодав отметил про себя, что её лицо было безмятежно, дыхание – спокойно. Рядом с девушкой на лавке сидела женщина, при виде которой на ум просилось одно слово: величественная. У неё были вороные с густой проседью волосы, а глаза – фиолетово-синие, как горное небо. *Мать Женщин*, сообразил Волкодав.

Предводительница почувствовала взгляд и обернулась к нему. Ей не было нужды спрашивать, кто он такой и довершил ли он дело, за которое взялся. И, как когда-то, Волкодав не мог отделаться от мысли, что этой Женщине было о нём известно гораздо больше, чем он сам про себя знал.

И Она сказала ему единственное, что сейчас имело значение:

«Твой друг – очень хороший лекарь, щедро вознаграждённый Богами. Он говорил с внутренним разумом маленькой сестры, с тем разумом, что глубже рассудка. Теперь она спит и будет спать ещё долго. А когда проснётся – поймёт, что с ней приключились всего лишь телесные раны, которые со временем затягиваются... – Мать Женщин чуть улыбнулась и добавила: – Её жених только рад будет её в этом уверить...»

Волкодав хотел преклонить перед Нею колени и попросить благословения, но вовремя одумался. О каком благословении может просить мужчина, только что проливавший кровь?!

Однако ему не зря показалось, будто Мать Женщин видела его насквозь.

«Мир тебе, Волкодав», – тихо и ласково проговорила Она. И он ощутил прикосновение ко лбу.

За несколько лет венн успел отвыкнуть от общения с вилами. Он даже слегка удивился, обнаружив, что по-прежнему стоит на поляне у водопада, и вылезший из озера симуран вежливо обнюхивает его руку.

– Спасибо, брат, – глядя рыжего зверя, сказал виллину Волкодав. Тот с достоинством поклонился в ответ, а венн отошёл к Эвриху с Асгвайром, сидевшим подле избитого.

Молодой аррант поднял голову и посмотрел на Волкодава с таким видом, что тот приготовился выслушать очередное поучение вроде: «Иногда я просто боюсь тебя, друг варвар!» Эврих, наверное, именно так про себя и подумал, но вслух сказал совершенно другое:

– Сердце что надо... выкарабкается, я полагаю... – Помолчал и добавил: – Виллы обещали помочь им обоим добраться к Асгвайру домой.

– Хорошо, – сказал Волкодав. Он всматривался в распухшее, обезображенное лицо, и ему всё сильнее казалось, буд-

то он уже где-то видел этого человека. Он собрался было покопаться в памяти, но мысль вязла в трясине усталого безразличия. Шесть жизней, вопя, проваливались сквозь границу миров, чтобы вечно мёрзнуть в нетающих снегах Исподней Страны. Или возродиться, если за них кто-нибудь отомстит. И с ними, хочешь не хочешь, уходила в небытие толика жизни самого Волкодава. Покамест венн только видел, что светловолосый молодой наёмник был сегваном из береговых. Об этом говорила татуировка – чёрно-синий свернувшийся кольцами зверь, выколотый посередине груди. И сло-манный боевой нож в три пяди длиной, лежавший на обрывках одежды. Вот так. Ещё утром ходил здоровый, ладный и крепкий... теперь лежит, точно под срубленную сосну уго-дил...

Парень вдруг приоткрыл заплывшие щёлочки глаз и посмотрел на Волкодава сквозь слипшиеся ресницы и зыбкую пелену страдания.

– Ты стерёг кнесинку, – пополам с кровавыми пузырями выдохнули бесформенные губы, и воин поспешно опустился на колено, чтобы не заставлять его тратить оскудевшие силы. А тот продолжал: – Ты венн... Я знаю тебя. Тогда тебя называли Волкодавом.

При этих словах глаза у Асгвайра полезли на лоб, и от Волкодава это не укрылось. Ну ещё бы. Навряд ли его скоро забудут в здешних краях...

Он всё-таки совершил насилие над отупевшей памятью и

добился ответа. Память, правда, не смогла дать ему имени, да оно никогда и не было доверено ей. Зато он снова увидел перед собой юношу, с отчаянной ловкостью игравшего длинным боевым ножом: «Я буду охранять кнесинку вместо тебя, потому что лучше сражаюсь!» А потом – Мыша, ринувшегося в лицо оскорбителю и вдруг, после пяти лет беспомощного увечья, впервые осознавшего, что ЛЕТИТ...

– «Сперва Побей»! – сказал Волкодав. Наёмник слабо улыбнулся, и венн понял, что память не подвела. Потом слипшиеся ресницы медленно моргнули, и распухшие губы дёрнулись снова.

– Моё имя Имнахар, второй сын Мерохара, третьего сына Меробиха, – услышал венн.

Вот так. «Моё имя». То есть Волкодав нимало не сомневался, что сегван назвал ему своё истинное имя, сокровенное и тайное, известное только отцу с матерью да братьям, вошедшим в мужеский возраст. Ни один человек в здравом уме не назовёт это имя полужнакомому. Только сумасшедший или пришелец из далёкого мира, вроде Тилорна. С какой стати понадобилось сегвану...

– Владей моим именем, Волкодав, – сказал Имнахар. – Я умру.

Он не просил ответного дара, однако венн сказал:

– Я бы дал тебе своё имя, сын славных родителей, но у меня есть только прозвище. А его ты и так знаешь.

– Я умру, – повторил молодой сегван. – Я не очень хоро-

шо жил. И этот последний бой я проиграл. Радужный Мост обломится у меня под ногами, и двери Звёздного Чертога не раскроются передо мной. Жадный Хёгг будет вечно гнаться за мной по отмелям холодной реки...

Асгвайр благоговейно помалкивал, слушая их разговор, только переводил подозрительно блестящие глаза с одного на другого. Волкодав без труда уловил, о чём думал мальчишка. Рядом с ним навеки прощались двое великих мужей, два воина, о каждом из которых впору было складывать песни... Ничего не поделаешь, с героическим сказанием ему придётся повременить.

Волкодав самым кощунственным образом усмехнулся и проворчал:

– А у тебя для умирающего язык неплохо работает... Пождёт тебя твой Храмн... успеешь ещё в последнем бою победить.

Его не обступали призраки великих деяний. И потому, в отличие от Асгвайра, он обратил внимание: Имнахару больше не требовалось подолгу отдыхать и собираться с духом, чтобы сказать ещё одно слово. Изувеченные рёбра по-прежнему превращали каждый осторожный вздох в пытку, но дыхание выравнилось и обрело силу. И кровь изо рта больше не шла.

Имнахар и подавно не мог видеть себя со стороны. А потому не замечал, как начали постепенно рассасываться страшные следы побоев. Слова венна заставили его попробовать

пошевелиться. Как следует повернуть голову он ещё не сумел, только обнаружил, что глаза стали открываться вроде бы лучше. Чёрная опухоль синяков, заливших веки, медленно, но верно спадала. Молодой наёмник прислушался к себе и вдруг заметил, что жуткая бездна неведомого, в которую заглянула было душа, словно отодвинулась. Вернее, это его самого отводили от последнего края чьи-то дружеские руки. Всё тело по-прежнему терзала боль, и очень жестокая, и он откуда-то знал, что так будет продолжаться ещё долго. Однако грех сетовать на горести выздоровления. Эврих облегчённо вздохнул и выпустил его руку.

– Как сейчас, парень? – спросил он тоном деловитого лекаря. Имнахар растянул непослушные, разорванные губы в подобии улыбки и впервые пожаловался:

– Больно...

Виллин подошёл к ним и вытащил из котомки свёрток тонкого полотна. Волкодав с Эврихом осторожно приподняли Имнахара. Асгвайр помогал им здоровой рукой. Виллин ловко запеленал наёмника, потом стал кутать его поверх полотна пушистым меховым одеялом. К тому времени, когда они опустили его обратно на землю, сегван уже спал.

* * *

Скоро на поляну у водопада опустилось ещё шесть симуранов: два рыжих, серый, пегий, белый и вороной, все под сёдлами, но без всадников. К спине одного из них был приторочен плотный тючок, оказавшийся свёрнутой сетью. Вся шестёрка благородных летунов первым долгом окружила Волкодава. Их звериные рассудки осязали в нём далёкого родственника, глаза же и носы сообщали совершенно иное. Значит, требовалось подойти, подробно обнюхать, лизнуть, как следует рассмотреть... Пегий вожак недовольно заворчал на арранта, когда тот принялся отвязывать тючок. Вдвоём с виллином Эврих расправил сеть, потом виллин строго посвистал симуранам, а Волкодав перенёс Имнахара и устроил его посередине.

– Садись рядом, – сказал он Асгвайру.

Тот опасливо и как-то по-детски жалобно смотрел на него, и венн снова отчётливо понял, о чём думал юнец. Он, конечно, боялся путешествия по воздуху, но это было не главное. Ему не хотелось возвращаться домой. Юный сын бортника предпочёл бы идти в страну нарлаков вместе с венном, которого он до сегодняшнего дня знал как Зимогора. У Асгвайра болела сломанная рука, но очень скоро она заживёт. Он сможет служить... носить котомки, чистить оружие, огонь разводить... и учиться, кроха за крохой подбирая драгоценную воинскую науку...

– Садись, – повторил Волкодав.

– Как же я теперь домой-то?... – беспомощно спросил Ас-

гвайр, и губы у него предательски задрожали. – Как покажусь... ведь засмеют... скажут, по носу получил...

– Ты спас жизнь мужчине и не пожалел себя, заступаясь за женщину, – покачал головой Волкодав. – Я горжусь, что узнал тебя. И твой отец будет гордиться тобой.

Некоторое время Асгвайр смотрел на него в безмолвной растерянности. Как так может быть, чтобы жестоко проигранный бой принёс не только насмешки?... Он ещё осознает услышанное, но позже. А пока он только уныло кивнул (в самом деле, не спорить же!) и, не выдержав, умоляюще, чуть не со слезами проговорил:

– Я хотел учиться у тебя, Волкодав...

Венн хмыкнул в ответ:

– А ты устрой, чтобы Имнахар у вас задержался. Пускай он тебя и поучит. Скажешь, я попросил.

Утешение было слабое, но Асгвайр пообещал всё выполнить в точности и с обречённым покорством уселся на разостланную сеть.

Виллин забрался на своего симурана, отдал мысленную команду... шестеро могучих зверей одновременно подались назад, приседая на задние лапы, а потом взяли с места короткий стремительный разбег – сколько позволили прочные верёвки, привязанные к седельным ремням, – и разом оторвались от земли, взвившись в едином прыжке. Согласный удар двенадцати широких крыльев завертел обрывки травы, вихрем понёс песок, комья земли и даже мелкие камешки,

вывернутые когтистыми задними лапами.

– Мама!... – совсем по-мальчишески вырвалось у Асгвай-ра, судорожно вцепившегося в сеть.

Волкодав улыбнулся, щуря глаза.

Эврих заслонился локтем от пыли.

А Имнахар даже не проснулся.

Всадник-виллин поднялся следом за осторожно улетавшей шестёркой, сделал круг над поляной. Рыжий красавец-симуран внимательно смотрел на людей жёлто-кариими пёсыими глазами, пофыркивая на лету. Виллин поднял руку, прощаясь. Волкодав с Эврихом ответили ему тем же. Больше всадник не оглядывался. Небесные летуны постепенно удалялись, и, как ни прозрачен был горный воздух, расстояние мало-помалу скрадывало только им присущие силуэты. Когда всадник и семеро зверей, разворачиваясь, потянулись за обрамлённый снежниками голый каменный пик и растворились в лучах вечернего солнца, немногие сумели бы отличить их от обычных орлов...

Волкодав напряг внутренний слух. Он помнил, как жил у Поднебесного Народа после освобождения из каменоломни, как трудно учился мысленной речи. Его спасители подоброму потешались над его неуклюжестью. Да он и сам понимал, что его тогдашние потуги напоминали естественный язык самих вилл примерно так же, как попискивание «говорящего» скворца – разумную человеческую беседу. Вот Эврих, наверное, выучился бы быстрее и лучше. Он уже и те-

перь начал неплохо понимать – всего-то за один день!

Сейчас Волкодав просто чувствовал вдалеке молчаливое присутствие вилл. Если он позовёт их или попросит о помощи – они отзовутся. Но сами попусту навязываться не будут...

– Волкодав!... – почему-то шёпотом окликнул его Эврих. – Эти... как их... виллы, они что... все мысли читают? Всё, о чём думаешь?... Как же они между собой-то?...

– Не всё, – покачал головой венн. – Только то, что ты хочешь сказать.

На самом деле мысленный разговор требовал ещё большей строгости к себе, чем обычная речь. Недобрую мысль куда легче метнуть в собеседника, чем недоброе слово. Та же разница, что между деревянным и боевым мечом в руках неумехи. Лучшего сравнения подобрать он не мог.

Вот так, сказал себе венн, глядя вдаль, где скрылись за озарёнными скалами крылатые псы. Легко же привыкают к простому: силён, значит, всё можно. Начинают задумываться, только если споткнутся, только если с кем-то не вышло. А на самом-то деле и мысли быть не должно... И тоже не потому, что вдруг придут и накажут...

Об этом много раз говорила ему мать. Ещё когда он был маленьким мальчиком и никто не называл его Волкодавом. Одна беда – смысл таких наставлений постигается лишь с годами, когда успеешь уже нажить и заплаты на шкуре, и седину в волосах, и сердечную боль...

Эврих выглядел пришибленным и потрясённым событиями дня. Вздумай Волкодав поделиться с ним своими рассуждениями, вряд ли он стал бы по своему обыкновению насмешничать и поддевать его. Однако у венна не было никакой охоты затевать разговоры. Больше всего ему хотелось просто лечь и заснуть, свернувшись калачиком на траве, ещё хранившей родной запах валявшихся симуранов. Ему потребовалось усилие, чтобы расстегнуть ремни, сложить наземь пояс и меч, раздеться догола и полезть в озеро мыться. Он мылся тщательно, действуя не только мылом, но и песком. Вода была ледяная. По телу сперва пошли пупырышки, потом оно стало терять чувствительность.

– Простудишься! – встревоженно сказал с берега Эврих. – Опять кашлять начнёшь!...

Волкодав ничего ему не ответил. Он держался ближе к тому месту, где поток переливался через край каменной чаши, свергаясь вниз водопадом. Вот пускай и уносит скорее прочь всю смытую скверну, помогая очиститься если не душе, так хоть телу...

Ему почему-то вспомнились рассказы Матери Кендарат об изваяниях Богини Кан, стоявших в Её немногочисленных храмах. По словам жрицы, Богиню Любовь изображали в виде прекрасной и умудрённой женщины с лицом, полным милосердия и понимания. Её статуи всегда держали в ладонях и как бы протягивали молящимся большие драгоценные камни, огранённые наподобие капель сверкающей вла-

ги. Не то звали выплакаться, словно у матери на коленях, излить свои слёзы в общий сосуд... не то обещали утолить целительной Любовью духовную жажду... или, может, сулили очистительное омовение... как мать купает младенцев... да... это горное озерко, тоже чем-то напоминавшее каплю в исполинских ладонях...

Кан, Богиня Луны, любит тех, кто жаждет душой. Волкодав никогда ей не молился.

Эврих отчаялся воззвать к разуму венна и взялся раскладывать костерок из сушняка, который они запасливо прихватили с предгорий. Волкодав наконец выбрался обратно на берег, отмывшись и выскоблив всю одежду, Он ещё походил нагишом, обсыхая на вечернем ветру. Ощущение было такое, как будто он напрочь содрал с себя кожу. Что ж, это и к лучшему. Вытащив из ножен боевой нож, он очертил на земле ровный круг, обведя им обе котомки и тихо потрескивавший костерок. Он ждал пришествия мстительных душ только на третью ночь, но в таком деле, как всем отлично известно, лишняя осторожность повредить не могла. Взяв мокрую одежду, он принялся поворачивать её над костром. Слабенькое пламя не столько сушило плотное полотно и тем более кожаные штаны, сколько пропитывало их запахом дыма. Круг ещё оставался незамкнутым. Эврих принёс воды, повесил котелок над огнём, бросил в него размокать пригоршню душистых кореньев, разрезал прошлогодний кочан, куплен-

ный у Браноха, потом сходил в дальний конец поляны и вернулся с пёрышком дикого чеснока.

– Есть будешь? – на всякий случай спросил он Волкодава.

Он не зря знал венна уже почти три года и заранее догадывался, каков будет ответ. И в самом деле, тот только покачал головой. Убивший нечист. Он не смеет молиться в святилище и прикасаться к жене. А также причащаться человеческой пищи. И уж подавно – делить её с другими людьми...

– Когда ты убил Лучезара, ты ел, – почти жалобно сказал Эврих. – И когда на государыню покушались...

Волкодав даже не повернул головы. «Может, и ел», – было написано у него на лице. Жизнь боярина Лучезара он взял на Божьем суде, и это, по сути, не могло считаться убийством. Его руку вели Солнце, Молния и Огонь. Сами Боги судили. Свой суд – не смешно ли после этого опасаться мести какой-то там ничтожной души?... А когда он сворачивал шею убийце, нападшему на кнесинку Елень, он исполнял долг воина: защищал госпожу. И защитил. И Морана Смерть тут же утащила Своего поклонника в чертоги Исподнего Мира. Но так, как сегодня... или три года назад, когда он шёл убивать кунса Винитария по прозвищу Людоед... вот это было убийство самое настоящее. Заранее обдуманное. Хладнокровное. И безжалостное. Вот после таких-то деяний и следует опасаться всего, чего угодно.

Но пускаться в объяснения Волкодаву не хотелось, и он не стал ничего говорить. Эврих отрезал себе хлеба и всё ко-

сился на венна, помешивая деревянной ложкой вкусно пахнущую похлёбку. Когда капуста сварилась, он чуть не с отвращением принялся за еду.

Молодой аррант не на шутку беспокоился о своём спутнике. Бывали мгновения досады и злости, когда ему хотелось живьём проглотить неотёсанного варвара, не понимавшего толку в прекрасном. Бывало и так, что Волкодав смертельно раздражал учёного грамотея самой своей силой, помноженной на воинское мастерство. Мастерству этому, что греха таить, Эврих временами люто завидовал и порой даже говорил себе, что Боги Небесной Горы могли бы получше думать, кого награждать подобным искусством...

Однако потом опять что-то случалось, и оказывалось, что Волкодав не так уж несокрушим. Вот как теперь. И тогда-то на Эвриха напал самый настоящий страх.

Страх потерять его.

В такие дни он был рад простить «варвару» все его прегрешения. За годы знакомства аррант видел Волкодава, что называется, во всех видах. В том числе и беспомощным, истекающим кровью. И отлично знал, что венн был далеко не бессмертен.

Каким мелким и недостойным казалось ему тогда всё то, что в обычное время злило и раздражало!...

Хватит, оборвал себя молодой аррант. Нам ещё долгий путь предстоит. Мы должны попасть на другой конец света и вернуться назад, а я помимо прочего – написать кни-

гу, достойную Сибионской библиотеки. Чтобы другие путешественники, собираясь сюда, заказывали себе её список мелкими буквами, для удобства в дороге, как я Салегрино-во «Описание». Так что, чем плакаться, доставай-ка, приятель, перо и чернила...

Волкодав снова взялся за нож и замкнул оберегающий круг.

Два дня затем не происходило совсем ничего. Венн и ар-рант пробирались вперёд, иногда следуя едва заметной тропе, иногда – вовсе без дороги. Места кругом были настолько красивые, что Эврих временами спрашивал себя – и как вышло, что здесь почти никто не живёт?... Неужели всё дело в том, что зимой эти узкие, глубокие долины наверняка скрывались в непроходимом снегу, и пройти там, где лезли между скалами они с Волкодавом, делалось уже совсем невозможно?...

Гораздо более похожим на правду выглядело объяснение, изложенное у Салегрина. Эврих не поленился и на одном из привалов вслух прочёл его Волкодаву:

– «Во дни так называемой Последней войны, вызвавшей гибель племён и целых держав, прокатившиеся завоевания нередко возбуждали самую прискорбную рознь внутри исконных народов, затронутых водоворотом сражений. Достойные всяческого доверия путешественники, побывавшие в различных уголках света, сообщают нам предания о кро-

вавых усобицах, следовавших за уходом чуждого войска. Те, кого прежде объединял общий враг, обращались друг против друга и сражались с яростью, перед которой поистине меркли все ужасы вражеского нашествия. Так и случилось, что иные края, некогда процветающие и оживлённые, превратились в сущее захолустье, а некоторые совсем обезлюдели. Примером тому...» Засечного кряжа он тут не упоминает, но как по-твоему, не было тут чего-то такого?...

– Не знаю, – проворчал Волкодав. – Может, и было.

Эвриху сначала захотелось немедленно отыскать подтверждение словам Салегрина и обнаружить где-нибудь руины селения с ещё не до конца проржавевшими головками стрел, торчащими в трухлявых остатках домов. Нет лучшего начала для самостоятельного труда, нежели подтверждение либо опровержение мнений, высказанных мудрецами давних времён!... Однако всё вокруг дышало такой ликующей жизнью, что Эвриху постепенно совсем расхотелось искать следы минувших сражений. Тверди, не тверди себе о беспристрастности учёного – слишком мало радости выяснить, что даже и посреди хватающей за душу красоты люди убивали людей...

Порою мечтательный аррант обзревал зелёные кручи, увенчанные лиловатыми гранитными пиками, шурился, глядя в ледяное сияние далёких хребтов, прислушивался к звону прыгавших по скалам ручьёв... и ему снова казалось, что он был дома, в своём родном мире, где человека от человека не нужно ждать подлости и гибели. И стоит

перевалить ещё один гребень, как откроется мирная маленькая деревушка: улы, пасущиеся овцы, речка и запруда на ней, пушистые псы, с приветливым лаем бегущие навстречу гостям, дерновые крыши домов, любопытные дети, пёстрые гуси во главе с величавыми, осанистыми жожаками...

А того лучше – хижина или пещерка святого мудреца, удалившегося от людской суеты!...

...Потом Эврих вспоминал, где находится. Достаточно было одного-двух наёмных отрядов вроде того, который побывал возле Утёса Сломанных Крыльев, чтобы разбросанные по горам деревушки начали обзаводиться зубчатыми тынами в два человеческих роста. Или, чего доброго, жители совсем их покинули, перебрались под защиту больших городов... А святые отшельники ушли выше в горы, туда, где они назывались Замковыми, Замковыми, Ограждающими, Железными... Может, именно так оно всё и случилось два века назад? И Засечный кряж стоял необитаемым, точно брошенный дом, и, как всякий брошенный дом, пользовался славой скверного места, так что даже властители сопредельных держав – сольвеннской и нарлакской – очень редко приезжали сюда на охоту?...

Впрочем, любоваться и рассуждать приходилось урывками, в краткие мгновения, когда удавалось отвести глаза от опасной крутизны под ногами и перевести дух. После сражения с наёмниками Волкодав заспешил, точно на пожар, а по здешним косогорам он ходил, как не всякие люди поспе-

ли бы по ровной дороге. К середине первого же дня Эврих буквально высунул язык и несколько раз был близок к тому, чтобы попросить поблажки. Гордость заставляла стискивать зубы. Он лишь сверлил взглядом спину ненавистного венна и сам поражался, как это вышло, что не далее как накануне он беспокоился за этого человека. Сделается с ним что-нибудь, пожалуй. Держи карман шире.

Время от времени он выбирал впереди синеющий гребень и угрюмо загадывал: если не помру и всё-таки взберусь на него – упаду уже точно. Вот только ноги почему-то раз за разом исполняли всё то, чего боялись глаза. Эврих взбирался на загаданный гребень... и, вместо того чтобы упасть без сил, отыскивал впереди новый...

Вечером, когда Волкодав посмотрел на небо и облюбовал для ночлега каменистый пятачок под свесом скалы, молодой аррант пребывал в состоянии животного безразличия. Ни пища, ни костёр не стоили того, чтобы ради них шевелиться. Эврих даже не стал раздеваться или раскладывать одеяло. Он просто сел прямо на жёсткий щебень, обнял свой заплечный мешок и мгновенно уснул. О Боги Небесной Горы!... А ведь он считал себя выносливым и крепким, и, во имя Посланника, не без некоторых оснований. Сам небось напросился в это путешествие с Волкодавом, который...

Венн разбудил его некоторое время спустя, уже в сумерках. Эврих кое-как разодрал прочно слипшиеся веки и увидел, что под скалой был натянут полог и теплился костерок.

Обоняния мученика коснулся запах горячей похлёбки, и живот тотчас отозвался голодной судорогой. Волкодав сидел подле Эвриха на корточках, держа в руках кусок хлеба, ложку, луковицу и котелок. Он не стал насмехаться.

Под утро с моря поползли серые клочковатые тучи. Они накрывали берег, упирались в отвесную стену дальних хребтов и застревали на месте, медленно вращаясь, клубясь и помалу утекая за перевалы. Зябкий день разгорелся неохотно, словно стояла не цветущая весна, а глубокая осень. Тучи, напоминавшие грязновато-серые комья только что состриженной шерсти, цеплялись мокрыми космами за гребни предгорий. Всё кругом кутал тяжёлый плотный туман, серебристым бисером оседавший на волосах и одежде. Время от времени принимался моросить дождь.

Потемневшие скалы и молчаливые, нахохлившиеся деревья едва проглядывали в сплошном молоке. Проснувшийся Эврих высунул нос из-под одеяла, посмотрел кругом и испытал ни с чем не сравнимое облегчение. После вчерашних трудов у него жаловалось всё тело, даже между рёбрами почему-то болело, хотя валунов он не ворочал. Однако было очевидно, что сегодня выдастся отдых. Здравомыслящие люди в такую погоду смирно сидят там, где их застигло ненастье. Иначе недолго и заблудиться на первой же каменной осыпи. Или вовсе провалиться в тартарары, поскользнувшись на снежнике. Молодой аррант счастливо улыбнулся и вновь прикрыл было глаза – досматривать сны...

– Вылезай, – сказал ему Волкодав. Он появился с другой стороны полога, неся котелок с прозрачной водой из ручья. Повесил котелок на перекладину и стал оживлять костёр.

– Заблудимся! – простонал аррант. При мысли о том, что вчерашнее истязание будет продолжено, на глаза навернулись слёзы. Он забыл даже о гордости: – Ну не видно же ничего!...

Волкодав покачал головой.

– Не заблудимся. Мне показали дорогу. – И пояснил: – Виллы.

Мышь выглянул у него из-за пазухи, сладко зевнул и спрятался обратно в тепло. Эврих отчаянно позавидовал беззаботному зверьку, у которого всего-то и было в жизни важных дел: набить брюшко чем-нибудь вкусным, вволю поиграть, потом найти хороший уголок для сна... повстречать в лесу весёлую подружку-летунью... Иногда, когда бывало тяжело, Эвриху хотелось стать таким же созданием, не отягощённым особой разумностью, а стало быть, и печалью, которые несёт с собой разум. Эврих заскрипел зубами и выбрался наружу, в холод и сырость. Спорить с венном было бесполезно.

Весь этот день, как и предыдущий, они шли вперёд. *Зато я умней*, мрачно думал Эврих, разглядывая заплечный мешок на спине Волкодава. *Я учёный. Моя книга уже хранится в Силионской библиотеке, её люди читают. Напишу и вторую, если... этот... этот... меня до смерти не загонит. То же... вообразил... только драке и выучился...*

При этом молодой аррант вполне отчётливо сознавал, что погубил себя сам. А нечего было навязываться в путешествие, которое Волкодав собирался предпринять в одиночку. Нечего теперь сетовать на обстоятельства, вызывающие не к познаниям мудреца, а к выучке воина и звериной выносливости, позволяющей шагать сутки за сутками. Каковые способности и были в полной мере присущи тупому неразвитому варвару. И скорее неприличны ему, без сомнения лучше-му выпускнику Силиона...

Ещё Эврих знал: если на них вдруг кто нападёт, сам он это поймёт разве только когда Волкодав схватит меч и примется защищаться. А его, умного, пожалуй ещё и отшвырнёт себе за спину. Чтобы не путался под ногами и не погиб от первого же удара...

Держать ухо остро полагалось, конечно, обоим. Но Эврих скоро до того отупел от усталости, что предоставил делать это одному Волкодаву. Самому ему было уже ни до чего. Он знал только, что надо было ИДТИ. По возможности не отставая от варвара. Остальное могло пропадать пропадом.

О Боги Небесной Горы!...

Грубый венн просто шёл себе и шёл. Молча. И не жавши с позавчерашнего дня.

Между тем, в довершение всех несчастий, тропу, изредка возникавшую под ногами, основательно размочил медленный дождик: коварные камни так и норовили вывернуться из-под ноги. Эврих скользил и раз за разом валился на ко-

лени, пачкая штаны и нарядные кожаные сапоги. Потом с большой неохотой вставал, пользуясь благовидным предложением перевести дух. Сегодня ему было даже не высмотреть вдалеке подходящего гребня, чтобы на нём свалиться и умереть. Стоило загадать приметную скалу, как она либо скрывалась за полотнищами тумана, либо, наоборот, откуда-то возникала другая похожая на неё – поди разбери!...

К середине дня, когда они остановились у небольшого ручья, глухое раздражение Эвриха переросло в кровожадную ненависть. Теперь он знал совершенно точно, что венн издевался, намеренно унижая его. Иначе зачем было бы устраивать подобную спешку? Гнались, что ли, за ними?... Или они опаздывали куда?...

Злоба помогла подстегнуть не только тело. Одолевая несколько последних подъёмов и спусков, Эврих заставлял измотанный разум трудиться, подбирая и складывая достойные слова. Правда, как только удалось сесть и вытянуть ноги, слова эти как-то сами собой поблёкли и потускнели, сменившись замогильной тоской: совсем скоро придётся ведь снова вставать...

Волкодав зачерпнул котелком воды из ручья, приволок откуда-то длинную корягу и стал потрошить её топориком, стёсывая влажную древесину и обнажая сухую. Эврих безразлично следил за его действиями. Потом до него постепенно дошло, что, раз появились дрова, значит, самые высокие безлесные перевалы остались-таки за спиной. Однако сил обра-

доваться этому уже не было.

Венн снял с огня закипевший котелок, вытащил хлеб, густо намазал ломоть топлёным салом из глиняного горшочка, покрошил сверху пол-луковицы и протянул всё это Эвриху. Лицо у арранта было серое, осунувшееся, но зелёные глаза горели непокорством и злобой. Если бы венн не занялся привалом, учёный просто свалился бы и уснул прямо под морозящим дождём. Чувствовалось, что он придушить был готов своего спутника и ещё пуще – себя самого за то, что раскис. Он взял хлеб и стал его есть, запивая горячей водой прямо из котелка. Сперва – с отвращением, потом – с видимым удовольствием. Злоба в глазах постепенно таяла.

– Куда гонишь?... – хрипло спросил он наконец, облизывая губы и подбирая с ладони последнюю крошку.

Волкодав пожал плечами.

– Если сегодня дойдём до реки, завтра уже Нарлак. Люди... деревня...

Эврих мрачно спросил:

– Тебя там что, невеста ждёт?... Несёшься... как нетерпеливый жених...

Венн провёл ладонью по волосам и жёсткой щетинистой бороде, потом стряхнул с руки воду. Объяснять не хотелось, и он промолчал.

У реки было красивое имя: Ренна. Она текла с северо-востока, вбирая сотни горных ручьёв, питаемых вечными лед-

никами. В своих верховьях она резво прыгала со скалы на скалу, но на равнине, как и у многих горных рек, жизнь у неё не задалась. Вырываясь в широкую долину, отделявшую Засечный кряж от холмов северного Нарлака, Ренна быстро теряла и дикую красоту, и разбег, растекаясь десятками мелководных протоков. Порою эти протоки совсем скрывались в рыжих напластованиях гальки, медленно сочась сквозь них к уже недалёкому морю. Оба края долины густо заросли ракитой и тростником, в неторопливой воде омутков плавали лягушки, перебирались с берега на берег ужи. Однако посередине долины, на ржавых галечных россыпях, не было заметно ни единого кустика. И знающий человек понимал с первого взгляда, что обычно сонная Ренна временами бывала страшна.

Несколько раз за лето случалось так, что с Закатного моря налетал крутящийся смерч. Люди знали, что это пытался обрести плоть древний Змей, пособник Тёмных Богов. Насосавшись морской солёной воды, он яростно мчался в горы, но неизменно распарывал брюхо об острые пики, падал вниз и вдребезги расшибался о скалы. Тогда с небес хлестало так, будто прорвалась сама Твердь, а кроткая Ренна стряхивала спячку и превращалась в бешеный поток. Этот поток ворочал каменные глыбы, играючи уносил выдранные деревья и с рёвом хлестал желтоватыми клубящимися волнами. В такие дни с высоких приморских скал была отчётливо заметна мутная речная струя, вдававшаяся в море не менее чем на

полверсты.

А потом иссякала вода, принесённая в брюхе жадного Змея, и Ренна вновь успокаивалась, затихала. Снова цвела по берегам мать-и-мачеха, кричали лягушки, клонились над омутами ивы, выросшие на безопасной высоте вдоль обрывов...

В этот вечер Ренна текла спокойно. Её можно было перейти даже не замочив ног – стоило лишь немного попеть по галечным косам. Продравшись следом за Волкодавом сквозь заросли ракиты, Эврих перепрыгнул узенькую протоку, и хруст гальки под сапогами показался ему победными трубами. Он выдюжил. Выстоял. Продержался. На том берегу отдых.

Он даже сказал себе, что можно было бы идти ещё и ещё. Где наша ни пропадала. Не так уж и страшна оказалась гонка, которую неизвестно зачем устроил ему Волкодав! Будет зато, о чём с гордостью вспомнить...

С этой мыслью Эврих закрыл глаза и свалился на мелкие камушки, потеряв сознание. Вот что получается, когда долго держишь себя в кулаке, а потом ослабишь мёртвую хватку.

Он почти сразу очнулся. И, не открывая глаз, ощутил, что его покачивает, как в колыбели. Было ощущение движения, только ногами перебирать почему-то не приходилось. То есть его ноги попросту свисали, не касаясь земли. Эврих поднял ресницы. Прямо у его лица было человеческое плечо, обтянутое влажной кожаной курткой. На плече, перехва-

ченном матерчатой ляжкой заплечного мешка, сидел недовольно нахохлившийся Мыш. Глаза зверька светились в густеющих сумерках, как два серебряных уголька. Выше виднелась знакомая русоволосая голова, потемневшая от дождя. Ещё выше плыло мокрое серое небо, где-то внизу размеренно поскрипывала и чавкала галька. Аррант пошевелился и понял, что Волкодав нёс его на руках. Его разобрала обида, он решил высвободиться:

– Пусти!...

К его изумлению, венн улыбнулся. Улыбка получилась виноватая. Он сказал:

– Ладно... Завтра спи хоть до вечера...

Эврих раздумал вырываться и оскорблённо затих. Потом оценил ширину русла, вспомнил о дождике, упорно моросившем весь день, и слегка испугался. А ну сейчас с верховий ка-ак... Он скосил глаза, оценил уровень воды в очередном омуте и убедился, что им ничто не грозило.

Действительно, Волкодав выбрался на другой берег безо всяких приключений. И там, поднявшись немного наверх, остановился на небольшой уютной полянке, взятой в кольцо пушистыми плакучими ивами. Посередине виднелась песчаная проплешина. Как раз для костра.

Здесь Волкодав поставил Эвриха на ноги, тот сделал шаг и с отвращением убедился, что ноги дрожали. Венн сгрузил наземь оба мешка, вытащил из чехла топор и посоветовал:

– Съешь пряник.

– Что?...

– Пряник, – повторил Волкодав. – Сладкий. Полегчает.

И скрылся между деревьями: отправился разыскивать хворост. Мыш, ссаженный на мешок, повертел носом туда и сюда, потом развернул чёрные крылья и умчался следом за венном. Эврих решил последовать совету варвара, вытащил медовый пряник, испечённый Ниилит им в дорогу, и принялся жевать его всухомятку. Хотелось сесть (а лучше – лечь), и по возможности никогда больше не вставать. Эврих пересилил себя – не в первый раз за минувшие два дня и, видят Боги Небесной Горы, не в последний. Волкодав не возвращался, и аррант решил натянуть полог. Распорки венн держал притороченными к своему мешку, колышки и полотнище – внутри. Эврих полез за ними, стал распутывать завязки, сдвинул мешок – и еле сдержал злые слёзы зависти и унижения. Всё это время проклятый венн тащил груз в два раза больше, чем он сам.

Когда Волкодав вернулся с охапкой мокрого хвороста, Эврих ждал его с полным котелком воды, в которой уже плавала заправка для похлёбки, кусок вяленого мяса и последние капустные листья, а под сенью деревьев красовался натянутый полог и лежали разостланные постели. Ноги, кстати, у Эвриха уже не дрожали.

Волкодав развёл костёр. Потом посмотрел на быстро темневшее небо и стал, как вчера и позавчера, замыкать маленький лагерь охранительным кругом. Но если раньше он делал

это просто ножом, то сегодня... Сегодня он начертил сразу три круга, один внутри другого. Первый и самый большой он провёл лезвием топорика. Второй – горячей головнёй из костра. И, наконец, третий – остриём Солнечного Пламени, вытащенного из ножен.

Эврих следил за его действиями, уплетая похлёбку. Похлёбка была густой, горячей и вкусной, от неё по всему телу разбегалось тепло и начинало приятно клонить в сон. Молодой аррант довольно смутно представлял себе веннскую веру, и отчасти в этом виноват был сам Волкодав. Заставить его что-то рассказывать не всякий раз удавалось даже Тилорну...

Воспоминание о Тилорне смутно беспокоило Эвриха, и он, насторожившись, попытался сосредоточиться на этой мысли. *Разрази меня Вседержитель, ведь Тилорн что-то такое упоминал. Третья ночь. Ну да, третья. После которой венны вроде бы заплетают волосы и перестают опасаться отмищения насильственно исторгнутых душ...*

Волкодав кончил своё дело и сел возле огня. Мышь соскочил с его плеча и устроился на колене, разворачивая промокшие крылья. Венн задумчиво погладил зверька, пощекотал пальцем чёрное брюшко. Мышь оглянулся на него, почти по-собачьи улыбаясь клыкастой маленькой пастью, выгнулся, прижимаясь спинкой к ладони, зажмурил ярко светившиеся глаза. Волкодав улыбнулся, глядя на него сверху вниз.

И тут Эврих вспомнил. Вспомнил, что рассказывал ему

Тилорн. Про эту самую третью ночь. Третью, если считать от пожара Людоедова замка. Когда все они чуть не погибли, настигнутые мстительными душами убитых оружием венна и сгоревших в огне, разведённом его рукой...

– Волкодав!... – севшим голосом выговорил учёный аррант. Тот молча поднял голову и вопросительно посмотрел на него. Эврих сглотнул и начал сбивчиво говорить: – Ты... те шестеро... они что, сегодня должны?...

Венн передёрнул плечами:

– Может, и не должны. – Эврих продолжал смотреть на него, и он, криво усмехнувшись, кивнул ему на остывающий котелок, который аррант заботливо обнимал, держа на коленях: – Ты ешь... пока льдом не покрылось...

Эврих вздрогнул и сунул в рот ложку. Казалось бы, уж какая тут пища, когда пошли разговоры о мертвецах, но ничего подобного. Голодный желудок требовал насыщения.

– Так ты, значит... потому так и спешил?... – спросил он, поочерёдно откусывая от хлеба и ободранной луковицы.

Волкодав снова кивнул.

– Если я правильно понял, – сказал он арранту, – где-то здесь есть тропка, по которой к реке ходят из деревни. Завтра к полудню...

Он не договорил. Договаривать не хотелось. Как бы парень не натворил глупостей, если прямо сказать ему, что, вполне возможно, разыскивать нарлакскую деревню придётся уже в одиночку.

Он крепко верил в могущество тройного круга, очерченного именем Солнца, Молнии и Огня. Топор был для веннов священным оружием Бога Грозы. Про горящую ветку и вовсе не стоило ничего объяснять. А меч Волкодава звался Солнечный Пламень. Неужели не оборонят?...

А вот и не оборонят. Злодея, сотворившего грех. Вольный или невольный...

– Ты себя на всякий случай отдельно ещё огради, – сказал он Эвриху. – Мало ли...

– Не буду!... – окрысился аррант. – Я с тобой!...

– Ну и зря, – спокойно сказал Волкодав. – Глупо.

Эврих подумал, и ему стало стыдно. Теперь он наконец-то понимал всё до конца. Вот, значит, зачем венн так гнал его и себя. Он, Эврих, *если вдруг что*, должен был оказаться уже в Нарлаке. Поближе к людям. К городу Кондару, откуда через море отправляются корабли...

Ломая себя, он вытащил из костра головню и вычертил круг. Раскалённые угли, покрывавшие жаркий конец головни, недовольно шипели, соприкасаясь с мокрой травой. Эврих замкнул круг и только потом сообразил, что отгородил себя от разостланной постели и вдобавок едва ли теперь сумеет как следует вытянуть ноги. Не сможет даже поправить костёр, подкинуть в него хвороста... Он усмехнулся и бросил головню обратно в огонь. Тилорн, покалеченный и незрячий, и тот схватился тогда за ореховое копьёцо. С чего это венн решил, будто он, Эврих, останется спокойно сидеть

в своём кругу, если... *Ой, да не храбрился бы ты, прозвучал глубоко в сознании словно бы чужой, насмешливый голос. Ещё не всеми страхами пуганный. Не хвались наперёд...*

Эврих заставил себя досуха выскрести котелок и поставил его наземь.

– Ну и что теперь?... – спросил он, изо всех сил стараясь, чтобы голос не выдал волнения.

– Ничего, – сказал Волкодав.

Эврих сжал кулаки:

– Во имя репъёв, прицепившихся к подолу Прекраснейшей!... Если доживём до утра, венн, я сам тебе голову оторву!...

Волкодав сидел лицом к реке, полагая, что души сражѐнных насильников явятся со стороны Засечного кряжа. Там он оставил валяться их неприбранные тела; птицы и звери, должно быть, уже вволю потрудились над падалью. К тому же нечисть и зло, как известно, всего чаще приходят именно с севера...

Он подумал о том, что, может, в эту ночь произойдёт то, что должно было произойти, и шесть возмущѐнных душ выдернут из тела его собственную, чтобы увлечь её... куда? Наѐмники принадлежали к разным народам. У каждого имелись свои Небеса и своя Преисподняя. Веннский Исподний Мир был негостеприимен. Злодеев ждала лютая тьма и такой же лютый мороз. Волкодав вздохнул и подумал о том,

как, наверное, опечалятся Серые Псы, ждущие его на зелёных полянах Острова Жизни. То есть многие из них, должно быть, уже возвратились в этот мир, потому что он за них отомстил. Но мать и отец... почему-то ему упорно казалось: они оставались ещё там, наблюдая деяния сына, и смотрели на него сквозь семь прозрачных небес, и чаяли встречи...

И в это время раздался голос, прозвучавший совсем не с той стороны, откуда он ждал:

– Я смотрю, ты уже и не рад мне, малыш?

Волкодав мгновенно обернулся, но рука, непроизвольно дёрнувшаяся к мечу, остановилась на полпути. За чертой внешнего круга стояла невысокая седовласая женщина, облачённая в серые шерстяные шаровары и синюю стёганую безрукавку. Она стояла подбоченившись и с насмешливой укоризной посматривала на Волкодава, склонив голову к худенькому плечу.

Эврих, начавший понемногу клевать носом возле костра, испуганно вскинул голову: его спутник вскочил и стремительно шагнул прочь, туда, где на границе света и тьмы колебались и плавали плотные клочья тумана.

– Государыня!... – хрипло проговорил Волкодав. – Мать Кендарат!...

Судя по всему, он собирался по собственной воле миновать все три круга и беззащитным выйти наружу, где... где его... Голоса Волкодавой собеседницы Эврих не слышал, только заметил, что один из обрывков тумана оставался на

месте и вроде бы приобретал некое сходство с человеческой фигурой. У молодого арранта зашевелились волосы. Он понял: кто-то заманивает венна в ловушку.

– Стой!... – завопил он, вскакивая на ноги и без размышлений вылетая за ограждающую черту, которой сам только что себя окружил. – Стой, варвар!...

Он догнал Волкодава и схватил его за руку, отлично понимая, что удержать не сумеет. Он успел даже подумать, а что будет с ним самим, когда его спутник перешагнёт все три черты и хрупкая граница окажется нарушена... Он, Эврих, убитых Волкодавом насильников даже и пальцем не трогал... Так неужели его... его тоже...

Как бы то ни было, бросать венна одного он не собирался.

– Не выходи из круга, малыш, – сказала Кан-Кендарат. – Незачем!

И она подняла руку, обращая к нему развёрнутую ладонь. Удивительной силы было исполнено это движение. Эврих по-прежнему не слышал голоса и толком не понимал, с кем разговаривал Волкодав. Он осязал только *присутствие*. Сперва оно ошеломило и испугало его своей мощью. Потом он понял, что присутствие было благим. Но всё равно пугающим...

Волкодав остановился. Выдернул у Эвриха руку. И опустился перед женщиной на колени.

– Я не от тебя загораживался, Мать Кендарат, – проговорил он глухо. – Я только... не думал, что ты... уже заверши-

ла свой земной путь...

Он успел понять: его седовласая наставница была здесь не во плоти.

— А я и не завершила, — усмехнулась она. — Но если все мои ученики начнут поступать как ты, я вправду стану молиться об окончании странствий!

Волкодав промолчал.

— Ты опять ждёшь, чтобы за тобой пришли души тех, кого ты убил, — продолжала жрица Богини Кан. — Видишь, ты даже меня принял за мстительный дух! Не бойся, они не придут... — Волкодав поднял голову, и она пояснила: — Им было позволено обрести то посмертие, которого они заслужили. А ты...

— Они совершили зло, — сказал Волкодав.

— Верно, — ответила Мать Кендарат. — Совершили. А ты, значит, полагаешь, будто сделал добро? Ты убил их. Ты прекратил шесть жизней. Зачем?

Волкодав упрямо повторил:

— Они совершили зло.

— И ты, — кивнула жрица, — поступил с ними так, как тебе было проще всего. Ты не стал возиться. Ты их просто убил.

— Я сожалею об одном, — сказал Волкодав. — Я не расспросил четвёртого по счёту, где он посмотрелся кан-киро. И какой такой наставник воинов объявился за морем, в Тин-Вилене...

Эвриху показалось, будто прядь тумана, чем-то напоми-

навшая человеческую фигуру, еле заметно вздрогнула. Волкодав увидел, как тень пробежала по лицу Матери Кендарат. Наверное, она уже прослышала о несчастье и знает, что божественное Искусство попало в скверные руки. Но жрица сказала совсем другое:

– Ты жалеешь не о том, что убил, а о том, что не заставил несчастного юношу говорить? Ты в самом деле мог бы истязать человека?...

От пронизывающего взора карих глаз Кан-Кендарат деваться было некуда, и Волкодав нехотя проговорил:

– Мог бы. Смотря за что, госпожа.

Ладонь жрицы снова вскинулась в гневном отвращающем жесте... Так, что молодого арранта обдало огненным жаром. Позже он расспросит Волкодава и не усомнится, что его незримая собеседница подобно Тилорну умела за десять шагов мановением руки сбросить с лавки полено.

– Не говори мне этого, не то я совсем от тебя откажусь! – воскликнула Мать Кендарат. – Ты собираешься завтра остановиться в нарлакской деревне? А ты не боишься, что встретишь у околицы почтенную женщину, и она спросит тебя: не видал ли ты там, на тропах Засечного кряжа, моих молодых сыновей? Они, мол, служили в наёмниках, а ныне по весне обещали вернуться?...

– У каждого душегуба есть мать, – тяжело проговорил Волкодав. – Из-за этого его не наказывать?...

– А кого ты наказал? – удивилась бесплотная гостья. – Ты

просто подтвердил, что сражаешься лучше многих. И всё!

– Значит, – спросил Волкодав, – я должен был их отпустить?

Жрица покачала головой – медленно, укоризненно и печально.

– Ты ничего так и не понял, малыш, – сказала она. – Я просто к тому, что, если уж ты полез в это дело, надо было идти до конца. Если ты решил вмешаться в их жизнь, эти люди должны были понять, какое злодеяние они совершили. Ты можешь придумать худшее наказание?... И я не могу. Но на это тебе пришлось бы потратить часть своей собственной жизни. Быть может, даже и всю. А ты не захотел. Ты предпочёл их убить. Тебе так было проще.

Волкодав стоял на коленях, опустив голову. *Она права. Эти шестеро, когда я их убивал одного за другим, вряд ли раскаивались в содеянном. Если я и заставил их о чём пожалеть, так разве о том, что оказались слабее и уступили шестером одному. И ни о чём более...* И всё же что-то в нём сопротивлялось, отказываясь признать правоту маленькой жрицы. *Она достигла духовных высот, о которых я недостойн даже мечтать. У нас, поймав насильника, выпускают мерзкому негодяю кишки, и я считаю, что это правильно и хорошо. А для неё пскудный мучитель жсенин, которого я убил, – несчастный юноша, вызывающий жалость. По мне, такому человеку жить незачем. Не заслужил. А она готова остатком жизни пожертвовать, чтобы обратить*

ублюдка на благой путь...

Мыш крутился в воздухе над головой друга и тревожно кричал.

– Так ты, значит, взялся решать, кто достоин жить, а кто не достоин? – спросила Мать Кендарат.

– Я не знаю, – глядя в землю, проговорил Волкодав. – Я знаю только, что они совершили зло. Теперь больше не совершат.

– Но и добра тоже! – прозвучало в ответ. – Среди них были способные одуматься!

– А её ты видела? – подняв глаза, упрямо спросил Волкодав. – Ту девочку?

Но там, где только что стояла седая смуглая женщина, было пусто. Только чуть заметно подрагивали под ударами мелких дождевых капель стебельки мокрой травы...

Не строй у дороги себе избы:
Любовь из дома уйдёт.
И сам не минувешь горькой судьбы,
Шагая за поворот.

Идёшь ли ты сам, силком ли ведут -
Дороге разницы нет!
И тысячи ног сейчас же затрут
В пыли оставшийся след.

Дорога тебя научит беречь
Пожатье дружеских рук:
На каждую из подаренных встреч
Придётся сотня разлук.

Научит ценить лесного костра
Убогий ночной приют...
Она не бывает к людям добра,
Как в песнях про то поют.

Белёсая пыль покрыла висок,
Метель за спиной кружит.
А горизонт всё так же далёк,
Далёк и недостижим.

И сердце порой сжимает тоска
Под тихий голос певца...
Вот так и поймёшь, что жизнь коротка,
Но нет дороге конца.

Следы прошедших по ней вчера
Она окутала тьмой...
Она лишь тогда бывает добра,
Когда ведёт нас домой.

4. Дом у дороги

Это была старица – прежнее русло, покинутое главной стремниной реки. Так человек покидает ставшую ненужной одежду. Звор, младший сын великой Светыни, некогда спешил к матери и проложил себе новый путь через леса и болота. Теперь он посещал брошенное русло только весной, во время разлива, да иногда ещё осенью. Остальное время старица дремала, подёргиваясь ряской. Ребяшня, подраставшая у Барсуков и у Пятнистых Оленей, слышала по вечерам, как где-то за камышами плескала пудовым хвостом матерущая рыбина. Об этой рыбине ходили легенды. Кое-кто считал её любимым конём Водяного Хозяина. Другие возражали, мол, стал бы Хозяин держать Речного Коня в тихой старице, вдали от главного русла. Третьи полагали, что под лесистой грядой, разгородившей реку, точно есть сквозная пещера...

Мальчишки мечтали поохотиться на чудесное страшилище и каждое лето тайком от взрослых вязали плот. Сердобольные девчонки всякий раз находили спрятанный плот и растаскивали его, а Речному Коню бросали комки каши. Своими глазами подводного жителя не видел никто, но дети, охочие слушать взрослые разговоры, знали, что гулкие шлепки по воде с замиранием сердца слушали ещё их матери и отцы. А может, даже дедушки-бабушки...

Оленюшка тринадцати лет от роду сидела на стволе берёзы, изогнувшемся над водой. Дерево когда-то давно начало было валиться с подмытого берегового обрывчика, но не погибло. Уцелевшая половина корней живуче разрослась, цепко ухватившись за землю, ствол глянул вверх, вздымая крепкие пушистые ветви. Оленюшка сидела на белом стволе, поджав одну босую ногу под себя, а другую свесив к воде. Рыбница жила в глубокой части старицы; гуси, похоже, это знали и не высовывались с мелководья. Благо и там было где поплавать, покормиться и поиграть. Оленюшка вполглаза присматривала за сытыми пёстрыми птицами, придерживая локтем прялку, заткнутую нижним концом за пояс, сплетённый из разноцветных шнурков. Её род, Олени, вырезали наверху прялки в виде дощечки, к которой кудель прикалывала особая спица. В роду отца, у Барсуков, выструживали прялки из раздвоенных веток: не надо ничего и прикалывать, насадил и готово. Олени покрывали струганные наверху ярким узором, оживляли на них даже Богов, творивших Вселенную. Барсуки посмеивались над друзьями-соседами и говорили, что их способ древнее, а значит, Богами прародителям преподан и свят сам по себе, не обязательно лики на дереве рисовать.

Те и другие прялки, однако, можно было носить у плеча, засунув за пояс, и прядь даже на ходу. Тем более – присматривая за гусями.

Пряла Оленюшка хорошо. Нитка всегда получалась у неё

тонкой, ровной и крепкой. Вот только сегодня девочке больше всего хотелось скомкать кудель и выбросить в омут. А хорошо бы и вместе с прялкой, привязав камень побольше. Сегодня Оленюшка пряла шерсть. И знала, что готовые нитки придётся окрасить в красный и синий цвет, а часть тщательно выбелить. И тогда она сядет за кросна, чтобы выткать себе взрослую девичью одежду. Понёву.

Тринадцать лет – год в жизни особенный. Взрослеет тело, готовится воспринимать женское предназначение. Трёт глазёнки проснувшаяся душа. Девочке нарекают взрослое имя, род сходится на святой пир, и большуха со старшими женищинами надевают на «славницу» первую в её жизни понёву. Скоро прослышат о новой девушке дальние и ближние соседи, и мать начнёт строго поглядывать на молодых парней, жаждущих заполучить ясную жениховскую бусину в косу...

Оленюшка свою бусину однажды уже отдала. Ещё три года назад. И с тех пор чего только не выслушала от родных. Та бусина не в счёт, говорили ей дома. Ту ты по недомыслию отдала. Малое дитё! Что оно тогда понимало? Срамота да и только, давно пора позабыть. Теперь – дело совсем другое. Теперь – испросить доброго совета у матери да приветить паренька из хорошей семьи, чтобы лета через три-четыре вправду стал женихом. Чтобы с гордостью и честью носил заветный подарок...

А тот Серый Пёс – что с него? Показался один раз –

и нету, пропал. Слухи, правда, доходили. Если только это вправду про него баяли, не про другого кого. Люди сказывали – будто служил самой государыне сольвеннской кнесинке. Сопровождал её на велиморскую границу и там едва не погиб. Потом вернулся – и чуть ли не на другой день вынужден был куда глаза глядят бежать из стольного города... Это – в доме хозяин? Мужчина, которого принимают в семью, чтобы жене до ста лет за ним спокойно жилось?...

Иногда Оленюшке казалось, что взрослые были правы. Вот ведь и пёс с бусиной на ошейнике, так похожей на подаренную тому человеку, давненько ей уже не показывался...

Девочка вспомнила славного скромного парнишку из рода Клеста, который вместе с матерью и отцом приезжал к ним в гости месяц назад... и вдруг, исполнившись непонятного отвращения, вслух прошептала:

«Из рода уйду!...»

Собственная безрассудная дерзость испугала её, она даже оглянулась по сторонам – не слышал ли кто. Она, как и все, помнила, конечно, старые сказки о девушках и парнях, убежавших из дому от немилого брака. Беда только: что хорошо в сказках, в обычной живой жизни никуда не годится. Нельзя из дому убежать. Плохо это. Любое горе лучше, чем от своего рода отказ. Даже мужа взять нелюбимого и до седых волос вздыхать о несбывшемся. Да и кто знает в тринадцать-то лет, что оно такое – любовь?...

В тринадцать лет надо мать слушать.

Шерстяная нить охватывала петелькой гладкое берёзовое веретено, вытягивалась из кудели, скручивалась, наматывалась. Привычные руки делали дело не думая. Оленюшка была в том счастливом возрасте, когда всё видится наполовину игрой. Она повторила, балуясь, точно с куклой, с призраком самого страшного лиха:

«А вот из рода уйду!»

Во второй раз это прозвучало уже не так таинственно и жутко, как в первый. В глубине души Оленюшка знала то, что неведомо откуда знают все дети, ещё не испытавшие горестных обид от судьбы. Всё как-нибудь обойдётся и образуется, говорило ей это знание. Всё будет хорошо. Пальцы босой ноги касались спокойной тёплой воды, она болтала ими туда и сюда, рассеянно забавляясь щекочущим прикосновением ряски. Вдруг спохватившись о порученном деле, Оленюшка пересчитала гусей, нашла глазами вожака... И, глядя на большую сильную птицу, загадала о невозможном: если прямо сейчас вынырнет из глубины старицы никем никогда не виданный Речной Конь, значит, точно уходит ей из рода навстречу неизвестной судьбе. Загадала, на всякий случай даже задержала дыхание... и, конечно, ничего не произошло. Не закричали чуткие гуси, не плеснул широченный хвост, не показался встопорщенный колючий плавник. Да по-иному ведь и быть не могло.

Оленюшка вздохнула. Одно дело – думать о небывалом и тайно надеяться: а может, всё-таки позволяют Боги слу-

читься?... – и совсем другое – убедиться, что несбыточное потому так и называется, что в жизни ему нипочём не бывать. Ловкие пальцы вытеребили из кудели нежную пушистую прядь, правая рука привычно раскрутила веретено, отягощённое глиняным прясленом... И в это время нога, продолжавшая бездумно разгонять мелкую ряску, чиркнула подушечкой пальца по чему-то плотному, скользкому. Девочка, ещё не успев испугаться, проворно отдёргнула ногу и посмотрела вниз.

Прямо под ней, лениво пошевеливая плавниками, стояла в воде огромная рыба. Стояла и смотрела снизу вверх круглыми немигающими глазами, каждый с блюдце. Позже Оленюшка так и не сможет сообразить, к какой же рыбьей породе принадлежал Речной Конь. Сом? Щука? Таймень?... Его было плоховато видно сквозь ряску, только силуэт в полторы сажени длиной да эти глаза, казавшиеся не по-рыбьи разумными.

Оленюшка ахнула и рывком подобрала под себя обе ноги, судорожно хватаясь за ближайшую ветку, но ветка оказалась сухой и, конечно, сразу сломалась. Оленюшка потеряла равновесие, отчаянно завизжала и спиной вперёд полетела вниз, в воду. Пока падала, перед внутренним оком успело мелькнуть, как Речной Конь хватает её за подол рубашонки и утаскивает вниз, вниз, в непроглядные сумерки, а солнечная поверхность отдаляется, отдаляется, и вот уже огнём горит в груди и воздухе не глотнуть... Хлынули брыз-

ги, вода взвилась со всех сторон зеленоватыми прозрачными стенами и тотчас обрушилась, заглушив испуганный визг. Оленюшка ощутила, как ринулось из-под неё гладкое скользкое тело, ринулось и пропало, исчезло в глубине омута. Загоготали, захлопали крыльями гуси. Плыть до берега было три гребка, и девочка, тараща глаза и глотая невольные слёзы, мигом выскочила на сухую траву. Не скоро успокоилось зашедшееся сердечко и перестало казаться, будто Речной Конь вот-вот явится снова и пустится за нею на берег. Потом она всё-таки отдышалась, принесла длинный прут, которым стращала своевольных гусей, и долго мучилась, вылавливая из воды прялку. Легче было бы сделать это, вновь забравшись на поваленную берёзу, но Оленюшка не смела.

День занялся неприветливым, однако дождь больше не шёл. Волкодав выполнил обещание: не стал будить Эвриха. И тот, проснувшись, со стыдом обнаружил, что солнце, едва видимое за облаками, приблизилось к полуденной черте. Молодой аррант поспешно сел и завертел головой, ища своего спутника. Он увидел его почти сразу. Волкодав лежал под пологом возле давно потухшего костра и спал мёртвым сном, поджав колени к груди. Был, значит, и его выносливости отмерен предел. На плече у венна сидел Мыш. И воинственно озирался, развернув когтистые крылья.

Эврих осторожно поднялся, взял котелок и, ступая на цыпочках, отправился за водой.

Женщина стояла на вершине холма и смотрела на дорогу, по которой подходили к деревне венн и аррант. Расстояние ещё не давало подробно рассмотреть лицо и одежду, было видно только, как трепыхался на ветру подол тёмного платья. И почему-то чувствовалось, что стояла она там уже давно.

Тропинку, что вела от берега Ренны к деревне, путешественники нашли без труда. Чем дальше от реки, тем шире становилась тропа, пока не упиралась в самую настоящую, хорошо укатанную дорогу. По этой дороге выгоняли на пастбище скот. По ней же ездили в город: там, где в большак вливалась тропинка с реки, дорога как раз делала поворот, убегая на запад, в сторону моря. Туда же тянулись и пробитые тележными колёсами глубокие колеи.

– А надо нам в деревню идти? – нерешительно спросил Эврих. – Что там делать-то? Может, прямо в Кондар?...

– Не хочешь, не ходи, – мрачно сказал Волкодав. – Я тебя потом догоню.

Он всё смотрел на женщину, стоявшую на вершине холма. Эврих упрямо мотнул кудрявой головой и продолжал идти за ним следом. Вчера ночью он не слышал всего разговора, происходившего между венном и бесплотной пришелицей, стоявшей по другую сторону круга, – только то, что говорил Волкодав. Аррант, однако, понимал: венну было почему-то очень важно побывать в деревне. И, кажется, примерно затем же, зачем это требовалось несколько дней назад ему са-

мому. Только Эврих, родившийся в просвещённой стране, не стеснялся говорить о своих страхах, ибо это помогало их преодолеть. Варвар, в отличие от него, явно считал разумное поведение признаком непростительной слабости...

А Волкодав не спускал глаз с женщины, до встречи с которой оставалось идти едва ли сотню шагов, и думал о том, что предсказание Матери Кендарат готово было вот-вот исполниться. «Скажи, добрый человек, не видал ли ты где-нибудь там, на Засеке, моих молодых сыновей, служивших в наёмниках?...» Он не ускорял и не замедлял шага, но из таинственного места глубоко внутри живота разбегались по телу льдистые морозные паутинки. Они проникали в ноги, делая походку деревянной, и стягивали горло, не давая дышать. Волкодав знал: это был страх. Кто-нибудь, очень хорошо знавший венна, мог бы даже догадаться, что ему было страшно. Например, Мыш. Чёрный зверёк то и дело срывался с плеча и описывал стремительные круги, отыскивая врага, но не находил никого достойного схватки и возвращался обратно. Эврих знал венна хуже.

Всего более настораживало Волкодава то, что он никак не мог разобрать, какого роду-племени была стоявшая на холме. В своё время он хотя и с трудом, но привык, что в больших городах можно было встретить вельху в сольвеннской рубахе и сегванских штанах. Да к тому же при мономатанских сандалиях. Но в деревне?... Он бывал в Нарлаке и знал, что здесь, как и всюду, по деревням обитали большей ча-

стью родственники. Откуда бы взяться простоволосой старухе в разнопёрых обносках, явно подаренных с чужого плеча и кое-как перешитых?...

У него даже мелькнула в памяти каторга, страшные недра Самоцветных гор, где различиям в одежде подавно не было места: грязь, пот и кровь быстро облачали всех в одинаковые лохмотья... Подойдя к женщине вплотную, Волкодав на всякий случай поздоровался так, как это было принято у нарлаков:

– Да согреет тебя Священный Огонь, мать достойных мужей...

Она немного помедлила, а потом, к его немалому удивлению, ответила на веннский лад:

– И тебе, сын славной матери, поздорову.

– Здравствуй, почтенная госпожа, – поклонился Эврих.

На сей раз женщина отозвалась без промедления:

– И ты здравствуй, достопочтенный.

Волкодав между тем уже видел, что зря посчитал её за старуху. Он вообще с трудом определял возраст, но почему-то подозревал, что тут вряд ли справился бы даже Тилорн. Женщина была определённо не молодой. Но вот старой она казалась, только если он смотрел ей прямо в глаза, бездонно глубокие и какие-то древние глаза много видевшего человека. А так – ни одного седого волоска в голове. И лицо – красивое и гладкое, почти без морщин...

– Я жду своих сыновей, – радостным голосом проговорила

вдруг женщина. – Они, наверное, скоро придут сюда. Скажи, Серый Пёс, не встречал ты их где-нибудь на Засеке?...

Он почувствовал, как сердце судорожно бухнуло в рёбра, и даже не заметил, что женщина назвала его родовым именем, распознать которое сумел бы далеко не всякий сольвенн, не говоря уже про нарлаков. А она продолжала:

– Мои сыновья молоды и красивы. Они придут со стороны гор. Они должны появиться со дня на день, они знают, что я жду их на этом холме. Не встречал ли ты их где-нибудь по дороге?

Волкодав открыл рот, кашлянул и кое-как заставил себя выговорить:

– Пока мы шли через Засечный кряж, мы встретили семерых... – Голос был чужим и сирым, он успел понять, что Мать Кендарат была права от первого до последнего слова, что в тот раз сквозь светлые Врата его протащили на руках слишком добрые люди, и Те, кто стерёг эти Врата, просто пожалели праведников, не стали губить их ради одного недостойного... Но вот вдругорядь... Он попытался сообразить, был ли среди насильников хоть один нарлак, но не смог вспомнить ничего вразумительного и сказал женщине: – Те семеро были плохими людьми... То есть не семеро, шестеро... Один оказался лучше других... Он остался в живых...

Женщина величественно кивнула.

– Значит, – с улыбкой сказала она, – вы не встретили моих сыновей. Тот мальчик, ты говоришь, был один, а мои дети

всегда держатся вместе... Они бы непременно помогли вам драться против злодеев. Что ж... значит, сегодня с гор больше никто не вернётся. Войдите в мой дом, добрые люди. Отдохните с дороги. Вы, должно быть, в Кондар держите путь?
...

Развалюха, в которой она обитала, даже с большой натяжкой не заслуживала, чтобы называть её домом. В Нарлаке от века было теплее и суше, чем в стране сольвеннов и тем более в веннских лесах. Сметливый народ давно привык пользоваться подарком Богов и вместо бревенчатых изб, поднятых от сырости на подклеты, строил землянки. Конечно, в землю закапывались не все, только те, кто был победнее. Волкодав землянок не любил отчаянно, полагая, что не дело уважающему себя человеку так жить, но не спорить же с повадками целой страны. Тем более что в своё время ему приходилось бывать во вполне уютных нарлакских жилищах, сухих, тёплых и разумно устроенных... Так вот, хозяева тех жилищ вряд ли согласились бы держать в землянке женщины даже скотину.

Несчастный домишко, похоже, видел не только Последнюю войну, но и самоё Великую Ночь. Его крыша едва возвышалась над кочковатой землёй. Издали она казалась зелёным весёленьким холмиком, но вблизи было видно, что там и сям из-под дёрна торчат клочья грязной берёсты, а кое-где и вовсе зияют мокрые дыры... и вообще ногами побли-

зости лучше особо не топать, не то, не ровен час, провалится окончательно. Сквозь дыры тянулся наружу жидкий дым едва теплившегося очага. Волкодав знал, что ему предстояло увидеть внутри. Покрытые плесенью стены, влажный пол с ключьями гниющей соломы... и, конечно, ни кусочка съестного. Ни тебе окороков, подвешенных к кровельным балкам, ни связок румяного лука, ни душистых хлебов в ларе. Ну там – горшочек с водянистой кашей на тусклом глиняном очаге...

И что за народ эти нарлаки, в который раз с отвращением сказал себе венн. Тоже мне, каменные города строят! Бросить беспомощную вдову одну в нищете!...

– Как прикажешь называть тебя, достопочтенная? – спросил женщину Эврих, пока они шли. Она посмотрела на молодого арранта и ласково улыбнулась ему. Она сказала:

– Здесь меня называют Сумасшедшей Сигиной.

Волкодав только вздохнул про себя. Лютое напряжение, пережитое на холме, ещё не до конца отпустило его. *Сумасшедшая!...* Дело, значит, было даже хуже, чем он предполагал.

– Ты не похожа на безумную, госпожа, – осторожно проговорил Эврих. – Мне кажется, ты беседуешь достойно и мудро...

– Когда я пришла сюда, чтобы ожидать здесь сыновей, они... – Сигина кивнула в сторону деревни, -...они сразу сказали мне, что я сумасшедшая. Поначалу они подкармли-

вали меня и даже помогли выстроить дом. Но я не умею ходить босиком по снегу и говорить загадочные слова, которых люди ждут от скорбных рассудком. Я просто жду моих сыновей...

– Давно ли покинули тебя твои дети, госпожа? – спросил Эврих.

Она безмятежно улыбнулась ему и спросила:

– Я не помню, когда это случилось. А разве это так важно?

Вблизи землянки обнаружился огород, видимо дававший Сигине её единственное или почти единственное пропитание. Огород был совсем невелик: одинокой немолодой женщине не под силу было вскопать лишний клочок земли. Да ещё если она действительно по полдня проводила на вершине холма, ожидая давным-давно сгинувших сыновей... Волкодав про себя усомнился, что они вообще были когда-то, те сыновья.

Сигина первая спустилась к двери по оплывшим земляным ступенькам, и путешественники последовали за ней. Волкодав, как подобало, поклонился порогу и перешагнул его, входя в дом. Там всё оказалось в точности так, как он и предвидел. Только вместо горшка висел над очажком измятый котёл. Висел криво, боком, чтобы варево не выливалось в проржавевшую дыру...

Мышь чихнул, снялся с плеча венна и самым непочтительным образом вылетел наружу. Ему не понравилось в доме. Да и кому могло здесь понравиться?

– Если позволишь, мы на несколько дней задержимся у тебя, почтенная Сигина, – сказал Волкодав. – Мы тебя не стесним.

Он возвращался от реки, неся на плечах бревно. Бревно было довольно толстое и к тому же совсем свежее: тело дерева, убитого и унесённого стремительной Ренной при последнем разливе. Венн собирался расколоть дерево на доски. Река была к нему милостива. Она подарила ему на отмени ещё два хороших ствола с остатками толстых сучьев как раз на нужной высоте. Сгодятся подпереть крышу в землянке Сумасшедшей Сигины. А ещё на перекате сыскалась ободранная, но вполне крепкая и толстая колодина, разбухшая от долгого лежания в сырости. Одному её точно не дотащить. Но если впрячься вдвоём с Эврихом, да потом обтесать, устраивая ступеньки – не будет износу доброй лесенке в дом. Увидит даже и день, когда к Сигине вправду вернуться её знаменитые сыновья...

Шершавое бревно скребло плечи, полуденное солнце жгло потную спину, но на душе было легко. Примерно так Волкодав чувствовал себя в Беловодье, когда строил дом. Святое дело – дом строить. Хороший, большой дом. Под могучими старыми соснами, разросшимися на приволье. Приятно было теперь вспомнить о нём. О доме, где его ждали. Седой Варох со славным внуком Зуйко. И Тилорн с Ниилит...

Сигина, конечно же, действительно была сумасшедшей. Тихой дурочкой из тех, каких соплеменники Волкодава называли блаженными. Она не валялась в припадках, не заговаривалась, не бегала нагишом. Она просто ждала своих сыновей. Которых, очень может быть, похоронила ещё грудными младенцами. А всего скорее, и вообще не рожала. Венн догадывался, что обитателям деревни это сильно не нравилось. Людям не нравится, когда кто-то ведёт себя странно. Не так, как заведено у всех остальных. Люди начинают задумываться, от каких Богов эта странность, от Светлых или от Тёмных?... Но с другой стороны, почему безобидной женщине и не ждать придуманных сыновей?... Кому от этого плохо?...

Если бы ещё жили где-нибудь на свете Серые Псы, и если бы забрела к ним со своим вечным ожиданием безумная Сигина, дочь неведомо какого народа, ей уж всяко нашлось бы местечко под кровом общинного дома, в тепле доброго очага. Небось, не протоптала бы дубовых половиц, не просидела лавок, не объела большой дружной семьи... И на здоровье ходила бы встречать сыновей куда только душа просит. Хоть на берег Светыни, хоть к ближайшему большаку...

Да. Если бы ещё жили где-нибудь на свете Серые Псы...

Как Волкодав и предполагал, в развалюхе-землянке не водилось даже запаха съестного, если не считать той самой каши из горстки лежалого ячменя. Однако эта беда была поправимой. Путешественники собирались в Кондаре купить

место на корабле, чтобы отправиться через море, а потому несли с собой изрядный кошелёк серебра. Хватит и на проезд, и в случае чего на новую одежду, и на приличную комнату в постоялом дворе... Сегодня, во второй раз после Врат, Эврих раскупорил общую мошну, взял несколько мелких монет и отправился с ними в деревню. Он хорошо говорил по-нарлакски. И, не в пример своему спутнику, умел ладить с людьми. Наверное, уже возвратился с мешочком гороха и куском копчёной свинины. А если помечтать, отчего не представить себе ещё горшочек молока да ковригу свежего хлеба...

Бревно было не лёгонькое, бегом с ним не побежишь. Венн выбрался на кручу и зашагал по знакомой тропе сквозь редкий лесок. Мыш, сидевший на взлохмаченном комле, сорвался в полёт и беззвучно упорхнул между вётрами. Нюх у Волкодава был на зависть большинству обычных людей, но всё же не такой, как у него. Должно быть, жадный зверёк учуял лакомый дух, повеявший от дома Сигины...

Волкодав ошибался. Он не успел ещё миновать прибрежные заросли, когда Мыш примчался обратно и с криками завертелся у него перед лицом. Маленький летучий охотник вёл себя подобным образом, только если приключалось нечто скверное. И требующее, по его разумению, немедленного вмешательства.

– Ну, что там ещё... – проворчал венн. Но всё же скатил с плеч бревно, поставил его так, чтобы потом легче было сно-

ва навьючивать, и сперва пошёл следом за зверьком, потом побежал. Без гнувшего к земле груза бежалось радостно и свободно.

До землянки Сигины путь был недалёкий. Волкодав перемахнул журчавший ручей, пробежал через луг и рассмотрел вернувшегося Эвриха. Было похоже, молодой учёный принёс не хлеб с молоком, а полновесный синяк под глазом. Волкодав, торопясь, преодолел последнюю сотню шагов и убедился в этом окончательно. Эврих понуро сидел на пне, торчавшем недалеко от входа в землянку, Сигина стояла подле него и жалеючи гладила по голове, по золотым завиткам. Эврих прижимал что-то к лицу. Когда он поднял голову и оглянулся на Волкодава, тот увидел, что аррант держал в руках толстую железную подкову.

Венн остановился перед ним, ожидая объяснений.

– Они не захотели мне ничего продавать, – после долгого молчания проговорил Эврих, и Волкодав понял, что ему было стыдно. – Они сказали мне... прости, почтенная, но они сказали мне, что ты и так всем здесь задолжала... и эти деньги в счёт долга следует отобрать у твоих постояльцев...

Сигина виновато развела руками:

– Они меня вправду поначалу подкармливали. Наверное, я им в самом деле должна...

– И много их было? – поинтересовался венн. *Я же тебя учил, бестолкового*, послышалось Эвриху. Здоровая половина лица молодого учёного стала наливаться краской. Он

мрачно отвернулся от Волкодава и буркнул:

– Ты бы на них посмотрел! Мужик с братьями... каждый толще медведя...

– Это, наверное, Летмал, – продолжая гладить Эвриха по голове, пояснила Сигина. – С Кроммалом и Данмалом. Озорные ребята. И отец их такой же был. В молодости, как сейчас помню...

Венн вздохнул. Он начал уже понимать, что брёвнышко, не донесённое им до землянки, так и останется в лесу. Если только кто-нибудь не подберёт на дрова. Он спросил:

– Ты не хотела бы пойти с нами в Кондар, госпожа?

– В Кондар? – задумалась женщина. – Но как же... когда придут мои мальчики...

– А твои сыновья знают, что ты ждёшь их именно здесь?

– Нет, конечно, – улыбнулась она. – Но разве это так важно?

Улыбка у неё была замечательная.

– Тогда почему ты не уйдёшь из этой деревни, достопо-
чтенная? – удивился Эврих.

– Здесь ближе всего к горам, – терпеливо, как несмышлё-
ному ребёнку, объяснила она.

Волкодав сразу подумал о каторге. Уж не в Самоцветные ли горы угодили когда-то её беспутные сыновья?... Он хму-
ро осведомился:

– А что они там, в горх, делают?

– Мы узнали, что младшенький затерялся где-то среди вы-

соких хребтов, и старший отправился его выручать, – с гордостью поведала Сигина. – Как только он разыщет братика, они сразу спустятся и придут. Вот я их здесь и жду.

Аррант переглянулся с Волкодавом и сказал ей:

– Твоим сыновьям, достопочтенная, гораздо легче будет найти тебя в Кондаре. Кондар – большой город. Туда они заглянут обязательно, а маленькую деревушку могут и миновать стороной.

Сигина открыла рот возразить, дескать, как же может такое случиться, чтобы её дети с ней разминулись, но тут Волкодав вновь подал голос:

– В Кондаре мы обязательно найдём добрых людей, госпожа. Ты, наверное, сможешь часто разговаривать с ними о своих сыновьях. Они не будут смеяться над тобой, как те, что живут здесь.

Женщина в нерешительности смотрела то на одного, то на другого. Вот её взгляд обратился на кособокую дверь землянки. Потом она повернулась к горам. К ледяным пикам, горевшим в фиолетовом небе под лучами неистового сизого солнца...

– Я слышал, из Кондара тоже видны горы, – прогоняя вставшее перед глазами видение, сказал ей Волкодав.

– Засечный кряж тянется до самого моря, – поддержал Эврих. – И туда сходятся все дороги, ведущие с гор. Хочешь, я карту тебе покажу? Я был в Кондаре. Там пятеро ворот, не считая морской гавани. Ты сможешь обходить все эти ворота

и расспрашивать стражников о сыновьях.

Сигина вдруг всплеснула руками:

– Так я ведь задерживать вас буду, детки! Вам, небось, быстро надо идти... А со мной, старой... У меня уж и ноги кривые...

Эврих, забыв про болезненно-багровую опухоль, наливав-шуюсь под глазом, звонко расхохотался:

– Не торопись зваться старушкой, достопочтенная! Успеешь ещё! Собирай лучше вещички, да у тебя их, небось, не очень и много...

Женщина с неожиданно проказливой улыбкой подхвати-ла штопанный-перештопанный подол и нырнула в землянку. Волкодав надел рубашку, растянутую на ветхом заборчике и сохнувшую после стирки, застегнул поясной ремень и сказал Эвриху:

– А я пока в деревню схожу.

Убогое жилище Сигины отделял от селения покаты́й бу-гор, заросший жимолостью в полтора человеческих роста. Сперва Волкодав хотел обойти кустарник кругом, но заметил тропинку и пошёл напрямик. Сплетение густых ветвей за-ставляло пригибаться и низко опускать голову, он даже спро-сил себя, кто бы и зачем мог натоптать такую тропу. Но ни-чего дельного так и не придумал.

И что он собирался делать в деревне, он тоже ещё не знал.

Несколько лет назад он бы, пожалуй, выяснил у людей, кто

именно подбил глаз его другу и отнял честные деньги. Потом заставил бы недоноска вернуть отнятое. Да позаботился, чтобы поганец ещё долго вздрагивал и оглядывался по углам всякий раз, когда его посетит искушение обобрать прохожего человека...

Может, он и на сей раз так поступит. Некоторые обидчики слабых только и начинают что-нибудь понимать, если с ними разговаривают на их языке...

Волкодав пересёк кустарник и выбрался на открытое место. И увидел, что жители деревни, все два с небольшим десятка человек, собрались перед самой вместительной землянкой, выступавшей из земли выше других жилищ. Нарлаки не строили общинных домов; следовало предположить, что здесь обитало семейство старейшины.

Жители деревни о чём-то разговаривали с четырьмя всадниками, приехавшими неизвестно откуда. Может, со стороны леса, а может, даже из города. Насколько мог судить Волкодав, разговор был малоприятный. Когда он подошёл ближе, кое-кто из деревенских оглянулся на рослого незнакомца, но ничьи глаза не задержались на нём надолго. Происходившее перед домом старейшины было гораздо важнее.

– И это всё, чем ты сегодня богат?... – спрашивал один из всадников, наклоняясь вперёд и ставя локоть на луку седла. – И за эти гроши мы ночей не спим, от лихих людей тебя охраняя?...

И сам он, и трое его спутников были молодые крепкие

мужики на хороших выносливых лошадях. Все – при оружии и явно знали, как с ним обращаться. И деревню посещали уж точно не в первый раз.

– Здесь даже больше, чем ты обычно берёшь... – ответил человек, стоявший перед мордой коня. Старейшина. Если венн что-нибудь понимал, он разрывался между страхом перед приезжими и боязнью унижения в глазах соплеменников. Жилистый рыжебородый мужчина, уже не молодой и видевший жизнь, но ещё не согнутый грузом лет. Всё правильно, таковы и бывают старейшины деревень. Юнец не набрался ума, не годится быть вождём и старику, более не ищущему объятий жены. Этот был в самой поре. А за спиной у него, как три медведя, стояли здоровенные сыновья. Не иначе, тот самый Летмал с братцами Кроммалом и Данмалом...

На широкой, как грабли, ладони старейшины тускло переливались монеты. Острое зрение позволило Волкодаву рассмотреть среди позеленевшей меди два новеньких сребреника. Те, что Эврих при нём доставал из общего кошелька.

Вожак всадников между тем не торопясь отстегнул от пояса кожаную суму и как бы безгласно протянул её старейшине, принимая скудную дань. *Сборщики, присланные конисом Кондара?...* – задумался Волкодав. *Ой, непохоже. Скорее уж чья-нибудь шайка. Из тех, что предпочитают не грабить местный люд напрямую, а вынуждают платить как бы за охрану от чьих-то возможных набегов...*

До сих пор Волкодав полагал, что этим промышляли толь-

ко островные сегваны, чьи морские дружины издавна наводили страх на жителей побережий.

Один из приспешников вожака, кудрявый, черноволосый молодой малый, вдруг стремительным движением выхватил из налучи снаряжённый к стрельбе лук: никто и ахнуть не успел, как свистнула над головами стрела. В двух десятках шагов взвился над травяной крышей землянки пёстрый рябой пух. Курица, пригвождённая меткой стрелой, беспомощно трепыхнулась и свесила головку, разинув окровавленный клюв.

– Оп-па!... – довольный выстрелом, расхохотался юноша. И обратился к стоявшей поблизости молодой женщине: – Ты! Сходи принеси!...

Волкодав про себя выругался. Мало ли что в жизни бывает, особенно в такой незаконной стране, как этот Нарлак. Но уж женщин с ребятишками могли бы спрятать подальше. Знали ведь – приедут, да такие всё добры молодцы, что как бы не начали безобразничать. Нет уж. Подобные дела – они всё-таки для мужчин. Женщинам про них не потребно даже и знать...

Молодуха тем временем пугливо взбежала на крышу, не без труда расkachала и вытащила глубоко воткнувшуюся стрелу (*Боевую, бронебойную... ишь ты!* – сказал себе венн). Потом вернулась и протянула добычу стрелку, робея и стараясь держаться от него как можно дальше. Парень, широко улыбаясь, спрыгнул наземь, поймал женщину за запястье,

притянул к себе и смачно поцеловал в губы. Не умея вырваться, она забилась в его руках точно как та несчастная пеструшка. Забытая курица шмякнулась наземь, широкая ладонь нашарила мягкую женскую грудь, горсть алчно сжалась... Волкодав заметил краем глаза, как дёрнулся матёрый с виду старший сын предводителя... *Летмал?... жена небось!...* — но в лицо мужику вмиг нацелились два длинных копья, и он, багровея, замер на месте. Вожак всадников и подручные от души веселились, наслаждаясь собственной властью.

— Отпустил бы женщину, парень, — по-нарлакски сказал Волкодав. — Ты ей не в радость.

К нему разом повернулись три головы в клёпаных шлемах. Скосил глаза даже тот, что держал плачущую молодуху. Деревенские тоже оглянулись, поражённые неожиданным вмешательством. Всадники действительно наезжали сюда отнюдь не впервой. И временами развлекались ещё веселее теперешнего. Но ни разу не получали отпора. При виде воина в кольчуге земледелец робеет. У него всё же сидит глубоко внутри запрет на убийство, он знает: отнятие жизни противно Богам, творящим урожай и приплод. Те, что приезжали, такой запрет в себе изжили давным-давно, если когда и был. И это некоторым образом чувствовалось в каждом их движении, в каждом слове. Умирать раньше времени никому не хотелось. Лучше уж потерпеть.

Люди, через головы которых говорил Волкодав, постепен-

но оправились от первого удивления и подались в стороны, торопливо оставляя между ним и четвёркой чистое место. Охотник на кур, назло предупреждению, вновь жестоко щипнул молодуху и наконец выпустил её, вернее, отбросил, как недопитую кружку. Размазывая слёзы, женщина вскочила на ноги и юркнула в ближайшую дверь. Четверо с интересом рассматривали Волкодава, силясь понять, отколь выискался неразумный. Наконец вожак спросил напрямую:

– А ты ещё кто таков, чтобы нам указывать?

Венн пожал плечами:

– Человек прохожий.

Мыш, оставшийся пошнырять в зарослях жимолости, вылетел из кустарника и сел на столбик плетня, присматривая за происходившим. На него мало кто оглянулся.

– Они с дружкой нынче утром пожаловали, господин, у дурочки жить поселились, – пояснил старейшина. И поспешно добавил: – Мы не знаем этого человека! Не наш он!...

Он со страхом и почти с ненавистью поглядывал на Волкодава. Молодухе небось ничего смертельного не грозило. Ну, оттрепал бы её Сонморов посланник, раз так уж понравилась. Ну, Летмал ещё лишний раз бы поколотил, особенно, если зимой вдруг кудрявенького родила бы... Зато теперь-то что будет?

Вожак тронул пятками лошадь и направил её туда, где стоял Волкодав. Сидевший в седле отлично видел, что незнакомец был безоружен. Если не считать длинного ножа на поя-

се. Нож был самый настоящий боевой, но хвататься за него чужак не спешил. Просто стоял и спокойно смотрел, и, кажется, даже слегка усмехался.

...И непостижимым образом веяло от него той самой жутью, которую конный нарлак ведал в себе самом... Той же беспощадной готовностью... Этот был воином. Не понаслышке смерть знал.

Не доехав нескольких шагов, предводитель вдруг заорал так, что его конь насторожил уши и присел на задние ноги. Всадник же взметнулся в седле, замахиваясь копьём. Кто-то из деревенских ахнул, шарахнулись бабы, ребятня завизжала. Спокойнее всех остался пришелец из-за реки. Он попросту не двинулся с места, всаднику только показалось, будто серо-зелёные глаза на миг посветлели.

– Что орёшь? Лошадь напугал... – сказал Волкодав нарлаку, вынужденному успокаивать завертевшегося коня.

Тот, не на шутку раздражённый, огрызнулся:

– Сам штанов не испачкай!

Волкодав улыбнулся, показывая пустую дырку на месте переднего зуба, который ему вышибли ещё на каторге:

– А что, надо было бояться?...

Всадник снова поставил локоть на лук седла.

– У дуры поселился и сам спятил? – с непритворным изумлением спросил он Волкодава. – Не знаешь, кто такой Сонмор?

Венн про себя сделал окончательный вывод: молодцов

прислал вовсе не государь конис. Будь этот Сонмор вельможей, данщик сразу втоптал бы оскорбителя в землю титулами своего господина. Так ведь нет. Сонмора следовало бояться не из-за стародавних заслуг его рода. Свою славу, какой бы она ни была, он нажил себе сам.

Деревенские переминались с ноги на ногу, шептались. Подал голос ребёнок, на него шикнули.

– Я не знаю, кто такой Сонмор, – сказал Волкодав. – И знать не хочу. Я только думаю, что он, не в пример тебе, понимает: не мори овец голодом, больше шерсти продашь... – И добавил, повинуясь внезапному вдохновению: – А много он получит из того, что ты здесь собрал? Половину-то доведёшь хоть? Или в корчме с друзьями пропьёшь?...

Он был заранее уверен, что этих слов данщик не перенесёт. Ибо рыльце у него скорее всего в пуху. Так оно и случилось. Новый удар копья, на сей раз безо всякого крика, был уже настоящим. Длинный блестящий наконечник устремился в живот Волкодаву. Всадник, как все нарлаки, бил сверху вниз, занося копьё над головой. Таранного удара, любимого велиморцами, здесь почти не знали. Венн убрался вперёд и слегка в сторону, уловил копьё чуть позади втулки и помог ему взять ещё больший разгон, а потом основательно войти в землю. И с удовлетворением заметил, что нападавший едва не вывалился из седла, посунувшись за ускользающим древком.

– Ты тут все дела сделал? – спросил Волкодав, не косясь на

схватившегося за налучь стрелка. – Сделал, так езжай. Я сам в Кондар иду. Буду нужен твоему Сонмору, пускай приходит, поговорим...

Предводителю понадобилось несколько вполне постыдных мгновений, пока он высвобождал копьё из плотной утопанной земли. Было видно: спокойная наглость безоружного чужестранца произвела на него впечатление. Что думать о таком человеке? Непонятно. И как себя с ним вести, тоже – Змеев хвост! – поди ещё догадайся...

– Не пойдёт к тебе Сонмор! – зло предрёк данщик. – Понадобишься – самого за ноги приволокут!...

Волкодав не ответил.

Нарлак махнул своим подчинённым и медленно, шагом, храня неторопливое достоинство, поехал вон из деревни. Трое последовали за вожаком. Один за другим они миновали Волкодава. Молодому стрелку страсть хотелось толкнуть чужака лошадью и попытать его удаль. Он поймал пустой взгляд венна и передумал. Вовремя передумал, надо заметить.

Когда они удалились, Волкодав повернулся и обнаружил, что на него смотрела вся деревня от мала до велика. Иные, помоложе и поглупее, – с восторгом. Старшие, давно учёные жизнью, – недоброжелательно.

– Кто просил тебя вмешиваться, прохожий человек? – первым заговорил старейшина, и в голосе его была злоба. –

Ты пришёл и ушёл, а нам с ними жить!...

Волкодав почесал затылок:

– Деньги, которые ты им заплатил, были на четверть моими. Так что я тут не вовсе чужой...

– Чего ты хочешь? – недобро осведомился старейшина.

– Гороху, – сказал венн. – Кусочек сала, если найдётся. Хлеба коврижку и горшочек молока. На два сребреника.

Жена старейшины начала что-то говорить мужу, но тот, не желая слушать бабьих советов, вытянул руку:

– Прогоните его, сыновья!

Удивительно дело, подумал Волкодав, глядя на подходивших к нему троих верзил. Они боялись всадников. Всадники побоялись меня. Но вот уехали, и эти люди почему-то решили, будто прямо сейчас меня поколотят... Чудеса...

Таких Летмалов он на своём веку видел достаточно. Здоровенный молодой мужик, на несколько лет моложе его самого. Соплеменники Волкодава сказали бы, дескать, Боги задумывали вылепить быка, но глины чуток не хватило, пришлось переделывать в человека. Одна незадача, успели уже вложить в ту глину бычий умишко. Такие, пока не пробьётся борода, что телята: кто поведёт, за тем и пойдут. И, случается, вызревают в справных богатырей, незатейливых и чистых душою. Летмал был ростом с венна, но вдвое шире его и, наверное, во столько же раз тяжелее. Такому, чтоб тяжести поднимать, и серьга от грыжи в ухо не требуется. Волкодав мимолётно подумал: этот малый, доведись ему несча-

стве, вряд ли выжил бы в Самоцветных горах. И ещё, что почётное место старейшины вряд ли к нему перейдёт. А и перейдёт, миг под задницей треснет. Вот у младшего, Данмала, соображения побольше. То-то он торопится вслед брату, ловит его за рубаху...

Руки Летмала, казавшиеся из рукавов, были величиной с медвежьей лапы и едва ли не такие же косматые. Они протянулись к неподвижно стоявшему Волкодаву: левая с растопыренными пальцами – схватить за грудки, правая, сомкнутая в кулак, изготовилась свернуть на сторону челюсть. Замахивался Летмал так, как это обычно делают деревенские драчуны, привыкшие хвастаться необоримой силой удара. Волкодав не позволил ему собрать в горсть свой ворот и по-прежнему не стал дожидаться кулака. Он просто подстерёг нужный момент, повернулся и присел, коснувшись одним коленом земли. Летмал запнулся и, увлекаемый собственным разгоном, изумлённо полетел через венна в дорожную пыль. Упал он тяжело. До сих пор его редко сбивали с ног.

Средний сын старейшины, Кроммал, невнятно выкрикнул по-нарлакски нечто такое, чего при женщинах нипочём не следовало бы повторять, и рванулся отмщать за старшего брата.

– Я Летмала пальцем не трогал, – сказал ему Волкодав. – И тебя трогать не собираюсь...

Данмал, действительно самый смыслёный из троих, крепко обхватил Кроммала поперёк тела. Тот вырывался.

– Не надо!... – расслышал Волкодав. – Убьёт...

Летмал поднялся на ноги и тяжело двинулся на обидчика вдругорядь. Широкое лицо, опушённое мягкой светлой бородкой, было цвета свёклы. Венну не хотелось снова отправлять его наземь, ибо на второй раз это пришлось бы делать уже убедительнее. Так, чтобы встал к вечеру.

– Могли бы и словами сказать, что на откуп деньги нужны... – укорил он старейшину. – А то сразу синяки ставить...

Тем временем Летмал, зверея, шагнул навстречу неминуемому... Но тут между ним и Волкодавом ринулся Мыш. Свирепый маленький хищник повис в воздухе перед молодым наркаком, кровожадно ощерил пасть и зашипел ему в глаза. Летмал невольно шархнулся, отмахиваясь руками.

– Хватит! – сказал Волкодав. – Я ухожу.

Он свистнул, подзывая Мыша, повернулся и пошёл вон из деревни. Мыш вцепился в плечо, потом перебрался на голову, чтобы удобнее было оскорбительно шипеть и плевать в сторону недругов. До самого кустарника Волкодав ждал камня в спину. Не говоря уже о стреле: мало ли что удумает озлобленный народ... Красноватые сполухи, всегда предвзвщившие нападение, так и не протянулись к нему. На счастье деревенских.

Венн отболтал весь язык, объясняясь сперва с данщиками, потом со старейшиной и его сыновьями. Поэтому у него не было никакой охоты ещё о чём-то рассказывать Эвриху и

Сигине. Он и не стал.

Подбитый глаз молодого арранта закрылся и заплыл, но второй смотрел вопросительно.

– Они там небогато живут... – проворчал в конце концов Волкодав. – Пусть их...

Сигина, выглянувшая из землянки, ничего не сказала. Только пронзительно глянула на венна, и он долго потом не мог отделаться от беспокоящего чувства: эта женщина откуда-то в точности знала всё, что произошло с ним в деревне... Откуда бы?

Ещё он слегка удивился про себя тому, что жидкой, отдающей плесенью каши в котле оказалось как раз на три полные миски. Можно подумать, Сигина предвидела нынче гостей. Потом он вспомнил, что Сумасшедшая со дня на день ожидала прихода несуществующих сыновей, и это всё объяснило.

Вечером, когда солнце уже опускалось за небоскат, к землянке Сигины пришла тихая молодая женщина. Волкодав издалека заметил её и узнал жену Летмала, которую так грубо тискал кудрявый стрелок. Она несмело подошла ближе, и венн, встав, поклонился:

– Добрый вечер, дочь славной матери...

Глядя на него, поднялся и Эврих, чтобы поприветствовать женщину по-аррантски. Молодуха еле слышно пролепетала что-то в ответ. Необычное внимание двоих путешественни-

ков, обращавшихся с ней, как с госпожой, больше пугало её, нежели радовало. Зато пушистый белый пёсик, прибежавший с нею вместе, никаких сомнений не испытал: сразу подскочил к Волкодаву и завертел хвостом, восторженно тявкая и напрашиваясь на ласку.

Женщина поискала глазами Сигину, но та возилась в землянке. Рано утром предполагалось двинуться в путь, и она перебирала свои скудные пожитки, решая, что брать с собой, что не брать.

– Матушка Сигина... – окликнула молодуха. Она держала в руках небольшой свёрток. Если у Волкодава ещё не отшибло нюх, в свёртке было съестное. Сигина не услышала голоса, и венн сказал:

– Госпожа Сигина там... в доме.

Женщина стала спускаться по оплывшей земляной лесенке, пугливо оглядываясь на странного бородатого чужеземца, вздумавшего почтить её вставанием. Она-то на лавку присесть не смела ни при муже, ни при свёкоре со свекровью, ни при мужниных братьях... Беленький кобелёк ластился, скидывал передние лапки ему на колено. Мыш, сидевший на плече, ревниво поглядывал вниз, скаля на пёсика острые зубы.

– Рейтамира, доченька! – обрадовалась в землянке Сигина. Волкодав про себя сделал вывод, что молодая женщина с красивым и звучным именем Рейтамира время от времени подкармливала деревенскую дурочку. Хотя дома её за это

вряд ли хвалили. Ещё он видел, что Летмал успел уже сорвать злобу на безответной жене. И при этом не оставил сиянков, которые могли бы заметить люди. Вот на это у подобных тупиц почему-то всегда хватало ума. Венну достаточно было посмотреть, как она шла, и внутри холодной гадюкой шевельнулось желание сходить в деревню ещё. Он хотел поделиться своим наблюдением с Эврихом, но передумал. И женщине срам, и арранта зря печалить не стоило.

Рейтамира вновь вышла наружу, отворачиваясь и пряча мокрые глаза. Она обняла Сигину и попрощалась с нею уже вовсе неслышно. Похоже, её не на шутку подкосил предстоящий уход Сумасшедшей. Да. Не с кем станет посоветоваться и поговорить, не у кого будет всплакнуть на плече... Волкодав подошёл к женщине и сказал ей:

– Дело к ночи, госпожа... Позволь, провожу до деревни.

Рейтамира отшатнулась, вскинула на него глаза... Что всегда поражало его в женщинах, так это их способность с первого взгляда заглянуть в самую душу. А может, это он сам, как все мужчины его племени, не мог от них ничего утаить?... Вот даже и забитая жена нарлакского лоботряса немедленно поняла: венн имел в виду только то, что сказал. Он в самом деле хотел проводить её до деревни, проследив, чтобы не случилось беды. А вовсе не дожидался удобного случая потребовать с неё награды за то, что отогнал распустившего руки молодого стрелка.

– Спасибо, добрый человек... – отозвалась она. – Только

я... муж осерчает...

– А мужу твоему, – тихо сказал венн, – ничего не надо растолковать? А то я с радостью...

– Что ты!... – испугалась она. – Что ты... что ты...

Отвернулась – и пошла обратно домой. Шла медленно, с большой неохотой, низко опустив голову, обмотанную, по нарлакскому обычаю, «намётом» – куском вышитой ткани вроде длинного, спадавшего на спину полотенца...

– Может, мне всё-таки здесь остаться? – появляясь из землянки и с сомнением глядя вслед молодой, проговорила Сигина. – Совсем одну девочку брошу... Нехорошо!

– Муж у неё, по-моему, скотина порядочная... – хмуро проговорил Эврих.

– Бьёт, – сказал Волкодав. Эврих про себя полагал, что не всякий мужчина так уж не прав, когда бьёт жену. Но на всякий случай оставил своё мнение при себе.

– Рейтамира второй год замужем, – пояснила Сигина. – Деревня бедная, кто сюда дочку отдаст? Да за Летмала?... Вот и взял сироту. А она ещё и дитё ему всё никак не родит... Я и то уж решила: как придут мои сыновья...

Что именно должны были совершить для Рейтамиры её сыновья, так и осталось никому не известным. Со стороны кустарника, оборвав залиvistую соловьиную трель, прозвучал и тут же затих жалобный, отчаянный вскрик. Потом собачье тьяканье, оборвавшееся судорожным визгом. Закат ещё не отгорел до конца; Сигина и двое встрепенувшихся

мужчин увидели несчастную молодуху, что было сил бежавшую через пустошь обратно к землянке. Летмал быстро догонял её. Вот догнал... Сшиб наземь и с налёту ударил ногой. Потом ещё.

— ...Потаскуха!... — нарушил вечернюю тишину его рык. — Убью...

Волкодав сорвался с места чуть раньше, Эврих кинулся вдогонку. Он бегал очень неплохо. Но в неверном гаснущем свете ему то и дело мерещилось, будто впереди стелился над песком и жилистой травкой косматый большой пёс. За которым, как известно, не угнаться. И от которого не удрать.

Что до самого Волкодава, он только видел, как близился тяжёлый силуэт Летмала и его перекошенная яростью паскудная рожа. Мышь беззвучно скользил по воздуху впереди всех. Девять шагов. Сын старейшины, ничего не замечая кругом, занёс ногу для очередного пинка. Семь шагов. Мышь с пронзительным воплем метнулся перед лицом Летмала, прочертив по щеке острыми коготками, и тот, ухнув, наподдал воздух, не попав в скорчившуюся Рейтамиру. Три шага. Проплыла над клочковатой травой тень пса, распластавшегося в прыжке. Одна нога Волкодава с силой врезалась Летмалу в голову, другая в грудь. От такого удара вылетали, крошась, хорошие двери, скреплённые железными полосами, а люди валялись замертво. Летмал оказался покрепче иной стены и не только остался в живых, но даже не обеспамятел. Его просто унесло на три сажени назад, шарахну-

ло оземь и прокатило по травке. Волкодав тоже упал, вернее, слегка коснулся рукой земли – и тотчас, став на ноги, двинулся к Летмалу странно плывущим, не вполне человеческим шагом.

Подоспевший Эврих понял, что без его помощи тут как-нибудь обойдутся, и занялся Рейтамирой, неподвижно уткнувшейся лицом в землю. Вышитый намёт размотался и съехал у неё с головы, и сделалось видно, какие густые, роскошные волосы под ним укрывались. Молодой аррант перевернул лёгкое тело. Рейтамира не открывала глаз, изо рта по подбородку растекалась тёмная кровь. Эврих ужаснулся, решив было, что Летмал успел отшибить ей нутро, но тут же с облегчением убедился – у женщины были просто разбиты губы. Эврих уложил её поудобнее и бережно обнял, устроив клонившуюся голову у себя на плече... и вдруг отчётливо понял: если произойдёт чудо и Летмал каким-то образом сумеет миновать Волкодава, он, Эврих из Феда, ни под каким видом не позволит скоту даже пальцем к ней прикоснуться. Вот не позволит. И всё.

Чуда, однако, ждать не приходилось. Поднявшийся Летмал вытащил из поясных ножен длинный охотничий нож, зарычал и устремился на Волкодава. Он мог, наверное, испугать кого угодно – здоровенный верзила, широкий, как стог, и притом хмельной от бешеной ярости. В его убогом рассудке две мысли сразу не помещались, и потому, натолкнувшись на неожиданного противника, о жене он успел приза-

быть. Вспомнит, когда выпустит кишки её непрошеным защитничкам. Одному, потом и второму. Он был ловок с ножом.

Волкодав шёл ему навстречу, плыл, крался, тёк над землёй. Своего ножа он не доставал. И так обойдёмся.

Зачем жить ублюдку, способному день за днём избивать беспомощную женщину? Сироту, по чьей-то злой прихоти отданную ему на ложе? Зачем?... Что с него может быть хорошего? А, Мать Кендарат?... Какое добро он когда-либо сумеет постичь?...

Летмал надул щёки, вытаращил глаза, размашисто шагнул вперёд... и пырнул венна длинным ножом, целя в живот. Пока он готовился, замахивался и делал шаг, Волкодав при желании успел бы сделать с ним многое. Например, скользнуть вперёд, припадая к траве, и прицельно вмазать опять же ногой, начисто лишив мужского достоинства.

Я с ним разговаривал...

Венн ограничился тем, что слегка отступил в сторону, пропуская мимо себя руку Летмала с ножом и одновременно разворачиваясь ему за плечо. Летмал ощутил возле основания шеи чужую ладонь, и его, семипудового, вдруг осадило вниз, да так, что согнулись коленки и разом стало не до того, чтобы кого-то бить: на ногах удержаться бы!... Так бывает, когда неожиданно хватают за лодыжки из-под воды. Чёрный страх сдавил сердце, Летмал судорожно рванулся вверх и вперёд, но стало ещё хуже. Пока он силился выпрямиться,

цепляя руками воздух, что-то мягко подхватило его под челюсть и начало... сворачивать голову...

Летмал заорал во всю силу лёгких, поняв, что его убивают. Такого ужаса он в своей жизни не испытывал ещё никогда. Но Волкодав убивать его не намеревался. Хотя искушение было сверх всякой меры. Пригнув к земле, он безжалостно завернул Летмалу кисть и взял нож, выпущенный онемевшими пальцами. Почти сразу сын старейшины с изумлением обнаружил, что его выпустили. Даже и рука осталась при нём. И голова, кажется, тоже. Он стал подниматься, точно сбитый с ног бык. И, как тот бык, медленно переваривал случившееся, тугодумно соображая, как же быть дальше.

Ради тебя, Мать Кендарат. Ради тебя...

– Иди отсюда! – хмуро сказал ему Волкодав. Он стоял между нарлаком и Эврихом с Рейтамирой. В это время молодая женщина шевельнулась, почувствовала бережное объятие, смутно напомнимшее ей о чём-то очень хорошем, потом ощутила боль в боку и бедре, сразу всё вспомнила, открыла глаза, увидела над собой Эвриха, а поодаль своего мужа со сжатыми кулаками... и старшего из чужеземцев, заступавшего ему путь. «Беги, добрый человек, он убьёт тебя!...» – захотелось ей крикнуть, но крика не получилось, только жалобный стон без слов, полный отчаяния.

По мнению Волкодава, Летмалу уже полагалось бы уразуметь, что миновать его он не сумеет. Вот тут он ошибался. Стоило Рейтамире пошевелиться, и Летмал обратился на неё

налитый кровью взгляд. Ни разу никто ещё не мешал ему срывать на ней дурной нрав. Не помешают и теперь. Не имело никакого значения даже то, что рослый венн всё ещё стоял на пути, держа отобранный нож. Летмал зарычал и рванулся вперёд...

Терпение Волкодава лопнуло, как тетива, перетёртая косяными пятками стрел. Наверное, скудное у него было терпение. Наверное, Мать Кендарат снова строго осудила бы его. Ну и пускай. Сам он полагал, что цацкался с обидчиком женщин уже сверх приличия. Кулак Летмала, тяжёлый, как мельничный жёрнов, устремился ему в лицо, но вместо столкновения с податливой плотью провалился неизвестно куда. Волкодав выбросил вперёд руку и ткнул молодого нарлака согнутым пальцем в то место тела, которое ещё на ка-торге показал ему рано поседевший мономатанец. На языке чернокожего племени оно называлось «помолчи немножко». Величиной оно было не больше ежевичной ягоды и располагалось у каждого человека по-разному, да и тыкать в него следовало строго определённым образом... Волкодав справился. Из могучего тела словно бы разом выдернули все кости, обратив его в студень. Летмал распластался на траве и безвольно обмяк. Он оставался в сознании и, видимо, от испуга терял последний рассудок. Но не мог пошевелить даже губами. Только глаза вращались и полоумно лезли вон из орбит.

Когда Волкодав присел на корточки рядом с Эврихом,

Рейтамира беззвучно плакала, доверчиво прижимаясь к арранту и пряча лицо у него на плече. Эврих гладил её по голове, по худенькой узкой спине, стараясь утешить.

– Ты его?... – почти шёпотом спросил он Волкодава. Он мог бы поклясться, что видел, как в серо-зелёных глазах венна постепенно гасли жёлтые звериные огоньки.

– Не убил, – проворчал Волкодав. – Напугал. Отлежится к утру.

Рейтамира повернула голову, подняла мокрое от слёз лицо и всхлипнула уже в голос:

– Возьмите с собой, добрые люди!... Я служить вам буду... и матушке Сигине... рабой назовусь!... Мне... только в реку теперь...

Слёзы душили её.

Эврих оглянулся на спутника. Можно подумать, мало им было пожилой женщины на шее. Беда только, учёный аррант откуда-то знал: ему легче было бы остаться здесь самому, чем не послушать этой мольбы.

Хотя закон просвещённой Аррантиады в подобных случаях неизменно держал сторону мужа...

– Конечно, возьмём, – сказал Волкодав. Его-то заумные рассуждения не донимали. – И рабой себя не зови.

Он встал. Эврих передвинулся, просунул ладони (молясь про себя, чтобы Рейтамира не подумала скверного) и поднялся сперва на колено, потом и во весь рост. Его изумило, как легко оказалось нести её на руках.

Сумасшедшая взволнованно ждала их у края худосочного огородика. Она видела всё, что случилось на пустоши.

– Сейчас пойдём, госпожа, – сказал ей Волкодав. – Утра дожидаться не будем.

Я когда-нибудь стану героем, как ты.
Пусть не сразу, но всё-таки я научусь.
Ты велел не бояться ночной темноты.
Это глупо – бояться. И я не боюсь.

Если встретится недруг в далёком пути
Или яростный зверь на тропинке лесной -
Попрошу их с дороги моей отойти!
Я не ведаю страха, пока ты со мной.

Я от грозного ветра не спрячу лицо
И в суде не смолчу, где безвинных винят.
Это очень легко – быть лихим храбрецом,
Если ты за спиною стоишь у меня.

Только даром судьба ничего не даёт...
Не проси – не допросишься вечных наград.
Я не знаю когда, но однажды уйдёт
И оставит меня мой защитник, мой брат.

Кто тогда поспешит на отчаянный зов?
Но у края, в кольцо занесённых мечей,
Если дрогнет душа, я почувствую вновь
Побратима ладонь у себя на плече.

И такой же мальчонка прижмётся к ногам,
Как теперешний я, слабосилен и мал,
И впервые не станет бояться врага,
Потому что героя малец повстречал.

5. Младший брат

Волкодав наполовину ожидал погони. Ибо полагал, что исчезновение Летмала, ушедшего за женой, не останется незамеченным. Сына старейшины найдут ещё до рассвета, по-прежнему беспомощного, словно выкинутая на берег медуза. Решат, что увечье непоправимо, и, чего доброго, немедля кинутся по следу обидчиков. А сам Летмал, когда вернётся к нему владение собственным языком, такого небось наплетёт...

Венну хотелось думать, что молодого нарлака он напугал на всю жизнь. Обольщаться, впрочем, не стоило. Иные люди никаких уроков не понимают.

А ты что думаешь, Мать Кендарат? – молча вопрошал Волкодав, шагая в потёмках по тропе вдоль реки. *Опять станешь попрекать, для чего, мол, не остался вразумлять без Правды живущих? Опять, скажешь, почесал кулаки и ушёл, избрав дорогу полегче?... Ну, застрял бы я здесь, а Тилорну эту его штуковину кто принесёт? Эврих?... А за девочку как было не вступиться? Объясни, Мать Кендарат...*

Тропа вилась заливным лугом, петляя между редкими приземистыми кустами. Волкодав шёл первым, за ним женщины, последним Эврих. Сперва венн хотел сам встать позади, на всякий случай прикрывая отход. Не получилось: кроме него никто не видел в темноте – разве Мыш, время от

времени проносившийся над головами. Оставалось надеяться, что летучий зверёк обнаружит погоню и вовремя подоспеет предупредить...

То есть бояться Волкодав ни в коем случае не боялся. В Беловодье, когда у него подзажили раны и тело начало обретать былую готовность, он проверял себя так: созывал соседских парней и давал им в руки по венику. А сам закрывал глаза и просил ребят ударить его. Или хотя бы коснуться. Парни, знавшие, с каким трудом он поборол смерть, сперва осторожничали. Потом, навалявшись по снегу, осторожничать перестали.

Взрослых мужчин в деревне было всего восемь душ. Если больно охота, пусть бегут хоть с топорами, хоть с вилами. Да сами на себя и пеняют. Но много ли радости лишний раз убеждаться, что у людей нет ума?...

Хозяйка Судеб распорядилась по-своему. Беглецы так никогда и не узнали, гнался за ними кто или нет. Примерно к полуночи Мышу внезапно надоело беззаботно носиться по сторонам. Маленький охотник нахохлился у Волкодава на плече, потом и вовсе полез ему за пазуху, в привычный уют. Прошло ещё некоторое время, и Сумасшедшая Сигина тронула венна за локоть:

– Отошёл бы ты, сынок, от реки... Пойдём на большак.

Эврих сейчас же спросил:

– Почему?

Он не умел предчувствовать погоду и знал только, что они

не пошли по дороге как раз потому, что именно там их начали бы искать. Сигина повернулась к арранту и ответила:

– Смерч идёт с моря. Река к утру разольётся...

– Откуда ты знаешь, почтенная? – удивился Эврих.

Сигина развела руками:

– Ну... Идёт, и всё...

Волкодав посмотрел в небо. Звёзды прятались одна за другой. Их застили тучи, быстро наползавшие с запада. Скоро спрячется и луна.

Большак тянулся вдоль берега Ренны, на такой высоте, куда ни разу не добирался разлив. Его отделяла от реки полоса хорошего соснового леса. Волкодав свернул с мягкого луга под деревья. Привычные босые ноги не боялись ни иголок, ни шишек.

Смерчи приключались в северном Нарлаке каждый год по несколько раз. Древний Змей с рёвом и грохотом взвивался из моря, повергая и всасывая жадным хоботом всё попадавшееся на пути... чтобы снова и снова потерпеть неудачу, расшибиться о горные кряжи и выкатиться назад в море извечной дорогой – руслом беснующейся Ренны. Упорства Змею было не занимать. Он тщился одолеть берег и выскакивал на сушу то там, то тут, подыскивая удачливую тропу для прыжка через горы. Люди издавна приметили полосу взморья в два дня плавания шириной, через которую обычно пролегал путь клубящегося чудовища. Здесь не было рыба-

чьих поселений, а в глубь страны до самых гор тянулся, как ожог, след множества смерчей, проходивших этими краями испокон веку. Путешественники и купцы, ездившие с севера на юг и обратно, не боялись пересекать Змеев След. Не боялись проходить мимо и корабельщики. Они просто поднимали все паруса и сажали людей на вёсла, стараясь скорее пересечь опасное место. Змей, надо отдать ему должное, был всё же существом отчасти благим: он всегда предупреждал о своём появлении, вот как теперь. Загодя убраться с его дороги было не трудно. Ещё одно благо – правда, по мнению многих, сомнительное – состояло в самородном золоте, издавна приносимом реками Змеева Следа. Каждый новый смерч проходил по долинам, словно орда землекопов с лопатами, неизменно обнажая новые россыпи. Волкодав не видел в том ничего удивительного. У него дома тоже все знали, что Змей охоч до богатств и носит под крыльями сокровища. Иногда он дарит их людям. И случается – вместе с погибелью.

Кондарский тракт, на который выбрались двое мужчин и две женщины, пролегал на почтительном расстоянии от Змеева Следа. Тем не менее, вскоре начал накрапывать дождь и стали видны синеватые зарницы, вспыхивавшие над морем. Сколько помнили люди, ни разу ещё не бывало смерча без грома и молнии. Волкодав мог бы объяснить, почему. Бог Грозы пристально следил за Своим старинным врагом и гнал его ударами пламенеющей секиры, не пуская в светлые небеса...

Когда начал накрапывать дождь, беглецы снова углубились в лес, и мужчины растянули кожаный полог. Полог был просторный: хватит места всем четверым. Путники устроились с подветренной стороны не слишком высокого, но крутого и обрывистого холма. Песчаный откос гостеприимно нависал, не грозя обвалиться, ибо внутри сплетались корни. Хорошее место.

Рейтамира шагала на своих ногах от самой землянки Сигины. Это удивляло мужчин. Они-то думали, её, жестоко избитую мужем, придётся нести.

– Как ты? – несколько раз спрашивал её Эврих.

И неизменно слышал в ответ:

– Спасибо, добрый человек, мне хорошо...

Когда ставили полог, она усердно стаскивала под него лежалую хвою, ещё не промоченную дождём. И забралась под кожаный кров только после того, как там устроилась Сигина. Но тут уж её силы кончились: молодая женщина не села, а прямо-таки свалилась на землю. Обмякла и больше не двигалась.

Эврих запоздало сообразил, что Рейтамира скорее упала бы и умерла прямо на ходу, чем решилась произнести хоть одно слово жалобы. Она слишком боялась показаться кому-то обузой. Аррант припал рядом на колени, поспешно выпростал из мешка тёплое меховое одеяло, стал её кутать. Рейтамира открыла глаза, попыталась что-то сказать...

– Лежи, лежи, – ласково шепнул Эврих ей на ухо. И по-

гладил по голове, стараясь ободрить: – Сейчас поедим, потом спать будешь... Всё хорошо...

Она вдруг заплакала. Её намет, головной убор супружества, остался валяться на пустоши у деревни. На том месте, где чужестранец пытался кое-что втолковать её мужу. Теперь уже – бывшему мужу...

Волкодав стоял на макушке холма, прячась от дождя под густой кряжистой сосной, и смотрел в южную сторону. Мертвенные зарницы полыхали там почти непрерывно, и на их фоне, вращаясь, медленно двигалась гигантская чёрная тень. Ветер доносил яростные раскаты грома и время от времени – чудовищный рёв. Змей, давным-давно изгнанный Богом Грозы из пределов земли, рвался в дневной мир, шарил хоботом, нащупывая дорогу к Железным горам: сломать заповедные крепости, выпустить из векового заточения хозяев смерти и холода, Тёмных Богов...

Венн пристально следил за вселенской битвой, происшедшей на расстоянии множества поприщ. Он не позволял себе даже думать о том, что получится, если Змей один раз за всю вечность надумает свернуть с проторённой дороги и устремиться прямо к их пологому. Худые мысли притягивают беду, и Волкодав старательно гнал их прочь. Он не уходил с холма, пока гроза не докатилась до гор и не уперлась в них, застряв, как всегда прежде бывало. Где-то там дробились от страшных ударов гранитные скалы, и вниз обрушивались потоки битого камня, сверкавшие в отсветах молний, точно са-

моцветные россыпи. Особенно сильные вспышки порой оза-ряли громоздящиеся облачные кручи, и в них на мгновение представляли то вздыбленные крылатые кони, то летучая колесница, то беспощадно занесённая огненная секира...

Волкодав вдруг представил себе: такая же вот туча... нет, куда там такая же! эта не справилась бы!... – гигантская, небывалая со времён Великой Тьмы гроза накрывает, как горстью, одетые снегами хребты Самоцветных гор... и страшные рогатые молнии бьют с высоты по вершинам... Бьют снова и снова, раскалывая ледники, оплавливая чёрные скалы, выворачивая наизнанку изъеденное подземными ходами нутро...

Серый Пёс не раз и не два молился об этом, пока сидел на цепи. И если бы в те времена его услышал какой-нибудь Бог и согласился разнести Самоцветные горы в пепел и пыль, но и самому венну предрёк смерть под страшным обвалом, – он бы с радостью согласился. Согласился бы умереть рабом, а значит, и в следующей жизни обречь себя на неволю. И, погибая под глыбами, с упоением принял бы смертные муки. Если б только ему было дано почувствовать в последние мгновения жизни, как до основания содрогаются Самоцветные горы... как они рушатся, оплывают в потоках небесного пламени... проваливаются неизвестно куда... навсегда сползают с тела земли, которую оскверняли так долго...

Девушка сидела на свёрнутом меховом плаще, обхватив

руками колени, и смотрела вдаль. Ярко светила луна, озаряя мертвенным серебром горы, ставшие за два с половиной года такими привычными. Днём на лугу кипела видимость жизни: наливалась соком трава, трудились над цветами пчёлы и бабочки, выходили пастись мало кем пуганные олени. Но вот наступила ночь, и сделалось видно, что эта пёстрая копошащаяся жизнь мимолётна, как огонёк светляка, а истинный лик гор неизменен, вечен и мёртв. Замершие под лунной хребты дышали тяжёлым морозом, и трава была стрелами ломкого серебра. Пройдёт тысяча лет, не останется даже праха от ярких цветов и промчавшегося по ним оленёнка, а горы будут всё так же вздыматься к чёрному, усеянному холодными звёздами небу, и леденеть под луной, и молчать, равнодушные, всезнающие, одинокие...

Рядом с девушкой шевельнулся мягкий белый сугроб, заискрылась, как иней, мохнатая блестящая шерсть. Огромный кот сладко зевнул, показав торчавшие в пасти кинжалы, и ткнулся лбом под локоть хозяйки, еле слышно мурлыча. Его звериная память не сохранила плетёной корзины, в которой горцы-ичендары доставили его через пропасть, именуемую Препоной, и оставили там в подарок одному молодому вельможе, Стражу Северных Врат. Кот смутно помнил лишь очаг и ковры, и человеческий запах, и ласковые сильные руки, подносившие соску с молоком. А потом его, уже начавшего взрослеть, почему-то снова отнесли в горный лес и хлопнули по загривку: беги. Откуда было знать юному зверю, что мо-

лодой кунс Винитар, лишившись невесты, не счёл себя вправе владеть знаком благосклонности ичендаров и решил выпустить его на волю?... Кот не понимал, что такое воля, и совсем к ней не стремился. Он хотел есть вкусную пищу, играть кусочками меха и спать у огня, от которого его за чем-то прогнали. Через два дня, голодный и грязный, он наткнулся на человеческий след и бежал по нему во всю прыть, истошно мяукая, пока не догнал свою нынешнюю хозяйку. Теперь всё было хорошо: его снова любили. Он бегал где хотел, охотился и уходил далеко в горы, но всегда возвращался.

«Твоя невеста ещё не достигла возраста зрелости, – передали его прежнему хозяину ичендары. – Её следовало оберегать либо отцу, либо мужу. Почему вышло так, что одна лишь старая нянька, дочь нашего племени, сумела исполнить свой долг перед госпожой? Ты, не сумевший как следует встретить драгоценную гостью, даже не заикайся о её преждевременном возвращении. Жди теперь, когда ей исполнится двадцать один год. Тогда она сама примет решение».

Девушка, которую некогда называли кнесинкой Елень, наследницей стольного Галирада, передвинулась, прижимаясь к тёплому боку, и стала смотреть на запад. Там, очень далеко – невообразимо далеко, как это возможно только в горах, – полыхали отсветы молний. Гром не мог преодолеть расстояния, но зарницы всё-таки долетали. Молчаливые, пепельные, невсамделишные. Словно воспоминания, ко-

гда-то яркие, как полуденное солнце, и невероятно дорогие, но с тех пор успевшие поблёкнуть и затуманиться.

Волкодав смотрел на далёкие ледяные вершины, призрачно вспыхивавшие в отсветах молний, и ему хотелось спросить Бога Грозы – *как терпишь непотребство, Господь?...* *Почему не искрошишь Самоцветных гор в мелкие брызги, похоронив навсегда?...* Он не спрашивал. Венны любили молиться во время грозы, в близком присутствии Бога: вернее услышит. Только гроза бывает разной. Хорошо обращаться с молитвой синим днём, когда в небесах бушует весёлая и светлая свадьба, а гром кажется победным кличем любви. Ныне стояла чёрная ночь, и за тучами происходил поединок. А не годится отвлекать воина, занятого единоборством с врагом.

Венн ушёл с макушки холма, убедившись, что Змей вправду повержен и не прилетит обижать путников, спящих под пологом. И когда он уже спускался по склону, его вдруг посетила неожиданная мысль. Он вспомнил сказания о Великой Тьме и о том, как в конце концов была рассеяна тьма. Богу Грозы, закованному в семьдесят семь цепей и запертому в ледяную темницу, помог человек. Самый первый Кузнец. И не было венна, который не возводил бы свой род к этому Кузнецу.

Так может быть, и теперь... Что, если против зла Самоцветных гор Светлым Богам опять нужна смертная по-

мощь...

Гроза уже утихала, успокаивалась вдали. Но в этот миг вспорола небесную твердь едва ли не самая последняя молния и полыхнула так, что ночь стала светлей дня. Волкодав успел увидеть каждую иголку пушистой сосновой ветки, которую отводил рукой от лица. Разглядел даже крохотного паучка, прятавшегося между иглами. А спустя время доказался громовый раскат такой мощи, что Волкодав, ожидавший его, вздрогнул вместе со всем мирозданием. И понял, что Бог Грозы, которого он не смел побеспокоить молитвой, всё-таки услышал его. И ответил.

Эврих нёс стражу: таращил глаза в мокрые потёмки, с трудом сдерживая зевоту. Зная учёного, Волкодав ожидал, чтобы тот сразу принялся обсуждать с ним необыкновенную последнюю молнию. Аррант, однако, молчал. Женщины мирно посапывали под пологом, прижавшись друг к дружке ради тепла. Венн поискал взглядом Мыша. Зверёк, по давней привычке, висел вниз головой на деревянной распорке. И тоже спал, закутавшись в крылья. Никто на небесное знамение внимания не обратил.

– Ложись, – сказал арранту Волкодав. – Я постерегу.

А про себя подумал: *уж не была ли та молния послана мне одному?...*

Эврих забрался глубже под полог, хотел было устроиться подле спавшей крепким сном Рейтамиры, но смутился,

вновь вылез обратно, переполз на четвереньках и лёг около Сигины, спиной к женщине. Волкодав с усмешкой наблюдал за его вознёй. Самому венну спать почему-то не хотелось совсем. Он уже чувствовал, что этой ночью с ним опять произойдёт то, чего ни разу не было за два года в Беловодье. Необъяснимым образом обостряются все чувства, потом как бы раздвоится сознание... И он, оставаясь сидеть на прежнем месте и не теряя зоркой бдительности, положенной караульщику, в то же самое время увидит себя большим серым псом и побежит куда-то через поле и лес... станет совершать поступки, кажущиеся не менее жизненными, чем те, что творила его человеческая половина...

Когда это случилось и проснувшийся зверь затрусил по обочине большака, та часть Волкодава, что осталась у полога, посмотрела в темноте на свои руки. Венн предполагал и боялся, как бы однажды не обнаружить на них начавшую пробиваться шерсть. До сих пор Боги миловали его.

Под утро его слуха снова достиг низкий, зловещий, роко-чуший рёв. Но совсем не такой, как тот, что сопровождал пришествие Змея. Это, ворочая валуны и швыряя, как лучины, выдранные с корнем деревья, грохотала утратившая разум река...

Когда развиднелось, беглецы продолжили путь. Над мокрой землёй висело неприятное серое небо, но дождь больше не шёл. Грохот, доносившийся со стороны реки, с наступле-

нием дня сделался заметно тише. Большая часть воды, вознесённой в горы смерчём, успела прокатиться вниз, перелопатив русло и забив грязью луговую траву. Теперь водяной вал, наверное, достиг уже лукоморья, и стража, стоявшая на кондарском забрале, не без трепета наблюдала, как в желтовато-зелёное море, взбаламученное вчерашним прохождением Змея, рвётся бурая бушующая струя...

– Куда торопишься? – удивился Эврих, наблюдая, как Волкодав спешно сворачивает полог и увязывает его, чтобы нести за спиной. – Вряд ли кто теперь за нами погонится...

Венн ответил не сразу. То есть сперва он вообще собирался промолчать. Хоть и знал, что любви к нему от этого у Эвриха не прибавится. Но что прикажете делать, если Боги забыли снабдить его красноречием?... Он не надеялся объяснить учёному грамотею даже доли происшедшего ночью. И особенно то, что в этот раз его пёсья половина что-то не спешила обратно, оставив человеческую часть сознания сиротой. На родине Эвриха не почитали предков-зверей. Аррант не поверит. Да ещё посмеётся, заявит что-нибудь насчёт варварских суеверий. Это не Тилорн. От Эвриха, только зазевайся, иголки в бок дождёшься сейчас же...

Почти решившись ничего не говорить, Волкодав перехватил взгляд Сигины, державшей в руках котелок. Взгляд был спокойным и глубоким, как небо. Её, кажется, не удивляла его странная спешка. Сумасшедшая просто знала что-то очень главное и про Волкодава, и про весь остальной

мир. Венн нашёл глазами Рейтамиру. Молодая женщина тоже смотрела на него, но, заметив взгляд, тотчас потупилась. Волкодав посмотрел на Сигину ещё раз и впервые подумал, что Эвриха тоже, наверное, обижала его привычка отмалчиваться. И он проворчал:

– Там, на реке... Мало ли, вдруг кто в разлив угодил...

Грязь по обочинам большака уже загустела, и Волкодав почти сразу увидел то, чего ждал с надеждой и одновременно – со странной боязнью. В подсохшей глине темнел глубоко вдавленный след большой лапы. Боязнь боязнью, а не окажись его здесь, венн испытал бы немалое разочарование, убеждаясь, что двойник-Пёс существовал только в его воображении. Но след не мерещился ему, он просто БЫЛ. И Волкодав, глядя на него, испытывал то особое чувство, которое возникает, когда видишь на земле свои собственные следы. Частицу себя. Венн вздохнул. Расставаться с человеческим обликом – если, конечно, именно в этом состояла его судьба – ему не слишком хотелось.

Впрочем, недосуг было разбираться в собственных ощущениях и о чём-то гадать. След был настоящий. Значит, то, что совершал ночью его двойник, тоже не было сном.

Тонкий, отчаянный крик в темноте, заглушаемый неистовым гулом реки. Мальчишеские руки с сорванными ногтями, скользящие по мокрому боку щербатого валуна.

Темноволосая голова, то возникающая среди пены, то вновь пропадающая из виду... Лошадь, уносимая гремящими бурунами... мгновенные искры, высеченные из камня судорожным ударом подковы... И снова – слабый крик, долетевший издалека...

Плывущий пёс. Двухвершковые клыки, сомкнувшиеся на воротнике вышитой курточки. Ослабевшие руки селятся обхватить мокрую косматую шею, цепляются за кожаный ошейник. Мощные лапы упираются в камни, пёс пытается вытащить человека, но того не пускает придавившая тяжесть. Бешеный поток неистово хлещет обоих, порываясь опрокинуть, захлестнуть, утопить. Пёс глухо рычит от бессильной ярости и держит, держит...

Будь Волкодав один, он бы помчался бегом. Он был не один. Спасибо и на том, что с него больше не спрашивали объяснений, не добивались, куда это он так уверенно спешит через сосновую рощу. Потом впереди открылась река.

В этом месте Ренна разливалась в ширину на целых два перестрела. В обычные дни вода здесь совсем пряталась в залежах гальки, и даже теперь над поверхностью всклокоченного потока выглядывали подсохшие островки. Вода больше не ворочала неподъёмных камней. Вполне можно было перебраться на другой берег, прыгая по лысым макушкам.

На одном островке лежало несколько валунов. И между ними стояла, глядя на людей, большая собака.

При виде этой собаки у венна сердце стукнуло невольно, он даже забыл на мгновение, для чего явился сюда. Но потом пёс повернулся – и поскакал к тому берегу, легко перелетая kloкочущие протоки. Волкодав не стал провожать его взглядом. Он смотрел себе под ноги. Пёс удалялся, и он чувствовал, как постепенно отпускает что-то внутри.

Он так и не понял, видели ли его спутники то же, что и он сам.

Мышь вдруг закричал, снялся с его плеча и чёрной стрелой метнулся над руслом реки.

– Смотрите! – крикнул Эврих, указывая вытянутой рукой. Венн всмотрелся, и его обожгло стыдом. Вот что бывает, если не вовремя утратить сосредоточение. Возле одного из валунов, в углублении, прорытом потоком воды, лежал человек. Насколько можно было разглядеть издали – мальчишка-подросток. Мутная вода и наносы гальки с песком позволяли видеть только темноволосую голову, плечи, обтянутые стёганой курточкой, и безвольно раскинутые руки. Песку всё равно, что заносить: живое тёплое тело или догнивающую корягу...

Четверо путешественников разом устремились вперёд. Перед какой-то протокой женщины, конечно, застряли: перепрыгнуть бушующую стремнину шириной в полтора человеческого роста было им не по силам. Двое мужчин, не задумываясь, с разбегу перелетели её.

Мальчик был не в себе. Услышав скрип гальки и близкие

голоса, он не повернул головы, не открыл глаз.

— Пёсик... — выговорил он по-нарлакски, когда Волкодав склонился над ним, сдвинул с детского лица мокрые волосы и погладил запавшую щёку, расчерченную глубокими ссадинами. — Пёсик... не уходи...

— Держись, малыш, мы с тобой, — опустился рядом на колени молодой аррант. Торопливо сбросив наземь заплечный мешок, он раздёрнул завязки. Где-то там у него сохранялась небьющаяся стеклянная фляга с крепким вином. Поспешно достав её, он зубами вынул затычку, приподнял мальчику голову и поднёс к его губам гладкое прозрачное горлышко: — Пей! Отхлебни, малыш, полегчает...

Тот попробовал глотнуть, поперхнулся и судорожно закашлял. Потом открыл глаза. Глаза были голубыми, как утреннее небо. Выющиеся тёмные волосы, нежная смуглая кожа, да ещё эти глаза... Нарлакский народ был издавна знаменит мужской красотой. Вот, значит, из каких мальчиков вырастали знаменитые красавцы, слава страны.

Волкодав полными горстями отбрасывал мокрую гальку, осторожно откапывая заваленные ноги. Ему очень не нравилось, как лежал многопудовый валун. Ко всему прочему он заметил на шершавой поверхности наполовину смытые кровавые полосы и разглядел ободранные пальцы мальчишки: ночью тот изо всех сил цеплялся за камень, пытаясь приподняться из захлёстывавшей воды, глотнуть воздуха, позвать на подмогу... Волкодав добрался до неподвижных коленей,

ощупал их сквозь изорванные, когда-то нарядные штаны и убедился: ноги действительно были придавлены.

Змей ли, уходя по реке, в бессильной злобе швырнул гранитную глыбу, зажав, словно капканом, тело барахтавшейся жертвы? Или мальчонка, пытаясь выбраться, сам обрушил на себя подмытый водой обломок скалы?...

– Сейчас мы тебя вытащим, – сказал Эврих. – Ты потерпи.

– Вы не думайте, добрые люди, мне не больно, – на удивление спокойно ответил мальчик. – Совсем не больно. Правда... Тяжело только...

Волкодав поднялся с колен, обошёл камень кругом, крепче расставил ноги и, примериваясь, упёрся спиной. Несчастный мальчишка, наверное, в самом деле не испытывал боли, хотя ноги у него скорее всего окажутся раздроблены. Венн знал по себе, что именно так оно и бывает. Разум не подпускает к себе боль, а с нею очень часто и смерть. Утыканный стрелами воин отбивается от врагов, спасается и бежит, и только потом, когда всё позади, бессильно стонет и корчится, пытаясь вытащить окровавленные головки...

– погоди поднимать, я жгут сделаю... – сказал Эврих. Достал из мешка растяжки полога и по очереди перетянул мальчику ноги чуть повыше колен.

Тем временем женщины ушли вниз по течению не менее чем на сотню шагов, но всё-таки выискали место, удобное для переправы, и, промочив ноги, наконец присоединились к мужчинам. Мальчик слабо улыбался. После страшной ночи

опять светило солнце, и люди окружали его. Значит, вправду всё будет хорошо.

– Мама? – радостно удивился он, увидев над собой Сумасшедшую. – Мама, как ты меня нашла?...

– Ну а как же я могла тебя не найти, родненький, – отозвалась Сигина, присаживаясь и устраивая его поудобнее. – Я услышала, как ты зовёшь, и сразу прибежала сюда!

Её спутникам некогда было гадать, может ли быть нечто общее у богато одетого подростка и деревенской нищенки, годящейся ему в бабки. Не приходился же он, действительно, ей сыном?...

– Ты не плачь, – подбодрил он Рейтамиру, утиравшую слёзы. – Сейчас они меня вытащат, и мы пойдём к нам домой. Мама, можно мне их всех пригласить?

– Конечно, маленький мой, – немедленно разрешила Сигина.

– Я вас всех приглашаю! – обрадовался мальчик. – Вы ведь не откажетесь у нас побывать?...

Мыш, обосновавшийся на макушке валуна, вдруг сорвался с места и быстро полетел в сторону. Рябь на воде переливалась слепящими бликами; венн сощурился, стараясь рассмотреть, что же привлекло зверька, и увидел торчавшую из воды неподвижную лошадиную ногу. Ну, это дело можно было отложить и на потом. Волкодав покосился на Эвриха, упёршегося в камень с ним рядом.

– Спасибо вам, добрые люди, – вдруг внятно проговорил

юный нарка. – Вы не бойтесь... если не выйдет...

– Это у нас не выйдет? – зарычал Эврих. – Это когда у нас что не выходило?

Они с Волкодавом кивнули друг другу, разом вдохнули побольше воздуха и налегли что было сил, стараясь приподнять и отвалить камень. Босые ноги венна по щиколотку скрылись в грязном каменном месиве и все жилы готовы были затрещать, когда ему почудилось, будто камень стал поддаваться.

– Тащите!... – прохрипел он, обращаясь к Сигине и Рейтамире. Скосившись, он видел рядом с собой лицо Эвриха, перекошенное от напряжения, с толстыми жилами, вздувшимися на лбу и висках. Вероятно, и сам он выглядел не лучше.

– Терпи, малыш, – сказала Сумасшедшая и сунула руки под приподнявшийся валун, лихорадочно выгребая крупную гальку. Рейтамира обхватила мальчика поперёк тела и стала тащить. Тут до него наконец добралась жестокая боль, он забился, пытаясь освободиться из её рук, и пронзительно закричал. Потом умолк, голова безжизненно повисла. Когда показались неестественно вывернутые голени в кожаных охотничьих сапогах и вялые ступни прочертили по камешкам мокрые полосы, венн с аррантом выпустили валун. Тяжеленный камень с плеском обрушился на прежнее место, окатив брызгами всех пятерых.

– Как же получилось, что ты, такой молоденький, ехал со-

всем один?... – спросила Сигина.

Стоял холодный вечер, и они развели большой костёр, наплевав на возможность погони («А пускай их идут!...» – зло сказал Волкодав). Они уже знали, что мальчика звали Иннори, и он был третьим сыном купца Кавтина Ста Дорог. Отца, умершего десять лет назад, Иннори, правда, толком не помнил.

Кавтин, повторил про себя Волкодав. Имя показалось ему не совсем чужим, с ним было что-то связано, и притом не слишком хорошее. Но вот что?...

Ещё они узнали, что при всей малости своих лет Иннори считался искусным вышивальщиком, достигшим немалого мастерства. За это его приблизил к себе вельможа и наследник государя кониса, господин Альпин. И вот несколько дней назад купеческому сыну была оказана неслыханная честь: наследник позволил мальчику сопровождать себя во время ежегодного Объезда Границ. До самой Белой Стены!

– Такие молоденькие ребятишки не должны ездить одни, – укоризненно повторила Сигина. – Как вышло, что твой господин отправил тебя назад одного?

На островке посреди реки Эврих показал себя лекарем хоть куда. Он сумел погрузить измученного мальчишку в глубокий сон, и тот спал, ничего не чувствуя, пока его несли на берег, раздевали, вправляли кости и заключали ноги в лубки. Во время лечения молодой аррант очень волновался и через слово обзывал венна варваром, на что тот, про-

тив обычного, не обижался. Сделав, что было можно, Эврих разрешил Иннори проснуться, хотя и не до конца: так, чтобы мог пить, есть и разговаривать, но не страдал. Волкодав же снова влез в воду, доплыл к мёртвой лошади и принёс на берег перемётные сумы. Иннори сказал правду. В кожаной коробке действительно лежали мотки разноцветного шёлка и тонкие иглы, уже заржавевшие от воды. Лошадь, кстати, оказалась гривастым коньком чуть побольше телёнка. Как раз по всаднику.

– А я был не один, – с законной гордостью объяснил мальчик. Сигину он мамой больше не называл, но в её присутствии заметно успокаивался. – Господин Альпин любит меня. Он дал мне Сенгара, телохранителя. Сенгар – настоящий герой!

Эврих поднял глаза на Волкодава, и тот мрачно покачал головой, благо Иннори со своего места его видеть не мог. Береговой откос сохранил следы второй лошади, благополучно выбравшейся на берег. Венн внимательно рассмотрел их. Могучий сегванский жеребец нёс всадника. Крупного молодого мужчину.

– Что же такой герой о тебе не позаботился? – хмуро спросил Волкодав. Он знал, каких телохранителей предпочитала нарлакская знать. Камень, который они с Эврихом еле вывернули вдвоём, этот Сенгар наверняка отвалил бы шутя. Да и конь его, одолевший поток, без натуги вытащил бы маленькую лошадку...

– Меня накрыло водой... Я не знаю... – растерянно пожал плечами Иннори. Потом улыбнулся: – Сенгар меня обязательно найдёт, просто вы пришли раньше. Он очень смелый... и такой сильный... Я люблю его... Он похож на моего старшего брата... На Канаона...

Вот тут уж Эврих с Волкодавом одновременно уставились друг на друга поверх его головы. Канаон. Сын Кавтина...

...Канаон всё посматривал Волкодаву под ноги, и венн догадывался, чего тот хотел. Чтобы он поскользнулся.

И Волкодав поскользнулся. Он потерял равновесие, неловко взмахнул здоровой рукой и стал заваливаться навзничь. Нарлакский наёмник мгновенно занёс меч и с торжествующим рёвом прыгнул вперёд – добивать. Занесённый клинок уже опускался, когда обе ноги Волкодава вдруг выстрелили вверх. Всё тело выгнулось дугой, так что на земле остались только плечи и шея, а ступни в мокрых, облепленных снегом сапогах врезались Канаону в нижние рёбра. Удар был страшный. Если бы не сплошной кованый нагрудник, нарлак с расплюснутым нутром умер бы на месте. Броня дала ему пожить ещё какое-то время. Он был почти вдвое тяжелее венна, но его приподняло над тропой и швырнуло за край обрыва. А уж когда конец меча Волкодава перерезал верёвку, привязанную к его поясу, про то и знал один Волкодав...

На карте селения не было, но, по словам Рейтамиры, назы-

валось оно Четыре Дуба. Поразмыслив о названии, Волкодав решил про себя, что это скорее всего был погост. Какой-нибудь конис прежних времён объезжал свои земли, совершая полюдые, да и облюбовал ровное поле под крутым холмом с четырьмя древними дубами на вершине, надумал впредь здесь останавливаться, гостить. Доброе место в самый раз годилось беседовать со старейшинами родов, подносящими ежегодные приношения, решать тяжбы, призывать Богов и творить праведный суд, как всегда делает вождь.

Волкодав стал слушать дальше и скоро убедился, что не ошибся. Четыре Дуба действительно были погостом. В большом, богатом селении имелись целых два постоянных двора для купцов, приезжавших на ярмарку. Назывались те дворы без особых затей: один «Ближний», другой «Дальний», считая, естественно, от Кондара. Был и дом, в котором жил наместник государя кониса. Не было только одного: укреплённого городка и воинской силы, как водится в приграничных погостах. Тихие, видать, были места.

– А ты ездила сюда, Рейтамира? – спросил Эврих. Они с Волкодавом несли самодельные носилки со спящим мальчиком и Мышом, уютно обосновавшимся у него на животе. Время от времени Иннори просыпался и, слабо улыбаясь, дразнил его пальцем. Зверёк в притворной ярости топорщил чёрную гривку, со страшным криком бросался за пальцем и хватал его зубастой ощеренной пастью. Он легко мог оттяпать палец не то что мальчишке – даже взрослому человеку,

но игру понимал. Иннори высвобождал палец из осторожно-го захвата клыков, изогнутых и острых, как иглы для починки ковров. Улыбался, доверчиво гладил свирепого маленького птицелова, оглядывался кругом... и опять засыпал.

Сигина и Рейтамира время от времени сменяли то одного, то другого мужчину, берясь вдвоём за ручки носилок. В ногах у Иннори лежал кожаный бурдючок с горячей водой. Когда вода остывала, устраивали привал, разводили костёр и подогревали воду, перелив её в котелок. Ноги Иннори почему-то не воспалялись и не вызывали губительной лихорадки, которой очень опасался аррант. Учёный лекарь не мог понять, что же сдерживало неизбежное в таких случаях воспаление, и про себя неустанно благодарил Богов Небесной Горы. Иных объяснений, кроме вмешательства какой-то очень могущественной и очень благой Силы, найти было невозможно.

– Я была в Четырёх Дубах... два года назад, когда мой приёмный батюшка ездил на ярмарку... – ответила Эвриху Рейтамира.

От Волкодава не укрылось, что, помянув своего воспитателя, она не добавила обычного благословения и не призвала согреть его Священный Огонь. Венн шёл впереди и не мог видеть женщину, но хорошо представлял. Особенно густые каштановые, с золотым отблеском, волосы. Скинув намёт немилого супружества, Рейтамира убрала волосы так, как это делали нарлакские девушки и безмужние женщины,

чающие нового сватовства. Она тщательно расчесала длинные пряди, отбросила их за спину и оставила почти свободными, сплетя в косу лишь по концам. Волкодаву нравилась такая причёска. Радость взглянуть, как скользят по плечам переливчатые волны, похожие на тяжёлый шёлковый плащ. Так и хочется погладить, приласкать их ладонью. Косы веннских девушек были, конечно, лучше. Но и нарлаки знали толк в девичьей красоте.

– Чем же торговал твой почтенный приёмный отец? – спросил Эврих.

– Он мельник, – ответила Рейтамира. – У него мельница на Берёзовом ручье. Он покупал корову. И ещё украшения дочерям. А я за ними присматривала, пока не подросли...

Первые дни после бегства из деревни Рейтамира всё больше отмалчивалась, не смела сказать лишнего слова своим неожиданным заступникам и лишь робко пыталась им услужить. Только с Сигиной она оживала, даже смеялась. Когда однажды она запела, выяснилось, что у неё редкостный, замечательный голос. И память, хранящая множество старинных баллад. Иннори слушал с горящими глазами, забывая о своих несчастных ногах. Эврих, которому молодая женщина явно очень понравилась, всё пытался её разговорить, и дело постепенно шло на лад. Зато с Волкодавом она за всё время не сказала двух слов. Попросту не поднимала перед ним глаз. Венн знал, почему. Рейтамира достаточно видела сперва в деревне, а потом и на пустоши. Она помнила, что он заставил

считаться с собой четверых привычных к дракам мужчин, конных и при оружии. А потом играючи задал очень жестокую трёпку её мужу, Летмалу. Чью безжалостную силу она слишком хорошо знала... Как не бояться такого страшного человека?

Венну было обидно. Летмал Летмалом, но с чего бы женщине бояться *его*?... К тому же он хотел вызнать у неё, кто такой Сонмор. Он подговорил Эвриха спросить, но оказалось, что о Сонморе Рейтамира имела самое смутное представление. Жалко.

Волкодав стал думать над её последними словами. Про мельника, который покупал украшения родным дочерям, а приёмную, как не нужна стала ухаживать за малыши, мигом сбыл с рук. Умницу и красавицу – за остолопа, которому простительно было не нажить ума, но вот совести...

Чего ещё ждать от мельника. Мельники, они, по глубокому убеждению венна, были все таковы.

– Рейтамира! – обратился к молодой женщине проснувшийся Иннори. – Расскажи что-нибудь!

– Глухими ночами, когда не видно звёзд, а в траве сиротливо шуршит ветер, эту легенду шёпотом передают у пастушеских костров... – с готовностью начала Рейтамира. – Моряки же, уходящие в плавание, творят охранительные знаки и каются в малейшем грехе, стоит им только вспомнить о Всаднике... Это сказание про человека, который воззвал к Богам и молился о мести... И Боги сделали то, о чём он Их

попросил!

– Где это было? – спросил Иннори.

– Это было так давно, что люди даже и не помнят, где именно. Редко вспоминают теперь эту легенду, ибо Всадник порою неузнанным ходит среди людей и появляется там, где о нём говорят...

– Ага! – сказал Эврих. – Так вот что означает этот странный символ возле берегов Шо-Ситайна!... Принято считать, что он соответствует излюбленному занятию жителей, но я спрашивал себя, с какой стати рисовать лошадь посреди моря?... Рейтамира, ты сможешь потом повторить всё подробно, чтобы я записал твой рассказ?

Она кивнула. И негромко начала петь.

Была любимая,

Горел очаг...

Теперь зови меня

Несущим мрак!

Чужого паруса растаял след...

С тех пор я больше не считал ни месяцев, ни лет.

Была любимая

И звёзд лучи.

Теперь зови меня

Скалой в ночи!

Я просыпаюсь в шторм, и вновь вперёд

По гребням исполинских волн мой конь меня несёт...

Была любимая
И свет небес.
Теперь зови меня
Творящим мечь!
Со мною встретившись, уйдёшь на дно,
И кто там ждёт тебя на берегу – мне всё равно.

Была любимая
И степь весной.
Теперь зови меня
Кошмарным сном!
Дробится палуба и киль трещит -
Проклятье не поможет и мольба не защитит...

Была любимая
И снег в горах.
Теперь зови меня
Дарящим страх!
Поставит выплывший на карте знак -
Меня там больше нет: я ускакал назад во мрак.

Была любимая,
И смех, и грусть.
Теперь зови меня -

Не отзовусь!

Пока чиста морских небес лазурь,

Я сплю и вижу прошлое во сне – до новых бурь...

Завидная судьба, подумал Волкодав. Охранять свои родные места!... Ради этого и камнем не жалко стать... Ещё он решил, что надо будет непременно купить девочке лютню, а Эврих вздрогнул: ему вдруг послышался из-за деревьев тяжёлый топот копыт...

Как будто венну было мало забот с Канаоновым младшим братишкой, напротив крайнего дома погоста прямо посередине большака, уже ставшего улицей, обнаружился конский след. Ну нет бы прохожим людям его затоптать, истереть в дорожной пыли! Или самому Волкодаву отвлечься, посмотреть куда-нибудь в сторону, не заметить его!... Так нет же. Не истребили, не затоптали, и венн, повинувшись привычке, не раз спасавшей ему жизнь, этот след заметил. А заметив, узнал. След крупного жеребца боевой сегванской породы. Немного хромавшего на правую переднюю ногу после того, как довелось выносить седока из взбесившейся Ренны...

Волкодав вздохнул, начал присматриваться уже намеренно и немало порадовался, обнаружив, что следы не свернули в первый постоялый двор (это был «Дальний»), а потянулись дальше через селение – ко второму. Ворота, как обычно в таких заведениях, стояли гостеприимно распахнутыми. Двое

мужчин и две женщины вошли внутрь, и работники, заметив носилки, сейчас же поспешили навстречу.

— Я — странствующий учёный из благословенной Аррантиады, — представился Эврих вышедшему хозяину. — Это мои спутники. А на носилках — мальчик из свиты благородного вельможи, именуемого Альпином из Кондара. Его ранило во время наводнения на реке.

Хозяин был родом южный нарлак, неведомо каким ветром занесённый в эти северные места. Южных уроженцев легко было узнать по светлым волосам, прямым, как солома. Волкодав рассудил, что с юга, возможно, происходил не сам хозяин двора, а какие-нибудь его прадедушки и прабабушки. У тамошнего народа была сильная кровь. Жили ведь бок о бок с чернявыми смуглыми халисунцами и всю рожали общих детей. Хоть тресни, сплошь белобрых.

Между тем белёсые брови хозяина успокоенно разошлись от переносицы в стороны. Одно дело — заразный больной, совсем другое — раненый. Да ещё из свиты важного господина, наследника самого кониса! Немалая честь. Постояльцев во дворе было мало, и он, радуясь, сам повёл новоприбывших показывать хоромы. Выход наверх, в комнаты для гостей, оказался винтовым и, как обычно в Нарлаке, донельзя узким. Пришлось опустить носилки на пол, и Волкодав осторожно поднял Иннори на руки. Мальчик опять спал, вернее, плавал в блаженном забытии, в которое, спасая от страданий, погружал его Эврих. Когда венн понёс его по узкой лесенке

вверх, мальчик, не открывая глаз, обнял его за шею и погладил по распоротой шрамом щеке.

— Канаон... — выговорил маленький вышивальщик и улыбнулся во сне.

Волкодав про себя подозревал, что нарлаки приходились дальними родственниками вельхам. Иначе откуда бы это обыкновение селить тьму народа в одной большой комнате и стопочкой складывать у входа обширные тканые занавеси: вам, гости желанные, обитать, вы и разгораживайте, как вам удобно. Венны жили гораздо мудрей. В некоторых родах тоже не строили отдельного жилья каждой малой семье, помещались все вместе в большом общинном доме. Но некоторую часть этого дома всегда делили на комнатки по числу мужатых женщин. И стариков, желавших покоя. И это было правильно и хорошо. А здесь – тьфу! Срамота. Одно слово, незаконный народ.

Когда устроились, Эврих запустил руку в денежный кошелек и отправился к стряпухам – промышлять обед на всех пятерых. Волкодав не стал дожидаться еды.

– Пройдусь, – коротко пояснил он женщинам. Рейтамира только робко кивнула, Сигина же, как ему показалось, посмотрела на него хитровато и проницательно. Можно подумать, Сумасшедшая опять насквозь видела все его тайные намерения. И одобряла их. Странно.

Он ведь никому не говорил о следах, замеченных на до-

роге. А что про них говорить. Ещё окажется, что конь, оставивший след, принадлежал вовсе даже не Сенгару. Или Сенгару, но тот уже покинул погост. Всяко незачем попусту болтать языком.

«Ближний» постоялый двор очень напоминал «Дальний», а с ним и все остальные, сколько их Волкодав в разное время видел в Нарлаке. Как раз когда он миновал ворота, в конюшне звонко заржала лошадь. Голос так напомнил Серка, оставшегося скучать в Беловодье, что ёкнуло сердце. Венн мысленно кивнул головой. Конь был здесь. Значит, и хозяин должен отыскаться поблизости. Он пересёк двор, поднялся на крылечко и отвёл рукой сетчатую занавеску, призванную не допускать мух.

После залитого ярким солнцем двора в общей комнате ему показалось темновато, впрочем, глаза быстро освоились. Самая обычная комната. С камином в дальней стене. Нехорошо так думать об очаге, но Волкодав полагал камин дурацким устройством, ненасытно пожиравшим дрова. Такие служат не для тепла, только для любования пламенем. Ну там, разогреть или приготовить жаркое прямо на глазах у привередливого постояльца... Ещё здесь были запахи, какие всегда витают в подобных местах ранним днём, пока не собрались гости. Это вечером воздух здесь станет таким, что станет возможно макать в него, точно в душистый острый соус, лепёшку. Покамест пахло пивом, разлитым где-то в углу

да так и не вытертым нерадивым работником, с кухни веяло мылом, которым намывали котлы, и вчерашним жиром, стогревшим на сковороде.

По мнению венна, сидеть здесь, в четырёх стенах, в душевной полутьме, стал бы только тот, кому почему-либо опротивел свежий солнечный полдень, праздновавший снаружи. Таких действительно набралось всего три человека. Двое явно были местные уроженцы, давно и прочно забывшие об иных радостях, кроме выпивки. Они сидели друг против друга в конце длинного стола, вяло двигая туда-сюда по скоблёным доскам щербатые глиняные кружки, и наливались слабеньким (судя по запаху) яблочным вином, вполголоса переговариваясь.

Третий...

– Чем позволишь услужить тебе, доблестный венн? – спросил из-за стойки хозяин. Волкодав несколько удивился, подумав, так ли часто забирались сюда его соплеменники, чтобы этот нарлак наловчился их узнавать. Но вслух спрашивать, конечно, не стал. Гостиные дворы, они на то и гостиные, чтобы останавливались в них самые разные люди. Мало ли, вдруг когда и встретился венн...

Хозяину между тем вошедший совсем не понравился. И вовсе не потому, что впёрся в дом босиком, а на плече у него сидела, озираясь по сторонам, крупная летучая мышь. Да пусть его хоть жабу за пазухой таскает, если охота. Дело было в другом. Рослый, жилистый парень, где-то заработав-

ший полголовы седых волос, ох и напоминал молчаливого пса, уверенно бегущего по свежему следу. Перебитый нос, хищные глаза и меч, висящий за спиной явно не красоты для... явился... ловец беглых рабов, наёмный убийца или ещё что похуже?... Ну зачем приводят Боги таких людей в тихий, приличный дом, пользующийся заслуженной славой? Хватит уже и одного, который...

Венн между тем полностью оправдал хозяйские ожидания. Он подошёл к стойке и положил на неё руки, и хозяин увидел у него на запястьях широкие рубцы, какие бывают только от кандалов. Летучая мышь тут же соскочила на стойку и прожорливо потянулась к блюду с солёными ржаными сухариками, прикрытыми от мух вышитым полотенцем. Венн сгрёб лакомку и водворил на плечо. Голос у него оказался низкий и сипловатый:

– Спасибо, почтенный, да не погаснет Священный Огонь в твоём очаге. Я здесь мимоходом и не ради угощения. Я хотел бы только увидеть одного человека, который, как мне кажется, у тебя остановился.

Хозяин тоскливо подумал, а не пора ли истошно звать здоровенных работников, весело болтавших на кухне с молодыми стряпухами. Человека он, видите ли, разыскивает. Ясное дело, зачем. И дела ему нету, что вступившего под кров хранит древняя Правда. Хозяин погибни, а гостя в доме обидеть не дай, иначе останется самому в землю зарыться... Потом нарлак посмотрел на венна ещё раз и решил, что, пока

дело не дошло до самой последней крайности, работников звать не стоит. Ой не стоит.

– Если ты, – сказал он, прокашлявшись, – разыскиваешь юношу своего племени, так его здесь уже нет. Он уехал шесть дней назад, и куда он подался, про то я не ведаю. Может быть, Гарнал Пегая Грива сумеет тебе рассказать о нём лучше меня? Твой соплеменник купил у него лошадь. Он...

Венн покачал головой. Потом усмехнулся. Переднего зуба у него не хватало, так что усмешка вышла весьма неприятная.

– Нет, почтенный. Насколько я вижу, мой человек пьёт пиво вон там, в дальнем углу. Я ещё не совсем уверен, он это или нет. Но если он, ты не думай худого. Тебе не придётся защищать своего гостя. Под твоим кровом я с ним только поговорю.

Позже Волкодав станет жестоко корить себя: и почему не расспросил хозяина о соплеменнике?... Нарлак, в свою очередь, даже обрадовался, выяснив наконец намерения посетителя. Парень, которого имел в виду венн, жил у него вот уже третий день, очень неохотно расплачивался и всё время пил в мрачном одиночестве, даже не высовываясь на улицу. Если хозяин двора ещё не разучился понимать в людях, крепкий малый оказался на жизненном распутье и мучительно решал, как же теперь быть.

Вот пускай этот венн и помогает ему разобраться. Только пускай для начала выйдут вон со двора.

Волкодав тем временем уже подходил к угловому столу, где заливал неведомое хозяину (а ему – вполне известное) горе огромного роста молодой воин с пышным ворохом чёрных кудрей, давно позабывших о гребешке. При бедре у парня висел длинный меч. *Привычка телохранителя*, отметил про себя венн. *Да и на Канаона в самом деле похож...*

– Ты ли Сенгар, воин из свиты благородного Альпина? – сказал он человеку, которому, по его нерушимому убеждению, следовало бы отрубить сперва ноги, потом руки, а после и голову. И всё побросать на дно нужника.

Нарлак вскинул голову. То ли он ещё не успел достаточно выпить, то ли хмель вообще с трудом его брал – во всяком случае, он был почти совсем трезв.

– А ты кто таков, меченая рожа, чтобы я тебе отвечал? – рывкнул он раздражённо, и венн понял, что не ошибся.

Он ответил ровным голосом:

– Если ты не Сенгар, мне дела до тебя нет.

– Да какое у тебя ко мне может быть дело, ты!... – побагровел Сенгар и полез из-за стола. На воре шапка горит, говорили в таких случаях венны. Мыш воинственно подобрался на плече и кровожадно зашипел. Однако его хозяин оставался спокоен, даже как-то устало вздохнул. Решив, что немедленного вмешательства, может быть, и не понадобится, зверёк взлетел на потолочную балку: оттуда удобнее наблюдать. Наверху густыми хлопьями лежала годовалая копоть, но Мыш разогнал её решительными взмахами крыльев,

стряхнув вниз, на голову Сенгару и в его плоску с едой.

– Я, – сказал Волкодав, – хочу передать тебе привет от вышивальщика Иннори, сына купца Кавтина по прозвищу...

Нарлак не дал ему договорить, выплеснув прямо в лицо остатки вина из глиняной кружки. Венн отдёргнул голову и усмехнулся:

– Ты не только никудышный телохранитель, Сенгар, ты ещё и невежа.

Сенгар издал бессвязное рычание, в котором ярость мешалась с отчаянием и страхом. Волкодав не особенно удивился, распознав этот страх. Мысли читать он так и не выучился, но творившееся в душе беглого охранника было ему очевидно. Бросить на смерть человека, которого клялся хранить, не щадя собственной жизни!... Бывали преступления хуже, но не особенно много. Вот Сенгару и мерещилось, будто у него на лбу само собой возникло клеймо, которое в Нарлаке «возлагали» на лица осуждённым преступникам. И каждый встречный-поперечный готов если не ткнуть пальцем в это клеймо, так оглянуться и просверлить взглядом спину: «Это Сенгар! ТОТ САМЫЙ!...»

Минует время, и он поймёт, что легче было бы погибнуть в бешеных водах Ренны, чем остаться в живых и всю жизнь потом бегать от себя самого. Но пока он этого ещё не понимал. Пока ему представлялось: убрать с дороги проклятого северянина, и станет всё хорошо.

Он был опытным, хорошо натасканным воином. Он вско-

чил из-за стола одним быстрым движением, не отодвигая скамьи... и тотчас ударил Волкодава: сбоку ногой, чуть повыше щиколотки, особым мягким ударом, безошибочно прижимая к земле, и почти одновременно – в висок кулаком, добывая поверженного. Сделал он всё это быстро. Железный кулак уже летел к цели, слегка поворачиваясь на лету, когда Сенгар понял, что... не дотянется! Как так?... Этого не могло произойти. Но тем не менее произошло. Изумившись, он с разгону проскочил дальше вперёд... чтобы увидеть ладонь с растопыренными пальцами, грозно возникшую перед лицом. Выручила воинская наука. Сенгар успел отшатнуться и заслониться левой рукой, спасая глаза. Ему недосуг стало думать ещё и о правой, которую вроде как отвело в сторону и приподняло. Когда же он убрал левую ладонь от лица, оказалось, что венн подевался неизвестно куда. Сенгар захотел оглядеться, но не сумел. С его пальцами что-то произошло. Они превратились в боль. Сенгар не мог вырваться, ибо это значило бы оставить в лапе у венна три своих пальца, с корнем выданные из кисти. Он не мог закричать, ибо покамест боль оставалась переносимой, а крик означал бы унижение. И ещё Сенгар не мог двигаться дальше по своей собственной воле. Только туда, куда направлял его венн.

А направлял он его к выходу на задний двор.

Хозяин молча проводил глазами своего постояльца, из гневно-красного ставшего мучительно бледным. Венн держал слово. Гостю не чинился никакой телесный ущерб. Его

не убивали оружием, не гвоздили кулаками и не связывали верёвками. Они с венном об руку шагали к двери. А уж что там случится вне двора, не наша забота. Во всё встревать, чего доброго голова заболит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.